

ВАЛЕРИЙ АФАНАСЬЕВ

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ВЕЧНОСТИ

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Роман, предлагаемый русскому читателю, был начат весной 1992 года и закончен в конце следующей зимы. Подобно большинству своих романов, я его написал по английски; исключением из правила является, пожалуй, то обстоятельство, что я перевел его на русский язык прежде, чем на французский. Г.П. Осокин взял на себя самую неблагоприятную работу: подготовку черновика. Пренебрегая увещеваниями Набокова, я не помешал английской барочности заразиться русской лубочностью, давая волю родноязычной фантазии лишь только появлялась возможность слегка отступить от оригинала.

События, описанные в романе, так или иначе связаны с концом «перестройки» и началом «стройки», которую мой замечательный японский друг, Акира Асада, охарактеризовал бы дряхлеющим капитализмом (по его мнению, Соединенные Штаты недавно вступили в пору буйной капиталистической молодости). Очереди, пустые прилавки и блуждание голодных псов по Москве могут показаться давно пережитым прошлым, хотя автострад в России по-прежнему нет, и героиня отчасти права, когда утверждает, что BMW и Ferrari «тут не на своем месте».

Что бы там ни было, Россия – страна вечная, а в вечности ничто бесследно не исчезает.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Франсис отлеживался долго и безропотно. Осенние ветры нагнали целую кучу крылатых семян, а те, хладные, облепили череп и, затаившись, выжидали, пока весна не затрубила над сонною землею в свой рожок. Тогда они проклюнулись и проросли русскими словами. «Ты тут – дома», – гласили слова.

Франсис был дома и никуда не собирался. Лежал на охранном одре, рядом с огромной греческой вазой: пребывал в ладу с окружающим миром. А мир в иных условиях и обстоятельствах мог вызвать у него и беспокойные чувства.

В памяти засуетились всякие слова, но те, что могли бы оказаться достойными внимания и были бы сродни его головокружительным успехам, никак не удавалось ухватить: витали вдалеке, за пределами стен. «Другие обстоятельства, другие обстоятельства», – принялся повторять он, пытаюсь вникнуть в тайну словес, явившихся невесть откуда и готовых – только тронь их – истаять в туманной дали. «А что же такое – там, вне? Ведь что-то должно же быть, иначе я бы не подумал о других обстоятельствах», – произнес он мысленно.

Фраза эта разбудила желание проверить себя, обследовать собственное тело: испытать его возможности различными способами; однако, вскоре, вопреки предположениям, удалось убедиться, что оно не неподвижно. Оказалось – руки и ноги шевелятся и, следовательно, можно встать с ложа и даже добраться до порога и дальше – выйти наружу, в то именно внешнее пространство, где, согласно еще одному предположению, зародившемуся в глубине подсознания, кишели всякие картинки и роились иные слова. Да, для осуществления основных идей необходим большой, огромный простор! Но тут он стал понимать, что не совсем у себя дома: никакого сладу нет с теми незваными и нежеланными гостями, которые то и дело просачиваются к нему, посверкивая в полутьме глазами и одеждой, производя какие-то шелестящие звуки – будто сухие листья шуршат. «Где это я слышал, как листья шуршат? Почему они отмирают? – спросил он себя. Здесь нет никакой палой листвы – еще одно свидетельство тому, что внешний мир существует, но отгорожен тремя стеклами». «Земля. Вселенная.» Слова эти и вереница сопутствующих им образов – раскачивающаяся толпа сторонников, город на севере – вернули в прошлое с укороченной ретроспективой былых подозрений и неудержимых желаний. Он напрягся и представил себе будущее, что гораздо более важно, да и более податливо, нежели прошлое. К тому же, в будущем обитали и враги.

Франсис любил врагов. И победы над людьми...

Внезапно и прошлое и будущее опять исчезли, словно атомная бомба взорвалась внутри Времени, внутри человеческой истории. Франсис ухмыльнулся и даже удовлетворенно похихикал про себя: разрушение Времени, а заодно и

Пространства, отвечало его замыслам, зашевелилось в уголках сокровенных помыслов.

Франсис питал нежные чувства к пустыням и потому не смутился внутренним видом своего мозга, который внезапно объявился прямо перед ним – над роялем, в центре обители. Включился свет, и отчетливо проступило ее убранство, но, главное – стало очень хорошо видно, что в мыслях у него самого. А там, на какой-то студенистой ткани, колыхалось несколько слов. Среди них было и одно имя – Франсис. «Значит, я – Франсис», – сообразил он, пытаясь встать на ноги, чтобы как следует разогнать кровь во всех членах и дотянуться до чуждых, никчемных, всплывших в памяти слов, которые, сдается, исподтишка подсунул тот лукавый, что вечно норовит перечить. «Быть может, это он – Франсис», подумал Франсис.

Он не знал кто он такой. И спросить – некого: поблизости – никого. Но появилось смутное ощущение, что некто – не Всевышний, а обыкновенный человек – вполне осведомлен и о прошлом, и о нем самом. Франсис привык мыслить широко, по большому счету, и потому сразу же тысячекратно преумножил этого «некто», и тем самым населил Землю целой армией шпионов. Он повнимательнее присмотрелся к своим мыслям. Шпики шныряли там повсюду, загрифованные и переодетые в штатское платье. Они же пытались прикинуться обыкновенными словами. Он стал задерживать и проверять слова, но свет погас, повергнув его в замешательство. Вспомнилось чувство страха. «Заговор», подумал он. Значит, не мог забыть слово «заговор».

Помещение походило на гроб – удобно обустроенный и весьма обширный, способный вместить добрую сотню дюжих мужиков. Но Франсис запомнил слово «гроб» и был не в состоянии осознать сие сходство. Еще надеялся, что он дома и рядом – любимая греческая ваза. Не сходя с места, искал на ощупь вазу, но вместо нее дотронулся до какого-то незнакомого растения с клейкими, почти липкими, листьями. И кресло-качалка куда-то запропастилась. «Жена, – произнес Франсис. – Вечно со своими перестановками. Ее хобби». Она любила комнатные растения в горшках.

С полчаса Франсис бродил наугад, пытаясь найти кресло-качалку или другое нормальное кресло: расположившись в нем, он смог бы вполне совладать с капризными изворотами пространства и времени. Но нашел лишь рояль, издавший несколько звуков, когда он неверной походкой, шатаясь, прошел мимо в надежде обрести обитель покоя.

Франсис не был недоволен своей женой, и все в ней его устраивало, за исключением рук и зубов: она кусала его в постели и могла покусать даже в период вдохновенной работы. Как-то покусилась на его целомудрие прямо за заляпанным чернилами письменным столом. И именно этот, столь несвоевременный, приступ ее похоти не дал ему закончить такой важный параграф! Но он ей отплатил: спалил одно из тех пакостных растений и разбил ее очки.

А параграф тот изменил всю мировую историю, хотя последние пять предложений в нем так и остались неотшлифованными. Его верные соратники и единомышленники должно быть преисполнены чувством долга, беспрекословно исполнительны, рационально разумны и готовы убивать и убивать во имя великой цели.

Жена его – вовсе недурна: в смысле секса, так умудряется с себя юбочку стаскивать, что ножки ее, медлительно и постепенно обнажаясь, становятся все длиннее и изящнее. А ему оттого приходится непрестанно терзаться вопросом имеет ли он право глазеть на эти ножки со всех мыслимых и немыслимых точек зрения, созерцая их часами в разных ракурсах: в зеркалах, в ванной... По три-четыре раза на неделе он предавался этому сладостному удовольствию, подглядывая за нею и заглушая угрызения совести. «Ведь полно более важных дел, – подумывал он, наблюдая, как она окатывает свои нежные ляжки водою и умащает их французскими духами. – Повсюду на Земле страдают люди».

Да, всюду на Земле люди страдали, но она раздевалась все так же дразняще, и он от нее глаз не мог отвести.

Недавно составил завещание, где предостерег ее и об опасности, которой она подвергала себя: допустила заигрывания хвастуна и хулигана, коего следовало опасаться и гнать от себя поганой метлой. По воле случая тот оказался, ко всему прочему, поклонником Франсиса. «Не все они преданны!» – заорал Франсис, обращаясь к мнимым многочисленным слушателям. Выхватив из кармана наган, он потряс им в воздухе, пугая тьму. При всей своей решимости и твердокаменной ненависти все же не умел он, как следует пользоваться оружием. А уж убить врага или просто человека мог только через посредников, да и то издалека.

Сунув наган под подушку, Франсис посмотрел на свои часы, чтобышний раз удостовериться, что остановились давным-давно, быть может в первой четверти столетия. Но Франсис никоим образом не был ни мертв, ни похоронен: мертвые ведь не бродят по своим могилам.

Около часа слонялся он по обители, чтоб доказать себе, что еще жив. Утомившись, плюхнулся поверх покровов на ложе; а жена, как водится, не замедлила тут же куснуть его за плечо. Он ее не видел, но чувствовал всем телом. Она плотно прижалась сзади, а затем ущипнула за щеку и даже стала тыкать в него своим зонтиком. Неготовый пойти навстречу ее желанию и исполнить свой супружеский долг, он поймал ее руку, ходившую туда-сюда, как поршень, и мешавшую его размышлению. Сжал руку изо всех сил. Она вскрикнула, и он отпустил хрустнувшее запястье.

– Опять работаешь? – Она бы пустила слезу уже в самом начале их плотских игр, если бы не его жесткие указания не плакать при нем, ибо считал это проявлением слабости. На людях ей тоже запрещалось плакать.

– Я – думаю, – ответил он.

– Опять что-то накропал?

– Да. Написал... Кое-какие книги.

– Когда же?

– Сегодня утром. Вчера. Когда мы виделись в последний раз?

– А ты не помнишь? Почему никогда не помнишь обо мне?

– Я помню, у меня на памяти еще... – и он чуть было не поддался искушению выложить все обиды – у него с лихвой хватало на что пожаловаться; но сдержался, не желая уронить свое достоинство перед женщиной. Хотя и не намерен был идти ни на какие уступки в столь решающий для него период жизни. Сама история человечества сейчас зависела даже от его малейших прихотей. «Очки носишь?» – поэтому просто спросил он. Забыл, что сам разбил их единственную пару. А подходящую оптику приобрести не так-то просто в стране, где приходится жить и работать.

– Нет.

– Ты не можешь быть моей женой. Ты кто?

– Разве твоя жена обязательно должна носить очки?

– Кто подослал тебя?

– А что, это возбуждает? Придется порыться и отыскать очки прабабушки.

– Ты видела мои мысли?

Она опять игриво пощекотала его зонтиком.

– Ты ведь частенько изменял жене, скажешь – нет? А я – одна из твоих подруг. А как зовут твою новую любовницу из Швейцарии?

– Почему свет погашен?

– Извиняйте. Сегодня стриптиза не будет. Ты наказан.

– За что?

– За все! От тебя – всегда только беды да вред. Даже сейчас...

Франсис оттолкнул от себя жену довольно грубо, и она свалилась с постели. Звук падения ее не затухал пару минут, будто она телом считала ступени какой-то гигантской лестницы. Он однажды слышал подобный дробный грохот – на рубеже столетий, в конце нелегальной сходки. Тогда, удирая от нагрянувшей полиции, его друг Борис распахнул какой-то люк и ринулся по крутой лестнице в подвал дома. Прошло совсем немного времени и его – с переломанными ногами – уже волокли по городской площади трое полицейских.

«Забудь, сынок, ты эту неладную лестницу, – услышал он голос, прозвучавший где-то у него в голове. И то был голос отца. Франсис плотно прижал ладони к вискам, стремясь удержать его в этих тесных объятьях. – Ведь эта лестница ведет вниз, в Ад. Поверь, сынок, там, в подполье – ничего, кроме Ада со всеми его «прелестями». По лестнице следует не спускаться, а восходить. Найди себе красивую лестницу и карабкайся по ней... все выше и выше... Кстати, мне нравится твоя новая жена. Поздравляю тебя с удачным выбором. За последние десятилетия вкус твой стал много лучше. Забирайся повыше... что, тяжело дышать? Иль духу нехватает? А ты постепенно, понемножечку – вверх, вверх... Тебе она нравится? Весьма соблазнительная. Steigen, nachsteigen... Ведь восхождение души сквозь семь сфер небесных, планетарных,

означает возвращение ее к солнечному божеству – к местам ее истинного рождения. Именно жена – твоя Беатриче – и будет вести тебя на всем пути к небесам, к Солнцу, к Богу. Доверься ей да положишься на нее, боготвори ее. Взгляни на ее кожу, потрогай – чувствуешь, какая гладкая? И белая-белая, как у русской княжны. Древние египтяне в каждой пирамиде непременно оставляли лесенку: она считалась совершенно необходимой умершему или мумии его. Ведь Космос состоит из трех миров. Primo: земной мир, где материальный, то есть сущий, человек обладает действенными силами. Secundo: астрономически познанный и непознанный мир, где мы не вольны уже действовать, но все же он еще подвластен наблюдениям нашим и осмыслению. Tertio: неопределимый мир, в который нам дано проникать лишь воображением. Он – за пределами. Ни воздействовать на него, ни наблюдать за ним мы не можем. Древнееврейские мистики твердо знали, что три эти мира тесно и неразрывно связаны друг с другом. И лестница, что узрел Иаков, – один из символов этих идей. Карабкайся, сынок, вверх, вверх, вверх...»

Отцовский голос умолк, а дух отца открыл какой-то люк в центре зальца и рухнул вниз, загремяв по лестнице. Франсис застыл у рояля, и широкий лоб его покрылся холодной испариной. Вспыхнул свет и стало отчетливо видно и скверную одежду его, и жалкое состояние. А в любой момент ведь могли ворваться враги. «Лучше уж, в Ад, чем концлагерь», – подумал он, пролистав книгу «Архипелаг ГУЛАГ». Решил поселиться в Аду.

Когда он швырял свои грязные одежды в чемоданы, кто-то постучал в дверь. Рванулся к подушке, отбросил ее, но наган исчез. Схватил не ту подушку, не там искал? «Какая разница? – подумал он. – Все равно победа останется за мной».

Отворил дверь. Человек, которого он узнал сразу же, вошел и уселся в кресло-качалку.

– Ну, как вы сегодня? Читали книгу? – спросил пришедший, указав на «Архипелаг ГУЛАГ».

– Так – несколько страничек.

– Чудовищно, не правда ли? А вы сами что думаете о концлагерях и пытках?

– Вы сидите в моем кресле, – сказал Франсис.

– Жена приходила к вам сегодня утром?

– Никто не приходил. Утром я читал.

– А не лжете? – гость встал и подошел к ложу. – Вы любите ее?

– Дали взятку, чтобы попасть ко мне? Вам назначено?

– И меня не помните? – Я приходил вчера. И позавчера.

– Покажите пропуск.

Гость покачал головой, затем бесцеремонно уселся на простыни и снял пиджак. «Штатская одежда, – посетовал он. Теперь вынужден постоянно носить ее. А я, понимаете ли, в вашем деле – дилетант. Но они не желают направить к вам профессионала. Почему? Поди, угадай. Неисповедимы пути их, – продолжал

он, улыбаясь и потирая левое плечо. Наверное, считают вас неизлечимым. Но еще не перевелись те доктора, что не перестают присматривать и за неизлечимыми больными. Это вопрос долга и чести. Даже если они дилетанты».

Франсис стал пристально всматриваться в свою плоть до тех пор, пока кожные покровы не стали прозрачными и не проступила сквозь них вся путаница его внутреннего строения. Но, тем не менее, не узрел там ничего подозрительного – ни язвы, ни опухоли.

– А вы совсем не помните наши предыдущие беседы? Трудненько, однако, непрерывно подстраивать вашу память. Понимаете, нам не хотелось бы, чтоб вы вспомнили слишком много. Хотя, с другой стороны, – свобода воли, абсолютная свобода человеческой воли... – визитер потянулся к столику у ложа и достал оттуда стакан и бутылку минеральной воды. – Не могу бесконечно говорить...

Вода в стакане заискрилась. «Так сверкает только водка», – подумалось Франсису.

Гость осушил стакан, но не отставил его.

– Вы все еще представляете себе вселенную, исходя из атомистической концепции мира. Неизлечима – душа ваша, а не тело. Только Ориген, по наивности, полагает, что вас можно исцелить. Но, ведь это – ересь. Вы когда-нибудь читали Оригена? Он утверждает, что даже бесов можно переделать и спасти, в конце концов. Но бесы и с возрастом, к сожалению, не становятся лучше, в отличие от вина или виски. Их надо воспитывать словом живым и, при необходимости, нещадно пороть. Что до меня, то я – не против телесных наказаний, – и он налил себе еще стакан воды. – Примем на веру, что многие и многие миры сменяют друг друга в течение вечности, в безгранично длительном акте Творенья. И на протяжении всей этой последовательности миров, непрерывно разрушающихся и возникающих и сочлененных, как гигантские кольца, в единую бесконечную цепь, Глаголу постоянно сообщалось все больше совершенства... Божественному Глаголу... тому Глаголу, что создал все, и вся... Сегодня днем вы думали об Аде? – спросил он внезапно. – Размышляли об адских муках? Мой помощник...

– Нет, – сказал Франсис.

– Странно. Я был уверен, что мой помощник... Кстати, это была его идея – надоедливая жена... Думал, что ее плоть возбудит в вас сомнения по поводу некоторых ваших принципов.

– Мои принципы непоколебимы – заявил Франсис.

– Поживем – увидим. Пред нами – вечность... И миров последовательность. В следующем мире мы женим вас на другой женщине. А может быть – еще и в этом мире ... быть может, завтра... Теперешней вашей женой вы не обладали прошлой ночью, если не ошибаюсь. Компьютер у нас испортился...

– Моя личная жизнь... моя...

– Рад, что вы вспомнили эти словечки. Боюсь, раньше вы излишне часто забывали о них. Вы же любили прозрачность, разве не так? Проницаемость стен,

проницаемость умов... Скажу вам сразу – в этом нашем мире вообще нет секретов. Когда компьютеры в исправности. Для вашего же блага...

– Кто я? – спросил Франсис, тыкая указательным пальцем себе в грудь.

– А вот это – непозволительный для вас вопрос. Разумеется, вы можете его задавать, если хотите, но ответа не получите никогда; впрочем, если вы не..., – посетитель с недоверием воззрился на дверь, через которую гуськом проходило множество людей. – Эти слишком подавлены, чтобы болтать. Хотелось бы увидаться с вашей супругой. Когда она намерена вас снова навестить? Что-нибудь говорила об этом? А чей это зонтик? Ваш? Но вы же из дому не выходите. Нигде не бываете. Неисповедимы пути душ человеческих.

– Должно быть, жена забыла его.

– А что, сегодня дождь? Она-то выходит погулять? Не позволяйте ей покидать вас надолго. Женщины – эксцентричные создания. Они заботливо пекутся о славе и деньгах, но зачастую оставляют мужчину, у которого того и другого в избытке. Вы хоть представляете себе, как ценится тело ваше брэнное?

Франсис проигнорировал этот вопрос по причине его неприличия и потянулся за «Архипелагом ГУЛАГ».

– Принесите мне еще книг из вашей библиотеки», сказал он.

– Закончите сначала эту. В ней – ваша, так сказать, биография. Вы же должны узнать кто вы.

Удобно устроившись в кресле-качалке, Франсис открыл книгу на первой странице и начал читать, шевеля губами и одобрительно кивая. Затем вытянул руку и указал на закрытое окно.

– Подождали бы, пока я не уйду. Ну и воспитание у вас... Неужто все наши компьютеры сегодня вышли из строя? Придется найти вам гувернантку, французскую гувернантку или английского гувернера. Начнем с самого начала – единственный способ решительно искоренить дурные задатки и навыки.

– Мы разрушим до основания, а затем... – Тут Франсис выронил книгу, вскочил и стал по стойке смирно.

Гость расхохотался.

– Именно так, старина. Разрушим вас до основанья... А вот эти людишки мне порядком надоели. Что, вообще, они здесь делают? Ведь они вас уже не раз видели. Везде!

Какие-то люди все просачивались в приоткрытую дверь и глазели на Франсиса, а он пластом покоился на ложе; они не заговаривали с ним, не пытались потрогать его. И неудобно ему было в позе неподвижного экспоната под испытующими взглядами. Вспомнилось, как он болел в последний раз и как друзья его и недруги на цыпочках входили в комнату, где он лежал; склонялись над его лицом, пробовали пульс, приглушенными голосами говорили о будущем человечества, об акции, что последующим поколениям стала известна под кодовым названием «Красная пустыня»...

Франсис сел и произнес речь, взмахивая как можно решительней руками: уже стал сомневаться в действенности своих слов. Но никто не слушал; туристы тихо таращились на него из очереди и, пошаркивая, продвигались к выходу. Спрыгнув с ложа, он зашагал по зальцу, задевая за какие-то дождевики и сумки чудовищных размеров. Занял очередь и стал медленно подвигаться к своему изголовью, к той подушечке, где покоилась его голова. И, подойдя, не узнал самого себя.

– Неужели это – я? – подумал он, испытывая смешанное чувство изумления и омерзения. – С чего это мне лежать там внутри? – Потом потрогал стекла, что защищали его лик от излишнего любопытства и скрытой, затаенной неприязни «туристов», и проткнул эту прозрачную преграду костяшками пальцев, дабы пробудить себя. «Устал, что ли? Но не имею права отдыхать, хотя пишу и думаю чрезмерно много. Ибо мир вновь может охватить недуг». В писаниях своих и речах Франсис нередко определял мир как существо, «иссушаемое недугом» и «снимаемое раковой опухолью». Почку ту надлежит удалить, – писал он министру внутренних дел. Его воля была исполнена: почку удалили и пациент преставился.

Свет опять потушили. «Давно пора тебе в постельку», – услышал он голос матери и прильнул, счастливый, головой к ее плечу. Она погладила его по волосам – нежно, любя. Он размяк, и слезы выступили на глазах, потекли по небритым щекам, по толстой и короткой шее, похожей на пенек. Он привык видеть только слезы других и потому не мог догадаться, отчего плачет – от радости или раскаяния.

Роджер проснулся в полседьмого утра, натянул брюки и уселся за письменный стол, не удосужившись даже почистить зубы. Яростно схватился за ручку, к груди придвинул стопку тетрадей, выбрал самую толстую и принялся строчить обличительные речи, клеймя королей и императоров. Когда на консольных часах пробило девять, тетка Полина чмокнула его в макушку, запечатлев на ней алый кружочек. Стерла его рукавом ночной сорочки и предложила погулять в соседнем парке.

– Я – занят, – запальчиво заявил Роджер.

– О чем же ты пишешь? Опять о королях и императорах... конечно же, о рабах... А Спартака упомянул?

– Это – не тема для шуток – возмутился Роджер. – Равенство, братство...

– Некоторые императоры были просвещенными и весьма утонченными персонами. И не всегда пороли своих подданных на конюшне... Спроси отца, он расскажет.

Заслышав, что речь о нем, вошел отец, прижав ладони к заметно выступающему животу; приблизился и чмокнул в макушку, обдав стойким духом махорки.

– Толкуете об императорах, владыках мира... Н-да, вот, Навуходоносор, например, удивительно много строил. При его правлении Вавилон стал величайшим городом мира. Ты, должно быть, читал о "висячих садах", кои считались одним из семи чудес света...

– А подданные его тем временем подыхали с голоду.

– Он построил множество храмов и дворцов, провел дороги, возвел крепостные стены с воротами и соорудил в столице даже мост через Евфрат. И его подданные ходили по тому мосту...

– Надрываясь, полагаю, от тяжелой ноши – кирпичей, строительного раствора...

– То были – фрукты, сын мой, фрукты. И, пожалуйста, не перебивай меня. Наиболее изысканным и великолепным памятником, запечатлевшим в себе его художественный гений и бескорыстие забот о благе других, были «Врата Иштар», находящиеся ныне в Staatliche Museum. Обязательно сходи в этот музей, когда снова будешь в Германии. Желтые и белые львы, драконы...

– В своих дневниках Маркс подчеркивал, что Навуходоносор вечно развязывал войны, то есть был поджигателем войны. В 586 году до Р.Х. он захватил Иерусалим, разрушил главный храм его и почти всех жителей угнал в Вавилон.

– Хорошо, возьмем какого-нибудь другого императора или короля. Например, Фридриха фон Гогенштауфена...

Роджер встал и подошел к окну, казалось впитавшим в себя все краски утренней зари. Лазейка в мире социальных несправедливостей. «Отец, ты – сын крепостного, и свойственная тебе терпимость по отношению к классовым врагам...

– Почему в тебе так укоренилось это классовое сознание, сынок? Я – школьный учитель и обучаю равно богатых и бедных. Уверяю тебя, что достоинства и добродетели человека не зависят от тех денег, коими...

Роджер отмахнулся от отца и поднял газету, валявшуюся на полу. Надежда наткнуться на благоприятные вести выработала в нем привычку просматривать все подряд, что оказывалось под рукой. Но на протяжении долгих лет все было старо как мир, и в мусорной корзине Роджера, равно как и во всех мусорных баках в округе – в радиусе нескольких километров – валялись выброшенные им журналы и книги.

Земля все вертелась и вертелась. Мир слишком часто повторялся, будто Богу наскучила роль рассказчика. «Бог, наверное, уже старик, – подумал Роджер. – Кстати, какой сегодня день? А год, какой? – Он забыл и имя свое, и когда родился; уверен был лишь в том, что Роджер не настоящее его имя. – Быть может, я – Чарлз или Александр, или Николай. И возможно, сегодня – день моего рождения». Он улыбнулся и взглянул на газету, которую бездумно держал почти вплотную под стосвечевой лампочкой. Мозг его опять воспарил, трепеща, словно бабочка. Покружив по потолку, приземлился на гримасу знаменитого генерала. Газета подгорела сверху, и фотография генерала, занимавшая почти всю первую полосу, продолжала гореть, даже потрескивая. Роджер выронил газету; она медленно опустилась на пол, и он несколько раз топнул по ней, целясь ногой в лицо генералу. Наконец-то у него появилась возможность выразить свое отрицательное отношение к царской армии.

– Война, патриотизм... Рабочим и крестьянам нужны мир и хлеб. Мы обязаны превратить империалистическую войну в гражданскую! – Глядя сквозь дырку, образовавшуюся на месте глаз и рта генерала, он почувствовал, что коченеет от холода. Созерцал свое полое тело и ничего в нем не нашел, чтобы согреться: ни мускулов, ни жил, ни крови. «Как же это я живу без крови?» И душа его отлетела, заматавшись в поисках крови. Но в помещении не было и признаков ее. Тогда душа выскочила в окно и заскакала по ступеням – к лужайке, где резвились и лаяли бездомные собаки. По-видимому, душа его не боялась собак. «Вернись, – сказал Роджер душе. – Без тебя я тем более не могу жить». Душа встала на ноги, подошла к входной двери и нажала на кнопку звонка. Роджер открыл дверь и впустил ее. Но по-прежнему нерешенной оставалась проблема его личности. Она ведь не разгуливала по соседнему скверу; ее нельзя было позвать обратно, чтоб слиться с ней воедино и снова стать самим собой. Казалось, пребывала она где-то далеко – за границей, за каким-то железным занавесом. «Железного занавеса больше нет», – зазвучал чей-то голос у него в голове. Чей же это голос? Отца? В комнате царили тьма, а Роджер не был ни кошкой, ни совой. Он никого не увидел, ничего не увидел. Он не видел даже, как опустившаяся тьма окутала его. И все представлялось

таким внезапным и необъяснимым; и сама Земля, казалось, неслась не по обычной траектории, а двигалась куда-то наискосок. Лишь заголовки в газетах не изменялись за три года: «Война», «Патриотизм». Как всегда, он уверенно шел против течения. Даже социалисты во имя патриотизма отказались от интернационализма и были за войну. Роджер опять принялся топтать газету, разрывая ее подошвами сапогов. Вдруг еще один заголовок привлек его внимание, и он присел на корточки, чтобы получше разобрать текст, идущий ниже заголовка: «15-го марта в Пскове Николай отрекся от престола в пользу брата своего Михаила, но тот не согласился принять корону...»

Как меня зовут – Николай? Определенно – нет. Я б не отказался от престола в пользу брата. А у меня есть брат? У любого есть брат. И у Каина был брат. Николай, Николай... Что мне до этого Николая? Почему этот отрывок так привлек мое внимание? Добрые вести. Прекрасные вести. Почему? Еще один отрекшийся император... *Le roi est mort, vive le roi*. На трон взойдет другой император. Очевидно – не Михаил. Кто-то еще. Например, Иосиф. Все имена, имена... Достаточно взять телефонную книгу и полистать ее, пока не наткнусь на свое имя и свой телефон. Потом позвоню себе, и мы потолкуем. А телефон у меня есть?

Тут Роджер взглянул повыше и увидел чью-то, незнакомую голову, которую подоконник как бы отсек от туловища. Голова подскочила и вместе с туловищем влезла в помещение, столкнув по дороге горшок с кактусом.

– Роджер, Роджер, ты знаешь, какие новости? Ты читал?

– Меня зовут Роджер?

– Конечно. Не помнишь? Мы так порешили на последнем собрании, в феврале.

– Это – мой литературный псевдоним?

– Роджер, послушай, царь отрекся...

– Ну и что?

– Ты же читал газеты? Я закинул ее тебе сегодня утром.

– Ты?

– Окно было открыто, и я ее сюда забросил...

– А меня не было?

– Роджер, нам необходимо вернуться в Россию. Немедленно.

– В Россию?

– В Санкт-Петербург. Это – твой звездный час...

– Какая еще Россия? И почему мы должны туда ехать? У меня нет времени.

Я жду, ко мне должны придти.

Отворилась дверь, и вошел все тот же визитер.

– Браво, браво... Вы просто великолепны. Не узнали дружка? Откуда вам его узнать. То было в девятнадцатом веке, когда вы попали в дурную компанию. А где ваш наган? Все еще под подушкой? – Гость вытащил наган из-под подушки и дал его Роджеру. – Пристрелите этого пакостника! Кто не с нами, тот –

против нас». Роджер нажал на спусковой крючок; бывший дружок зашатался, заковылял к окну и вывалился наружу.

– Ну, и что вы сейчас ощущаете? – спросил гость. – Угрызения совести? Тошноту? Нет? Ничего подобного? Они дают вам таблетки, что я прописал? Вы смотрели «Механический апельсин»? Там героя все время колют... и как только он принимается за старое, его тут же выворачивает наизнанку... Почему же вы в кино не ходите? Ведь разрешено. Непременно надо посмотреть новую работу Питера Гриневэя. Прекрасно.

– Что такое Россия? – спросил Роджер.

– На самом деле, что такое Россия? Так, ничего. Не имеет значения. Не слушайте вы всяких пакостников... Мерзкие такие... И никак их не убить. «Он жив, он всегда с нами...» – Эту песнь сочинили в вашу честь. Отчего вы не покончили с собой еще в юности? У вас было достаточно поводов... не один раз... Брата вашего повесили за участие в заговоре и принадлежность к революционной террористической организации. Разумеется, вы его никогда не любили. Вы вообще никого никогда не любили. Но обожали этакий «театр», показуху. Так что, могли бы умереть с ним за компанию, выбросившись из окна. Соседи вам бы хвалу воспели за ваш team-spirit. Как сказать по-русски? Чувство локтя.

– Кого-то любил, – возразил Роджер.

– Маркса вы любили... Лично я предпочитаю Братьев Маркс...

– Да, у меня был брат. Вспоминаю.

– Опять забудете. И я специально прослежу за тем, чтобы к вам в руки больше никогда не попадал «Капитал». Слышал, отец ваш пытался учить вас по Каббале? Не уверен, что он достаточно подготовлен, чтобы справиться с такой горделивой задачей. На днях имел я беседу с одним известным каббалистом. Он считает вас дьяволом – между прочим так думают многие, совсем не знакомые с Каббалой и ее основными положениями, – но рассматривает ваш случай сквозь призму комментария Нахманидеса к разделу 7 главы 17 книги «Левит». Пустынные пространства, занесенные сугробами снега, скованные льдами... разоренные города на севере... идеальные места для пестования дьяволов... Вы же – с севера? Наверное из Сибири. Все, что за пределами Москвы и Санкт-Петербурга – Сибирь. В России, конечно. Мой друг думает, что вы сделаны не из всех четырех элементов, а только из огня да воздуха. А, по-моему, просто – из омерзительной грязи. Вы еще и летаете. Из Москвы в Швейцарию. Сегодня проснулись в Москве, а завтракали в Цюрихе. Ну, как, узнали что-нибудь о грядущем? Уж поскольку вы то и дело носитесь по воздуху, могли бы и поближе познакомиться с Князьями Зодиака.

– А будущее существует?

– Хорошенький вопросец. Знаю только, что вашим идеям не место в грядущем. Ваше будущее не существует. Но Время остановить нельзя!

– Какой же прок от Времени? Без моих идей?

– Однако, на свете есть и иные идеи. При демократии разрешено...

– Разрешено? Кто разрешил? Троцкий?

– Приступ амнезии, надеюсь, поставит вас снова на ноги. Не послушать ли нам, ради разнообразия, немного фортепьянной музыки? Раньше вы говорили, что произведения Бетховена утоляют жажду крови. Очень жаль, что вы так и не удосужились поучиться игре на фортепьяно у той пожилой дамы, что жила поблизости от вас и отличалась искренней преданностью музыке. Ни один из ее учеников не принимал участия в Красном терроре. К сожалению, у вас в Цюрихе не было пианино.

За окном, в цветнике, послышался шум: пятеро рабочих тащили огромный рояль – прямо по клумбам, топча по дороге кусты роз. Кирками и мотыгами они расширили оконный проем и пропихнули в него рояль. Шестой рабочий расстелил ковер, на который и водрузили инструмент. Гость одобрительно кивнул, открыл крышку и прошелся по клавишам, искромсав тишину невыносимым нагромождением звуков.

– Превосходный инструмент! Мы приобрели его в Гамбурге. На казенные средства. А где же пианист? Приехал с вами?» С этим вопросом он обернулся и бросил взгляд на самого здоровенного рабочего, который торопливо стащил с головы кепку и стал прокашливаться. «Ну, отвечайте! – гость надавил на педаль, и рояль издал унылый вздох.

– Н-нет.

– Как? Он нездоров? А таблетки мои пил?

Рабочий уже жгутом скручивал свою кепку.

– А ты можешь сыграть на рояле? Кто-нибудь может?

Прозвенел дверной колокольчик, и вошла пожилая дама, шурша и пыля подолом платья.

– Володя, Володя, как я рада, что вы приехали. Ведь в Швейцарии намного лучше, чем в России, не правда ли?

– Мадам, будьте любезны, не называть его Володей. Теперь он – Роджер. Вы же сегодня – Роджер? Вообще-то говоря, не легко поспевать за всей этой круговертью ваших персонификаций. Поэтому, мадам, зовите его просто Роджер. И, будьте так добры, не поминайте Россию, Москву, Санкт-Петербург, Симбирск...

– Да, вы, конечно, правы, абсолютно правы, – старушка закивала с готовностью. – Не будем говорить о России. Я же перебралась в Цюрих. Да и моя внучка тоже здесь. Это она привезла меня сюда. Она – такая милая и послушная. Вышла замуж за швейцарца преклонного возраста. А познакомились они в Москве. Он приезжал, чтобы что-то там подписать и вручить кому-то деньги. Так вот, он вручил их нам. Он, конечно, не так уж и молод. Но и не совсем стар. Замечательный человек. И очень богатый!

– Чем же он занимается? – спросил Роджер.

– Фармацевтикой. Микстуры, сиропы. Я просто счастлива, Володя. А как вы?

– Он тоже счастлив, – вмешался гость. – Ваш бывший сосед, мадам, теперь очень любит музыку и рассказывает в том, что...

– Правда? Тогда вам надо играть гаммы и арпеджио.

– Он утверждает, что музыка делает его добрее.

– Слушая музыку, я начинаю испытывать желание обласкать любого, – произнес Роджер. – Но, на самом деле, они все заслуживают лишь, того чтобы их били по башке.

– О, Володя, меня – не надо». Старушка извлекла из рукавчика носовой платочек и разразилась истеричными рыданиями. – Не мечите камни в ближних ваших! Рогатка все еще при вас? Ради Бога, не стреляйте в меня! Не убивайте! Не ссылайте в Сибирь! В архипелаг ГУЛАГ! Я буду давать вам уроки. Бесплатно. Не нужны мне деньги. У меня зять – миллионер. У него полно швейцарских франков. Франков, а не рублей.

– Миллионер? В твердой валюте? – Роджер наострил уши.

– Ваш не нужно будет заниматься музыкой по шесть часов в день! Всего по полчаса, ну хотя бы минуток по десять...

– Он, правда, миллионер? Этот ваш зять? – Роджер придвинулся к старушке, непроизвольно подняв руки до уровня ее губ, готовый придушить ее слова, коль они не будут отвечать его надеждам и чаяниям. – Познакомьте меня с ним. Эти деньги пойдут на... Вы мне верите? Человечество необходимо освободить от рабства. Не всех, конечно, но рабов и крепостных. Мы прикончим хозяев и пищей из их холодильников насытим бедноту. Как мы их будем кончать? Из автоматов и бомбами. Но бомбы не валяются на улицах. Мы должны купить их у капиталистов и американских генералов. Но у партии мало средств. Я не собираюсь прикарманивать ваши денежки. Я – не грабитель, хотя и живу впроголодь. Продукты раздам детям. Себе не возьму ничего, кроме разве нескольких пирожков и чуточки шоколадного мусса. Если не добуду эти деньги, я просто погиб! Жизнь дьявольски дорога здесь, в Швейцарии. В Советском Союзе все гораздо дешевле: хлеб, такси... Контролируемые цены... Никакого барыша...

– Почему же вы сами-то не можете заработать? – спросил визитер.

– Могу. И стараюсь это делать. Но издатели не присылают мои гонорары. Я шлю им рукописи, а они мне – ничего. Хорошо ли это? И это у вас зовется демократией?

– Если не ошибаюсь, вы же сами собирались упразднить деньги. Вы полагали, что идеальное общество может и должно жить без денег, возвращаясь к благословенной эпохе «натурального хозяйства». Интеллигенты и работники умственного труда меняли на харчи фамильные ценности – лишь бы выжить. Пол-России странствовало по трактам и железным дорогам, таская на себе и за собой – в мешках и баулах, на тачках, тележках и детских колясках... разный скарб и продукты... Вам нравилось это зрелище. Мадам, сыграйте ему что-нибудь. Наш пианист не приехал, захворал. Простудился. Там всюду гуляют сквозняки. Здесь, на Земле, их называют «ветрами».

Старушка пала на колени и умоляюще сложила руки.

– Зять отдаст вам все свое имущество: дом, яхту, деньги с банковского счета... Только не сажайте его в психлечебницу!

– Мы не ведем войну против отдельных лиц, – заверил ее Роджер. – Мы уничтожим буржуазию как класс. К какому классу принадлежит ваш зять? Каково его происхождение?

Старушка облобызала один из башмаков Роджера.

– Вставайте, вставайте, – увещевал ее визитер, помогая ей подняться с колен. – Нечего так волноваться. Даже если и произошло короткое замыкание. Починим сеть, подадим питание иотремонтируем компьютер. Обещаю, что этот «орел» – вам теперь не причинит никого вреда. Сыграйте для него что-нибудь! Он станет нежным, как ягненок.

– Могу сыграть только «Für Elise».

– Я призываю очистить русскую землю от всех паразитов: бездельников-богатеев, попов и гнилой интеллигенции! – продолжал бушевать Роджер, не обращая внимания на благозвучия Бетховена.

– Будьте добры, играйте погромче. Он вас не слышит. – Визитер взял золотую арфу и стал бойко перебирать струны, стремясь к усилению эффекта музыкальной терапии.

Роджер почувствовал, что звуки, как стрелы, пронзают обнаженное, привязанное к колонне тело; от сладостной боли онемели сухожилия и сердце.

Музыка – тоже враг. Прав был Платон. Все печальное в искусстве подлежит запрету. А музыка часто выражает печаль. Взять, к примеру, Шостаковича... Ту симфонию, что я слышал однажды по радио. Неужели жизнь – так ужасна и отвратительна? Неужели меланхолия вкраплена в наши души? Похоже, ничто не способно радовать людей. И они все страдают, несмотря на революции и грядущее процветание.

Душа Роджера плавала в воздухе, как надувной шарик, то, спускаясь к ковру, то, взмывая к чердачному окошку; нередко застывала напротив чела визитера.

– Успокойтесь, успокойтесь. Чуть позже я спою вам колыбельную... по-русски, по-английски... Важнее всего – мотив его умиротворяющая монотонность. Ведь история тоже монотонна и, на свой лад, тоже успокаивает. Потому что ничего не может случиться... ничего... что бы вы ни делали... или не делали... Ничего такого не будет... ни восторгов, ни страданий. Таков уж мир. Таково положение вещей в этом мире.

Визитер предложил руку старой даме, и они вдвоем направились к двери. Рабочие друг за другом повыпрыгивали в окно, вскарабкались на верхушку самого высокого дерева и растворились в нависшем облаке.

– Не уходите! – прокричал в мегафон Роджер.

Душа его спланировала к входной двери и открыла ее. На пороге стоял часовой и делал вид, что старательно целится в небо из своей винтовки.

Роджер бросил наган на столик при ложе и обратился с речью к душе, призывая ее к послушанию и приличному поведению.

– Забудь ты все, что он тут плел. Тебе запудрили мозги, тобой помыкают. Как только нас разъединили, ты тут же превратилась просто в игрушку в руках беспринципной клики. Помни – везде враги!

Роджер крепко прижал душу к сердцу, и постепенно затолкал ее в шишковидную железу. Затем рукой поманил часового, и тот послушно подошел. «Примите экстренные спецмеры для раскрытия заговора», – зашептал Роджер ему на ухо. Охранник схватил винтовку наперевес и снова помчался исполнять приказ. Буквально через несколько минут от влетел обратно, трясая, как погремушками, парой отрубленных голов.

– Эти головы и все, что с ними связано, дают основание полагать, что за нашей спиной зреет предательский заговор, произнес Роджер. – Будьте бдительны! Остерегайтесь шпионов! Смерть шпионам! – Охранник снова схватил винтовку наперевес и снова умчался. Но вскоре опять появился, таща какой-то чемодан. – Положи на рояль! – Часовой водрузил чемодан на рояль и начал было уже открывать его. – Не надо, – заявил Роджер. – Я тебе доверяю.

Тогда часовой извлек из пропахшего нафталином стенового шкафа сразу три винтовки и занял свой пост у порога.

В помещение бесшумно проскользнуло несколько человек. Двигаясь в затылок друг за другом, они приблизились к Роджеру и окружили его.

– Укладывайтесь, – предложил средних лет мужчина. – Вы мертвы, и хватит нам морочить голову!

Роджер закружился, выделявая какие-то антраша и даже па из бального танца «Полонез», которые выучил на нелегальных сходках специально, чтобы вводить в заблуждение царскую тайную полицию и заставлять ее верить, что он – монархист.

– Танцуйте сколько угодно, заявил один из пришельцев. Это еще ничего не доказывает. На днях я смотрел «Танец смерти» Стриндберга. И, доложу вам, именно это вы сейчас и изображаете. Да вы и есть само воплощение смерти. Вы – мертвы, хотя и не захоронены. Имеются, конечно, некоторые проблемы с вашей душой. И тело ваше еще не истлело. И не сжигали его. И душа ваша еще связана с телом какими-то лигаментозными или телепатическими нитями.

Но Роджер продолжал отплясывать: ему крайне необходимо было любое подтверждение его бессмертия.

– Кончай показуху, – рявкнул длинноволосый парень, – не то я тебе врежу по роже! Знаешь, что сказала моя мамаша, когда в том году вернулась из Западной Германии? Она сказала, что вы украли наши жизни! Это ты спер у нас жизнь!

– А как было раньше принято изгаляться над трупами? – спросил еще один гость, поправляя очки.

– Ну, их, например, целовали, – отвечал другой, бородатый. – Бывало, их насиловали, хотя, слово «насилие» вряд ли тут подходит, поскольку трупы не способны оказывать сопротивление. Отрубали им голову, вырезали язык...

После этих слов Роджер подвернул язык и спрятал его себе в глотку.

– А как насчет пениса? – спросил бородач.

– Он с презрением относился к любви и эротике, – ответил очкарик.

– Наташа, иди скорей ко мне – заорал молодой. – Пусть вдоволь наглядится на наши любовные утехы!

– Я – Аннабелла, а не Наташа, – отпарировала, входя, жена Роджера; у лица ее, как крылья бабочки, трепетал китайский веер. – Как душно! Представляю себе, какая духота здесь летом! А я жить с ним должна, понимаете? Вы – просто туристы или случайные гости. А я – жена его. Инструкцию читали? Он раз в десять старше меня. А я ничего не имею против. Да и в данном случае все это не важно. Его останки не стареют, а мне, как всегда, еще и тридцати пяти нет.

Бородач выбил трубку о саркофаг, поцеловал ручку у Аннабеллы и взял ее за ягодицу.

– Муж – очень ревнив. Особенно после того, как Иосиф Сталин прямо у него на глазах обласкал Надежду Крупскую, его первую законную жену...

– И что же он сказал наглецу? – спросил Бородач.

– Ничего. Был парализован, – ответила Аннабелла и пустила три дымовых колечка к сводам. Но видел все.

– Все? – переспросил очкарик, расстегивая ей блузку.

Часовой, чеканя шаг, покинул пост у порога, остановился и выстрелил пару раз из винтовки. У бородача подогнулись ноги, и он рухнул на колени, выронив трубку.

– К сожалению, мне надо бежать по одному неотложному делу. Вы уж простите меня, – залепетал очкарик.

– Вы же знаете, где выход. А я все-таки побуду с Роджером. Надеюсь, вы понимаете...

Очкарик исчез. Аннабелла приложила ладонь ко лбу Роджера. Лоб был холодный.

Где я? У себя? Кто-нибудь еще здесь есть? Вопросы бесконечно вереницею, тесня друг друга, одолевают мой рассудок, но невозможно ни избавиться от них, ни отыскать ответы. А прямо передо мной, на фоне противоположной стены, я вижу свой мозг. Читаю свои собственные мысли. Я человек, иначе бы не был напичкан всеми этими словами и вопросами. Но сам же спрашиваю себя – кто я такой, что из себя представляю. И не знаю, могу ли я пробежаться или хотя бы самостоятельно стоять. Знаю лишь, что лежать могу бесконечно долго. И не желаю расставаться ни с пеленами и покрывами, ни с покойным одром. С моей могилой. При жизни я так много работал, что имею право отдохнуть – у моря где-нибудь. На Черном море. Или я мертв? Почему я думаю, что мертв? Эту мысль мне подсунули. Нарочно имплантировали, чтобы сбить меня с толку. Мертвые же не вмешиваются в дела живых, разве что в виде призраков. Но я-то не выношу призраков, равно как и похожих, на них людей – бесхребетных, вялых, снулых и инертных, на которых нельзя положиться ни во время социальных коллизий, ни в течение даже периодов застоя. Окажись я призраком, я бы в тот же день наложил бы на себя руки. Но призраки днем спят, разве нет? Быть может, я – оборотень? С чего они меня так ненавидят? Все, без исключения. Даже жена. Называют чудовищем. Оборотень? Возможно, стал им сразу после того, как скончался. Человек – живое существо, отличающееся от животных и неживых предметов знанием смерти. Он знает, что непременно умрет. А я знаю, что уже умер. Хотя бы из того, что со мною обращаются как с мертвым. А порою – как с оборотнем. Собаки норовят цапнуть меня за ноги, а мужики и бабы ткнуть вилами. Ergo – я существую, иначе они бы не гонялись за мной. Никто же не станет сражаться с пустотой. Никто не станет драться с мертвецом, если тот, конечно, не упырь. Странно, они всё стараются загнать ему кол в сердце, вместо того, чтобы вырвать зубы. А мое сердце стучит, как молот. Кую будущее. Мои взгляды зиждутся на единственно верной философии, и потому любые мои распоряжения и приказы справедливы. Интересно, много ли распоряжений я отдал в прошлом? Сколько людей из-за них было наказано? Я видел только одно тело на полу моей комнаты – оно служило красноречивым доказательством моего паралича. Интересно, что они там понаписали об этом в моих биографиях? Почему он не позволяет мне ознакомиться с историей моей жизни? Я же не могу валяться здесь совсем без дела. Все думаю, думаю... Притащил какие-то книжки, и среди них – ничего стоящего. «Tales of Mystery and Imagination» Эдгара Алана По. И еще – «Unnameable» Сэмюэля Беккета. Этот писатель совсем уж ни в грош не ценит реальную действительность, не отдает ей должного в свете революционных событий. Его произведение насквозь пропитано пессимизмом, духом упадочничества и буржуазно-аристократической эстетики. Мне понравилась

только последняя фраза: «Ты должен продолжать, я продолжу». И я продолжу, пойду дальше, каково бы ни было мое биологическое состояние. Невзирая на их политическую платформу. Трудящиеся меня поддержат. Я призову молодежь, и она повсеместно создаст боевые дружины. Только бы встать! На помощь! Помогите! Могу я сходить, хотя бы в сортир? Мне надо немедленно! И я еще ничего не ел сегодня. Объявил голодовку? Из-за чего? Из-за того, что они отказываются произнести во всеуслышание мое имя? Или из-за того, что удушили Революцию? Что бы там ни было, сегодня не стану есть! И завтра! Несколько пирожных и плитку швейцарского шоколада. Молочного с орешками. С миндальными. Припасу побольше пищи, чтоб дотянуть до следующей революции, когда бы она ни грянула. Какое имя будут выкрикивать тогда на улицах и площадях? Какое имя напишут на лозунгах и транспарантах? Обзаведусь псевдонимом. Этот тактический ход поможет мне свободно передвигаться по стране и усыплять бдительность царской охраны. Очевидно, я родился в России, иначе я не поминал бы царя так часто. Ведь я же не монархист. Какое бы имя выбрать? Роджер? Но в их досье уже есть это имя. Малони? Нерусское оно. Володя, Володя... Она называла меня Володей. Наверное, знала моих родителей. Жила по соседству. Или врет? Не из тайной ли полиции она? Не от самого ли Дзержинского; Феликса Эдмундовича Дзержинского? Надо подвергнуть ее допросу с пристрастием и слегка попытать, если станет отрицать всякую связь с моим прошлым. Замучу, изувечу, даже если во всем сознается. Скажет все – даже больше, чем знает. А к тому времени дружины наши пройдут необходимую подготовку. Стража! Стража!

Влетел часовой и машинально направил ствол винтовки на человека, лежавшего перед ним. «Ты чего?! Предатель! Не узнаешь? Я – Володя. Володя – я! – Часовой отвел дуло и щелкнул каблуками. – Ты видел здесь старуху? А на улице? На Красной площади? Ту, что умеет играть на рояле? Она однажды играла для меня – Часовой стал тарашиться во все стороны – Стрелять по людям можешь? Чтобы стрелять по людям, не надо ни ума, ни ястребиного глаза. Надави на спусковой крючок и... – Часовой вновь направил дуло на лежащего. – Кретин! Я говорю не о себе, о других! Я – тот, кто приказывает. Понял? А ты – кто стреляет, – часовой сделал «кругом» и затопал к выходу. – Кстати, если наткнешься на ту учительницу музыки, о которой я упоминал, не стреляй в нее. Не стреляй! Сначала я допрошу ее».

Откинувшись на спину, Володя вновь предался раздумьям. Он – где-то; уже несколько ночей провел в каком-то замкнутом пространстве, окруженном сплошными стенами. Нет ни входа и не выхода. А последний гораздо важнее первого.

И в самом деле, ведь именно благодаря выходу революционеры и другие свободолюбивые люди имеют возможность совершать побег из тюрем, куда их сажают короли, императоры и приспешники капитализма. После эффектного и захватывающего вызволения из сырых и затхлых тюремных камер, свободолюбивые люди с наслаждением вдыхают свежий воздух, гуляя в обществе друзей и родных.

У революционеров все иначе: они сразу же страстно набрасываются на любую подпольную работу, уходя в нее с головой. И места, где они встречаются с сообщниками по подрывной деятельности – чаще всего это подвалы – могут оказаться не менее сырыми и затхлыми, чем тюремные камеры. Но они никогда не позволяют себе бездумно тратить драгоценное время, прохлаждаясь на лужках и в лесочках. На них возложена священная обязанность: с помощью простых рабочих вырвать человечество из цепких лап капиталистов, куда оно попало по своей же небрежности. Без революционеров это благородное дело не может быть решено с должной тщательностью и во всей полноте.

Володя никогда сам не видел выходной двери, но знал, что она где-то поблизости, иначе революция была бы совершенно невозможна. «А революция возможна всегда, – произнес он про себя. – Революция неизбежна». Он перекатился к краю своего саркофага и вывалился из него, больно ударившись локтем. Некоторое время лежал на полу, не способный пошевелиться или позвать на помощь. Потом с трудом поднялся и пустился в путь вдоль стен и потолка.

Сначала он покатил на велосипеде, из-за чего вспомнился Париж и Национальная Библиотека, где он работал в декабре 1907 и в январе 1908 – в течение самого длительного периода его эмиграции.

Вставал я тогда в 8 утра и на велосипеде ехал из пригорода в ту самую библиотеку. Возвращался к 2 часам дня и продолжал работать дома. Однажды, когда ехал домой с авиационной выставки в Жувизи, что близ Парижа, на мой велосипед налетел автомобиль. Но я успел вовремя выпрыгнуть. Велосипед, конечно, был искорежен. Жаль. Он был у меня единственный. С тех пор ходил в библиотеку пешком. Зонта у меня тоже не было. И во время дождя мне приходилось искать укрытие в ювелирном магазинчике, в маленькой лавчонке с дорогими товарами. Я ничего не мог купить там. Башмаки у меня были тесные, и я вскоре натер ноги до волдырей. Но не мог позволить себе новую пару туфель. Кончилось тем, что стал ходить в библиотеку в домашних шлепанцах, совсем дырявых. И потому носки у меня всегда были мокрые. И промокал я весь до ниточки. Ради революции. Здесь же в потолке нет никаких дыр. Здесь я, по крайней мере, защищен от дождя. И от ветра. Была бы хоть одна дырочка! Уж я бы протиснулся.

Пока он катил вдоль потолка вверх и вниз по стенам, мысли его бессвязно блуждали, перескакивая с одного предмета на другой. В конце концов, какой-то автомобиль налетел на его велосипед, и он бросил его в угол. И тут внезапно перед ним открылся новый вид. Он узрел длинный коридор, в конце которого было маленькое световое пятнышко. Он почувствовал, что плавно скользит по этому коридору, приближаясь к световому пятну; а то разрасталось и становилось все ярче. Володя начал сознавать, что этот свет означает нечто большее, чем просто выход из его залы, и потому был весьма разочарован, когда добрался до обыкновенной двери, где стояли двое часовых с винтовками. Увидев Володю в дверном проеме, они, не сговариваясь, прицелились ему в грудь.

– Стрелять нет нужды, – сказал один из них. – Он мертвый.

– Так это он? – спросил другой.

– Здорово изменился, но узнать еще можно. Видишь, какие у него глаза? А рот? До сих пор разинут. Все речи толкает.

– Я ничего не слышу.

– Так он же мертвый. Но продолжает выступать.

– Перед кем?

– Перед нами, перед ними, – и он ткнул стволом в сторону кучки прохожих, бредущих по Красной площади к Москве-реке.

– Не может закрыть свою пасть? Может, мне его шлепнуть?

– Не связывайся с мертвецами. Пусть себе гниют с миром.

– Где мой охранник? – вмешался Володя. Он уже раз десять задавал этот вопрос.

– Он же не имеет права выходить. Даже, чтобы размяться или...

– Это – вход. Никто не имеет права выходить через вход.

– Пусть выход ищет. Что, если я его все-таки шлепну?

Володя пошел обратно и обнаружил, что в его зале кто-то есть. Какой-то мужик ползал на четвереньках перед саркофагом. Время от времени он распластывался на полу и пытался нащупать что-то.

– Чем это вы тут у меня занимаетесь?

Человек выполз из-под саркофага, взглянул вверх и с облегчением вздохнул.

– Вы вернулись, вернулись! – радостно заорал он.

– Что вы ищете под моим ложем?

– Вас. Думал, вы спрятались там.

– От кого мне прятаться?

– От них, от них... – и человек рукою с вытянутым указательным пальцем описал огромное полукружие. – Подумал, вы заболели. Я – Костя. Если что нужно, зовите меня. Да я без вашего зова приду. Я пойму. На меня-то можете положиться. Мертвым часто бывает худо. Когда за ними не присматривают. А я присмотрю за вами. Испугался – уж не продали ли вас американцам. Американцам? Не смогли бы заплатить за вас выкуп.

– Ложитесь отдыхать. Попробуйте поспать. Наверное, устали после прогулки. И не гуляйте по Красной площади без темных очков. Вас могут убить. Вам сделали паспорт?

– Я потерял паспорт.

– И к лучшему. Если станут допрашивать или обыскивать, скажите, что вы – товарищ Иванов. А если не станут, то просто проходите мимо, как ни в чем не бывало. Но далеко не уходите. Никогда не уходите далеко.

Володя почувствовал облегчение. Этот незванный гость готов был защищать его от врагов и даже предлагал лечить от всех болезней, включая паралич, от которого страдал с 1922 года. И звучало все это так убедительно, будто гостя поддерживали толковые и хорошо вооруженные рабочие.

– Твои товарищи далеко? – В свою очередь, Володя встал на четвереньки и заглянул под саркофаг и кресло-качалку. – Передай им сразу, чтоб вооружились чем угодно по своему усмотрению: револьверами, ножами, пропитанной керосином ветошью – для поджогов...

Оба они теперь стояли на четвереньках. Костя протянул руку и погладил Володю по лбу.

– Они вынули ваш мозг, сунули в банку с жидкостью и поставили на хранение в лабораторию. Варвары. Удивляюсь, как вы после этого выжили. И сердце ваше тоже вынули. Теперь вы не ощущаете Время. И не считаете. Ваше сердце не отсчитывает секунды. Ваш ум больше не печется об истории, не охватывает ее одним взглядом. И так – год за годом. Многие годы. Ветошь, пропитанная керосином... У них теперь атомные бомбы. И ракеты. А у американцев есть еще и космический аппарат «Шатл». О ветоши вы писали в октябре 1905, в письме Военному комитету Санкт-Петербурга. Ветошь и керосин годились в 1905. А как нам перебить их в 1992? Как нам подавить и путч? Как нам перехитрить их ракеты?

– Дай подумать, – произнес Володя и встал. Он не хотел, чтобы его замешательство было заметно.

– Но разве вы можете думать? Бедный вы бедный. Варвары. Мясники, – Костя погрозил кулаком потолку и обратился к Володе со сверкающими глазами. – Но дух ваш жив! Я верю в ваш дух!

– Дело в том, что и душа моя жива. Вовремя поймал ее. У двери. Сам. Еще могу бегать и хватать.

– Бедный вы бедный, – повторил Костя и погладил Володю по щеке и подбородку. – Я верю в ваш дух, в ваш неукротимый дух. В бессмертный ваш дух. Мы его обрыщем. Он – не у них в руках. Он витает в воздухе. В атмосфере. Я приду завтра. До скорого!

Костя поцеловал Володе руку, сел на велосипед и растворился в обманчивом и пыльном воздухе коридора. Как только затих шум велосипедных шин, Володя попытался измерить тот период, что занимал временное пространство между 1905 и 1992 годами. Сначала он на пальцах подсчитал количество восстаний и контрреволюционных переворотов, которые могли произойти за восемьдесят лет. Он с воплями ужаса все загибал пальцы, но никогда не забывал их разгибать. Затем он прибегнул к помощи стоп и принялся измерять ими расстояние от ложа до рояля, которое условился рассматривать как пространственное изображение двадцатого столетия. «Здесь Троцкий со своими изменами, – произнес он перед креслом-качалкой. – А здесь Сталин со своей жестокостью и грубостью. Сколько же ошибок он наделал после моей смерти?» Несколько метров тьмы пролегли между роялем и греческой вазой, у которой он скончался в 1924. Что же произошло на протяжении этих темных метров?

– Вы когда-нибудь слушаете радио? – спросил визитер, входя с зажженным фонарем в руку. – Мы транслируем много программ о Сталине и других

коммунистических лидерах, управлявших Россией после вашей безвременной кончины. Кстати, от чего вы все-таки умерли? Книги по истории и энциклопедии хранят молчание по этому поводу. А мы, вопреки утвердившимся в людских умах представлениям, не беседуем изо дня в день со Вседержителем. Не припоминаете ли, чтоб вас травили или душили? Позвольте взглянуть на вашу шею и желудок. А, неважно. Бог с ним. Я ведь о жизни вашей пекусь, – о бесконечной жизни вашей души.

– Зачем вы украли мой мозг?

– Кто вам это сказал? Скорее всего, Костя. Тут предостаточно стукачей-добровольцев. Да и по всей стране. Несмотря на перестройку. Не нравится мне воздух в вашей стране. В нашей стране. Я тоже там родился, в Санкт-Петербурге. Самое время представиться... после стольких-то лет. Андрей Петрович. Фамилия не имеет значения. Отравленный воздух. Вы и ваши сподвижники умертвили воздух в этой стране. А воздух должен быть свежим. Витальное начало, несущее жизнь и людям, и камням. Воздух впитывает в себя воздействие небесных тел и передает их послания людям. И наоборот. Мы тоже шлем послания вселенной по воздуху. Он служит как бы телефоном и автоответчиком и чем угодно еще. Древнееврейские доктора считали его скрепляющей средой, способствующей соединению вещей. После того, как в последний раз видел вас в Мавзолее, я много путешествовал. Особенно – по России, России при Ельцине. Сколько понадобится времени, чтобы сделать воздух чистым в той стране? Можно в мгновение ока стереть оскорбительные фрески и надписи, но ...

– Где мой мозг? Что вместо него у меня в голове?

– Ваш мозг? В какой-то лаборатории. А в голове у вас сохранилось своего рода отражение. Вы вряд ли поймете все эти ученые сложности. Честно говоря, я и сам не очень-то в них разбираюсь. Как я уже говорил, мы же не ежечасно консультируемся у Бога. А с чего вы так беспокоились о мозге? Вам теперь нужно спокойствие ума. Почему бы вам не дать уму затеряться где-нибудь на московских улицах? Один буддийский монах приходит к учителю и говорит: «Будьте добры, успокойте мне ум. Он в последнее время что-то разбуянился». «Ну, давай его сюда», – говорит учитель. «Но я не могу найти его», – отвечает монах. «Воистину так! Я уже его успокоил», – закончил учитель.

– А я должен найти его! И я могу! Вчера его видел!

– Вчера вы спали. И позавчера тоже. В общей сложности, вы проспали три недели подряд. Насколько мне известно, вы были в состоянии глубокой комы. Перестаньте тискать свою голову! Она же очень хрупкая... после стольких лет...

– При перевозке его черепа в деревянной таре или в стальном контейнере нам надо не забыть сделать надпись на упаковке: «Не кантовать». Ведь грузчики и стивидоры нынче отличаются небрежностью, – заметил молодой человек, стоявший у рояля.

– Я же просил вас не приходить сегодня! Мой нерадивый помощник Феликс. Падите, пожалуйста... или сыграйте нам ноктюрн Шопена...». С этими словами Андрей Петрович привстал с кушетки и открыл крышку рояля.

– У меня – идея, – произнес Феликс, бабахнув крышкой рояля. – Мы можем продавать его по частям: голову, ноги, руки, запястья...

– В самом деле? А как насчет его души?

– Если доктор Грюнвальд отчленит ее...

– Я глаголю о душе...

– Мы получим гораздо больше тех 27 миллионов долларов, что американцы предлагают за все его останки вкупе. И у любого музея в Соединенных Штатах и в Западной Европе будет что-то из самых ценных коммунистических мощей: его печень или легкие, уши или борода...

– Пупочек – отдельно, родинки – отдельно. Феликс! Позаботимся о душе его! У нас ведь еще есть время... пока его не захоронят. Я говорил ему о методах дзэн-буддизма...

– Все равно мы ее не спасем! Мы уже все испытали: и индуизм, и эротику. Не смакует он грудь Аннабеллы, не дивится ее ножкам...

– Ваша сдобненькая протезе...

– Да он же бесчувственный, – вмешалась появившаяся вдруг Аннабелла, на ходу снимая норковую шубку. – У него все мысли только о революциях да резолюциях...

Она неспешно направилась к Володе, лениво переставляя ноги и покачивая бедрами. По пути стаскивала с себя всякие одежки и швыряла их одну за другой в него, а он смущенно отворачивался. Подойдя к нему вплотную, она присела и разлеглась, перевесившись, у него на коленях, лицом вниз. – Совсем бесчувственный. И по попке меня не пошлепает. Сами видите.

– Наверное, не влюблен в вас, – сказал Андрей Петрович. – Ах, если бы только он мог влюбиться... хоть в жалкое подобие Маргариты. Salut! Demeure chaste et pure... Какая красивая ария! Мне так нравятся французские оперы!

Слегка отклонившись, Володя дотянулся до нижнего ящика своего бюро, выдвинул его и достал оттуда хлыст. Высоко размахнувшись, он щелкнул этим хлыстов, а затем дважды, крест-накрест, отрел им Аннабеллу по спине. Она взвилась, отпрыгнула и бросилась наутек, но это не позволило ей избавиться от истязателя. И у педалей рояля постепенно образовалась лужица крови. Кровь стала появляться на стенах и, накапливаясь на них, стекать струйками по мере того как выстрелы хлыста выстраивались в строгую звуковую последовательность, и это их несло над Красной площадью и дальше – над Москвой и даже ее пригородами. Феликс, было, ринулся спасать свою подопечную, но Андрей Петрович, резко протянув руку, преградил ему путь.

– Он уже в раж вошел. Теперь его не остановить. Бог с ней. Она – всего лишь автомат с томатным соком в жилах. Но воздух, атмосфера... Меня беспокоит эта атмосфера... – и лицо его приняло брезгливое выражение. – Насилие и жестокость пропитывают сам воздух, атмосферу, и делают их непригодными для

души. Атмосфера, насыщенная нашими чувствами и эмоциями... а, с другой стороны, и преступлениями предыдущих поколений. Просто не могу ездить по России. Задыхаюсь в ее степях и лесах. Мне душно на Красной площади – на всех черных площадях Москвы и Санкт-Петербурга. Воздух сквозь поры проникает в тела людей и животных, возбуждая грезы их и предощущения. Какие сны бередают душу человека в нынешней России? Какое будущее уготовано там людям? Они беспокойно ворочаются на постелях, сжимаются и кривятся их губы, а веки судорожно подергиваются. Они зрят прошлое и прозревают будущее.

– Кажется, я понимаю, что вы имеете в виду, – заявил Феликс. – С этим довольно хорошо известным, феноменом я столкнулся еще в юности. В итоге он приводит к тому, что человека, проходящего мимо места чьей-либо казни, охватывает страх. Мой двоюродный брат Борис...

– 60 миллионов людей, нет – 70, были, как скот, забиты в России с тех пор, как произошла Революция – воскликнул Андрей Петрович. – И воздух там стал твердым, непроницаемым. И люди там – узники воздуха. Они превратились в статуи. Не могли не оглядываться невольно не прошлое.

– Иными словами, советским лидерам удалось создать незримый Архипелаг ГУЛАГ, такую всеобщую прозрачную Лубянку. Люди как бы пребывают в тюрьме, не будучи даже посаженными в нее. Но, знаете, Андрей Петрович, жизнь сама по себе...

А Володя не прекращал расписывать кнутом тело Аннабеллы, превращая его в живое творение экспрессионизма. Ее кровь иссякла; больше нечему было сочиться из рассеченной кожи и потому некто в черном, как кукловод в театре Бунраку, влил ей в артерии и вены литр смеси «кровавая Мэри». Она завизжала с новой силой, и ее кровь забила ключом, орошая лицо и лысину Володи. Вzbесившись от запаха «кровавой Мэри», Володя ускорил темп истязания, чеканя ритм. В голове его ревели трубы симфонии Шостаковича. Аннабелла в последний раз вскрикнула, и забилась в агонии; затем она стала разваливаться. Различные члены ее тела как-то сами по себе высвободились из тканей и запрыгали, корчась, по зале. Пальцы, зубы, кости – все было разбросано по полу, словно части анатомической головоломки. Володя с неистовым упорством принялся топтать их, и под его подошвами жалкие останки разваливались на все более мелкие осколки. Казалось, он намерен был наглядно продемонстрировать безграничную делимость атома.

Феликс наблюдал за разрушением своего автомата с дотошностью ученого и даже сделал по этому поводу несколько заметок в записной книжке, пестревшей всякими схемами и формулами.

– Недавно я читал его книгу «Материализм и эмпириокритицизм» где он выдвигает гипотезу о том, что «электрон неисчерпаем так же, как и атом». Должен сказать, что это весьма современно. Вы как думаете, Андрей Петрович?

– В той же книге он утверждает, что вещи существует вне зависимости от нашего сознания, наших ощущений, вне нас. Звучит все это довольно старомодно, если принять во внимание релятивистские принципы причинности,

содержащиеся и в фундаментальном полевом уравнении, и в методе бутстрапа квантовой физики. Помимо нас ничто не существует. И звезды – всего лишь наши красные и белые кровавые тельца... даже в этой «юдоли печали»... не говоря уже о Рае.

– Рай? Вы рассуждаете о Рае? – Володя выронил кнут и, утерев ладонью глаза и нос, сел, ссутулившись и уронив обессилено руки меж колен. – Электричество... Коммунизм есть Советская Власть плюс электрификация всей страны». Он в изумлении разинул рот, уставившись на те изображения, что существовали, казалось, лишь в периферийных отделах его рассудка, а теперь неожиданно возникшие на огромном экране, на противоположной стене.

– Трактора, лампочки... Что это за фильм вы показываете? – Андрей Петрович поднялся со стула.

– Я откопал его в наших архивах, – ответил Феликс. – Песни, улыбки...

– Несомненно – образчик сталинской пропаганды... лживое изображение сельского изобилия... Хватит этого бредового коммунистического рая! Довольно!

– Андрей Петрович снова сел. Экран потух, и раздался щелчок. – Как ваша голова, Владимир Ильич? В порядке?

– В порядке, – ответил Володя.

– Мы очень извиняемся, но нам только что пришлось аннулировать часть вашего мозга. Через минутку мы ее заменим другой – такой же по объему, но качеством намного лучше. Вы будете вполне удовлетворены.

– Я тоже, – произнес Феликс.

– Итак, я жду, – проговорил Андрей Петрович.

Воздух опять щелкнул и роскошно засветился экран. Колонны сверкали на солнце; река, искрящаяся жемчугами, пересекала долину, усеянную бриллиантами; потоки рубинового цвета сбегали со скалистых утесов, сочащихся медом...

– Это вино, а не кровь, – сказал Андрей Петрович, указывая на рубиново-красный поток. Опять что-то щелкнуло и экран погас. – А где же молочная река? Вы ведь обещали...

– Я полагал, что мы договорились ограничиться утесами, сочащимися медом, – ответил Феликс.

– Но одно не исключает другого, не так ли? Ведь и то, и другое есть неотъемлемые части одного и того же райского ландшафта. А как насчет виноградных лоз с десятком тысяч ветвей?

– В фильме... я имею в виду, на экране...

– Я, конечно, могу зачитать отрывок. Однако мозг его воспринял бы ваши изображения с большей готовностью и более глубоко. Дело в том, что зримые образы поступают непосредственно в мозг, а слова повисают в воздухе.

– Образы... Томазо Кампанелла... – прошептал Володя. – Научные знания, преобразованные в картины... написанные с обеих сторон концентрических стен... цитаты из моих книг, начертанные на глобусе, висящем под куполом главного храма... город циркулярной геометрии... социалистический реализм... картины – реальнее слов... город солнца... страна солнца...

Андрей Петрович надел очки и раскрыл записную книжку. «Настанет день, когда вырастут виноградные лозы с десятком тысяч ветвей на каждой, и на каждой ветви будет десять тысяч веточек, и на каждой веточке будет десять тысяч побегов, и на каждом побеге будет десять тысяч гроздей, а в каждой грозди – десять тысяч виноградин, и из каждой виноградины будет надавливаться двадцать пять мер вина. И когда какой-либо жрец коснется кисти винограда, чтобы срезать ее, то другая гроздь возопит: «Я лучше, возьми меня, восславь Господа мною!»

– Не любит он вина, – возразил Феликс. Предпочитает водку.

Внезапно воздух набух разнородными звуками – от людских воплей до военной музыки. Потом послышались тяжелые мерные шаги, и в дверном проеме показалась учительница музыки, а за нею – солдат, зажимавший ей рот рукою.

– Убери руку с ее рта! Она знала моих родителей. – Солдат повиновался. – Вы же знали моих родителей. Кто я? – Солдат ткнул винтовкой в спину старушке, и она, пошатываясь, шагнула к Владимиру Ильичу. – Кто я? – Солдат ткнул старушку в шею, и она повалилась на Владимира Ильича. – Не касайтесь меня! Как вы смеете! Кто позволил вам меня касаться? Отвечайте! Вы знали моих родителей? Вы в этом признались несколько часов тому назад. Или несколько месяцев. Мы вас не пытали, что бы там ни говорили о нас враги. Вы сами, по собственной инициативе, признались в связи с моими родителями. И я поверил. Почему? Да потому что я где-то ведь родился. Это предположение следует из того, что я существую. Значит, я родился, и у меня были родители – пара человеческих существ. Я же не порождение крокодила! Разве я похож на крокодила? Не похож. Я похож на человека. Следовательно, родители мои были людьми. И, судя по вашему возрасту, вы могли быть с ними знакомы. Сколько вам лет? Сто? Двести? Так что, вы должны были знать моих родителей. Более того, вы чем-то напоминаете мою мать. Уж не моя ли вы мать, в самом деле?

– Нет.

– Тогда, кто вы?

– Я – Анастасия...

– Меня интересует фамилия моих родителей, а не ваше имя. Как звали моего отца?

– Илья Николаевич Ульянов.

– Значит, я – Ульянов. Но кто такой этот Ульянов? Что такого он сделал?

– Они уже собираются открывать Мавзолей для широкой публики, – проговорил Андрей Петрович. – Opening time. Поэтому укладывайтесь-ка вы в своей саркофаг и закрывайте глазки.

– Почему столько людей приходит посмотреть на меня? Наверное, я очень знаменит.

– Конечно, знамениты, – расхохотался Андрей Петрович. – Вы – Ленин, основатель большевизма и первого социалистического государства в мире. Вы родились 22-го апреля 1870 года в Симбирске, переименованном в Ульяновск...

что на Волге, самой длинной реке в Европе. Хотелось бы прокатиться в Волге, вплоть до Астрахани. Она и до сих пор красива. Старые русские города, купола...

Илья Николаевич глотнул чайку с лимончиком, аккуратно поставил чашку на клеенку, прокашлялся и обратился к Ленину.

– Сынок, мне бы хотелось выразить тебе признательность за этот неожиданный визит. У тебя, должно быть, полно дел, но ты все-таки нашел время навестить своих престарелых маму и папу. Твоя матушка, Мария Александровна, сидит напротив тебя – мать Ленина привстала, сделала реверанс и снова села – очень приятно видеть тебя опять дома, в тесном семейном кругу, – продолжал Илья Николаевич. – Увы, наш семейный круг за последние десятилетия сузился. Теперь это даже и не круг, а так – только три точки: мама, ты и ваш покорный слуга. А в девятнадцатом веке у нас, кроме тебя, было еще два мальчика и три девочки.

– У меня был брат, – проговорил Ленин.

– Два брата, – поправил Илья Николаевич.

– Его повесили.

– Александра? Да, повесили в Шлиссельбургской крепости. Его арестовали за участие в покушении на Александра III. Как же он мог такое сделать? Данте, должно быть, низверг его в один из низших кругов Ада вместе с Иудой Искаротом, Брутом, Гитлером, Кассием, Сталиным, Берией... Данте – очень влиятельная персона здесь, в Потустороннем Мире.

– Ты встречал его когда-нибудь? – спросила Мария Александровна. – Как он там? По-прежнему страдает от головокружений?

– Мария! – с осуждением воскликнул Илья Николаевич. – Мы же только на прошлой недели репетировали с тобой этот завтрак. Володя – живой. В некотором смысле. Его тело забальзамировали и...

– Он стал фараоном? На старости лет?

– Фараоном? – Ленин даже уронил чашку, расплескав по всей клеенке чай с лимоном.

– Я всегда была уверена, что ты станешь великим человеком, сын мой. Я очень горжусь тобой, – Мария Александровна опять привстала и сделала еще один реверанс.

– Мария, сядь! – и Илья Николаевич в сердцах перевернул свою пустую чашку. – Володя, ты родную мать с ума свет. В людском облиии ты вел себя весьма скверно.

– В людском облиии...

– Фараон, – прошептала Мария Александровна.

– Большевики оградили тело нашего сына от тлена, дабы его субстанция продолжила свое существование. «Nihil enim, si non corpus», – говорит Тертуллиан. Только осязаемое существует, иными словами. А они нуждались в его реальности, осязаемости, жизни...

– Во время каникул в 1885 году брат привез с собой «Капитал» Маркса. Я его читал. Он у вас? Где моя комната? Я положил его под подушку.

– Мы его сожгли, – ответил Илья Николаевич. – Уймись, Володя! Можно мне называть тебя Володей? В девятнадцатом веке я звал тебя Володей. Сын ли ты мне... по-прежнему?

– Я родился именно в этом доме? – спросил Ленин.

– Хорошо, что ты приехал – как раз вовремя. Ведь рано или поздно его взорвут. Где нам тогда жить, Володя? Поблизости тут есть дом для престарелых...

– Где они спрятали динамит?

– Что ты?

– Они же в ближайшие дни собираются взорвать дом. А мне нужен динамит.

– Не шали со спичками, Володя! Ты уже взрослый ответственный человек. Что ты задумал? Давай, сынок, поговорим о твоём будущем.

– Перед лицом Истории нам в ближайшее время предстоит решить задачу самую революционную...

– Забудь слово «революция»! Ты уже успешно забыл довольно много слов. Не посягай на нашу историю! «Если маленький человек храбр, но не чтит Закон, то он становится вором», – говорил Конфуций. Не кради у нашей истории ни прошлого, ни настоящего.

– Столько людей обобрали... – произнесла, наконец-то усаживаясь, Мария Александровна. – Столько жизней украли... Куда ты подевал все эти жизни, Володя? Сложил на каком-то своем Острове Сокровищ? Воскреси же их! Они этого заслужили. И не заслужили того, что ты им причинил.

– Между прочим, вы их похоронили? Как твой отец я настаиваю на объяснении. Их местонахождение здесь, в Грядущем...

– Решение этой неотложной задачи, разрушение оплота не только европейской, но и азиатской, реакции позволит русскому пролетариату стать в авангарде международного революционного пролетариата.

– Сталин не решался и нос высунуть наружу, – проговорил Илья Николаевич. – Они ему прямо в кабинете показывали, как живут его подданные. На экране. У него в кабинете и ели, и плясали. Они хоть показывали тебе какие-нибудь советские фильмы?

– Мне нравится кино. Это – самое важное из искусств, потому что массам оно понятнее музыки или философии. И массы гораздо важнее индивидуумов, потому что массу проще и важить, и уважить. Индивидуумов – слишком много, даже если казнишь их тысячами, миллионами.

– Воскреси их, Володя! – вскричала Мария Александровна. – Ты же – всемогущ! Так воскреси ты этих людей, а уж потом мы их сочтем. По одному. Живых считать легче, чем мертвых, которых могилы в порошок стерли. Земля одна, но Адов – много.

– Думаю, ты не так меня понял, сын мой. Я не пытаюсь внушить тебе свою точку зрения, стремясь к некой практической цели. Ты, вероятно, обитать

будешь не в Раю, даже после следующего сожжения мира, даже когда все твои преступления и все улики против тебя стоят в искупляющем горниле Всевышнего. Рай – неприступная твердыня. Как говорил Тертуллиан, «единственный ключ от Рая – кровь жизни твоей». Только христианским мученикам дозволено там пребывать. Мне бы хотелось, чтобы во имя прогресса ты изменил бы к лучшему твои деяния. Выпей еще чайку, пока самовар с пылу-жару! Сахар? Попробуй бисквиты! Хороши? Не знаю, чем тебя там потчуют в Мавзолее...

– Ты сыт, Володя? – спросил Мария Александровна. – Не пей много водки!

– А твой пирог с вишней? Мария, ты забыла о вишневом пироге!

– Мой вишневый пирог? Кто его пек – Фекла?

– Феклы давно уж нет с нами. Вспомни, ты утром сегодня пекла пирог с вишней, не помнишь? Твой сын Володя – Владимир Ильич Ленин – обожает пироги с вишней.

– Сейчас принесу, – заявила Мария Александровна, но не двинулась с места.

– Если хочешь – я принесу, – сказал Илья Николаевич.

– Прогресс... во имя прогресса... Социальный прогресс... – Ленин вскочил во весь рост и вытянул длань вперед. – История подобна поезду, идущему из пункта А в пункт Б. Иногда этот поезд останавливается, а порою и движется вспять, то есть от пункта Б к пункту А. Наша задача – увеличивать скорость локомотива и отсекал любые конечности, что попытаются надавить на тормоза, дотянуться до рычага переключения скоростей или стоп-крана. Мы должны прибыть именно в пункт Б, а не в пункт В или Г. В истории человечества есть только один пункт счастья, и я призван во что бы то ни стало направлять тех, кто уклоняется туда или сюда от намеченного курса...

– Прогресс... – Илья Николаевич проглотил кусочек бисквита. – Я имел в виду твой личный, персональный прогресс, внутреннее совершенствование... pilgrim s progress... когда после тяжелого пути паломник испытывает душевный подъем, готовясь к созерцанию...

– Действовать! – с энтузиазмом воскликнул Ленин и принялся энергично катать головку сахара по клеенке. – Бездействие равносильно смерти.

– Но ты уже умер, Володя. Так что, теперь не спеши. Какой-то ты нервный, издерганный. У тебя есть носовой платок? Ты весь вспотел! Мария, дай нам, пожалуйста салфетки. У меня тоже нет платка. Это же вредно для твоего здоровья, сынок. Посиди смирно и оставь в покое эту сахарную голову. Позже можешь поиграть в солдатики, если захочешь: мы не выбросили твое оловянное войско. Знаешь, в этом доме давно уже музей. Коммунисты по-прежнему не желают, чтобы мы по своему усмотрению распорядились твоими вещами. А они мешают нам: грязные и скверно пахнут. Но нам запрещено чистить их, дабы не стереть бесценные отпечатки твоих пальцев.

– Мои оловянные солдатики? Я бы взглянул на них.

– Ладно. Надеюсь, ты не прикажешь им завоевать Кремль или Вашингтон... Илья Николаевич начисто стер улыбку букетиком ландышей, коими утирал уголки губ. – Почему ты рассматриваешь Творение лишь сквозь призму войн и революций? Сумма страданий людских неизменна. Никакая математика не способна избавить человечество от невзгод. А в твоём распоряжении – всего лишь оловянные солдатики.

– Я бы поиграл в них прямо сейчас.

– Не трогай их, – пролепетала Мария Александровна, всхлипнув. – Они такие хилые и мертвые. Ты и их умертвил. Ты убил ладе своих солдатиков.

– Давай спокойно поговорим об истории, психологии, религии и искусстве, – начал Илья Николаевич, ставя локти на стол. – Я полагаю, нелегко примириться с революционно настроенными индивидуумами, поскольку они, независимо от различий их убеждений и способов самовыражения, стремятся забыть о прошлом и помнят лишь о будущем, как будто до них никто не жил, никто не вдыхал этот воздух. Вселенная в их представлении сокращается до размера их идей, которые зачастую могли бы вполне уместиться в такой вот сахарной голове. Илья Николаевич бросил взгляд на Ленина, внимание которого, казалось, было полностью поглощено чашкой с блюдцем. – Настоящее, лишённое доброй старины и её неувядающих цветов порождает агорафобию. Связанная поначалу только с временным фактором, эта агорафобия обретает постепенно и своё пространственное проявление. Иными словами, агорофобная зараза поражает пространство. Со времен Революции границы нашей страны были наглухо закрыты под предлогом: не впускать врагов.

Мария Александровна поднялась и засемила прочь, мурлыча себе под нос какую-то старинную русскую песню.

– Мария! – Останься! Мы не виделись с сыном с тех пор...

– Скорее, скорей! Надо избавиться от оловянных солдатиков! Пока не поздно! Красная Гвардия. Красная Армия. Прага, Будапешт, Афганистан... – Мария Александровна дошла до лестницы, приподняла слегка подол юбки и положила руку на перила.

– Постой же... – Илья Николаевич широко зашагал вдогонку жене, и они оба исчезли, поднявшись по лестнице. Минут пять спустя, Илья Николаевич вернулся. – Вот тебе сувенир. Только один остался. Предотвратили катастрофу!

Ленин схватил солдатика и, не глядя, спрятал его в карман.

– Можешь достать еще? Отец, ты должен помочь мне. Они обращаются со мной как с инвалидом. Мне не разрешают выходить. Даже в сортир. У меня под ложем – три ночных горшка.

– Не говори, пожалуйста, «сортир». Это – вульгарно. А как же ты выбрался к нам, сюда? Симбирск ведь далеко от Красной площади.

– Пара часовых стережет выход круглые сутки. Каждый день, после полудня, я пытаюсь улизнуть, но они палят в воздух. Мне даже запрещено летать.

– А зачем тебе выходить? Разве тебе не удобно в твоём Мавзолее? Я слышал, они тебя и черной икрой потчуют, снотворным. Почему тебе не спится? Раскаянье грызет внутренности? Раскаянье, как стервятник своим клювом, как бездомный пес клыками своими, неумолимо вонзается прямо в сердце и отрывает от него куски.

Ленин вытащил из кармана оловянного солдатика и водрузил его на самовар. «Будь бдителен! – Крепи оборону нашей страны и береги нашу Красную Армию, как зеницу ока. Помни, что мы не имеем права расслабляться – ни на мгновение. Страна не должна быть застигнута врасплох. Мы миновали один период войн и должны быть готовы к любым непредвиденным обстоятельствам». Ленин, наливая еще одну чашку чая, толкнул самовар, и солдатик упал на клеенку.

– Враги – следствие агорофобии, а не наоборот, – Илья Николаевич поднял солдатика и рассеянно протер его фалдой фрака.

– Плетение словес... бесконечное, тошнотворное, умствующее словоблудие... Ты, отец, поди, устал от этих толкований. И никакого решения, и никакого исполнения его. Вперед! – вот что мне по душе. В этом жизнь. Вперед! Время никогда не движется вспять, разве только у Г. Уэллса, с которым я встречался в Москве много лет назад. Феодализм, капитализм, коммунизм – единственная верная последовательность социальных формаций, присущая истории человечества. И поскольку Время не останавливается и не движется вспять, постольку в любой капиталистической стране должен установиться коммунистический режим благодаря революции или с помощью парламентской борьбы. У меня просто будет миллион красногвардейцев, расставленных по всей столице, и делегаты поднимут руки в нужный момент. Раз уж была провозглашена и записана в конституции диктатура пролетариата, то страна никогда больше не подвергнется воздействию капиталистической экономики или капиталистических идей, ибо Время не движется вспять.

– Однако в современной физике время может идти вспять и порою так и бывает. Это очень трудно объяснить. Перед обедом я покажу тебе одну диаграмму. В релятивистской теории взаимодействий частиц... Ты меня слушаешь? Все пространственно-временные диаграммы можно рассматривать в обоих направлениях по временно оси и в пространстве. Любое взаимодействие может быть скомпенсировано эквивалентным взаимодействием с обращенным временем и с заменой частиц на античастицы. Понятно?

– Ты – просто школьный учитель, отец. И всегда был только им.

– Нет, я больше не преподаю. Я сам учусь. Много читаю, беседую с соседями, играю в шахматы в городском парке. А дома слушаю записи на пленках и компакт-дисках. Послушаем «Моисея и Аарона»? Шенберг был одним из самых одаренных новаторов в музыке. И все же отказывался называть себя «революционером». Он не принуждал учеников сочинять музыку в его стиле, в отличие от большинства идеологов. «Великое множество произведений можно еще написать в До-мажоре», – говаривал он. Почему, Володя, в своей новой

инкарнации ты не живешь в До-мажоре? Или в до-миноре? Жизнь в печали и в раскаянии вовсе не так уж неуместна после всего, что ты натворил в предыдущей своей жизни.

Внезапно растворились окна и, вздувая занавеси, ворвался вихрь, несущий пыль и прах минувшего. Чашки и чайные ложки пустились в пляс – причудливый, как танец булочек у Чаплина; и зазвенели, зазвонили, будто забили колокола церковей по всей округе.

– Чу! Слушай! – с восторженным подъемом воскликнул Илья Николаевич. – Се – До-мажор нашей жизни людской!

– Не надо подменять материалистическую марксистскую философию изощренно рафинированным идеализмом. Ты, отец, принадлежишь к категории так называемых «богоискателей – или «богостроителей», кто настаивает на том, что нужна новая религия. Вы стараетесь наспиговать мозги рабочих религиозным дурманом, подсластив его современной музыкой.

– Золотой телец. Берегись золотого тельца – вскричал Илья Николаевич. – Прислушайся к колоколам сиим! Откуда эти звуки? Наш главный храм был снесен еще в 1932. Все церкви в нашем городе были сравнены с землею или взорваны, потому что местные большевики негодовали от одной только мысли о присутствии «другого – бога там, где некогда находилась твоя колыбелька. Они считали, что примесь христианства и в ретроспективе может осквернить незапятнанный образ твоего детства. Ведь большевики чтят лишь свое прошлое. Они разоряют все в прошлом, настоящем и будущем всех остальных людей, которым – чтобы просто выжить – не остается ничего другого, как стать невидимками. За семьдесят пять лет правления товарищей твоих вся Россия стала как бы невидимой, и я не узнаю в ней ничего, пока смотрю открытыми глазами. Когда ж я смежаю веки, то сперва теряюсь, а потом бреду по России, по моей России, принадлежащей только мне, такой неповторимой, несокрушимой России. Прислушайся к колоколам сиим незримым! Откуда бьют они? Кто их раскачивает, где? Но с приближением вражьих сил они исчезают во облацех.

– Солдатик, солдатик; я потеряла одного солдатика! – закричала сверху Мария Александровна. В топоте потонули и звон колоколов, и скорбный монолог ее супруга. Потом топот стих. – Так вот ты где! Не спрячешься! Я тебя поймала!

– Прости, я слегка увлекся, разволновался, – сказал Илья Николаевич, глядя на дверь. – Ничего не рассказывай матери. Она очень обеспокоена моим здоровьем, волнуется за мое сердце. У меня, если помнишь, всегда было слабое сердце». – Илья Николаевич сунул в рот кусочек сахара и принялся пить чай вприкуску.

– Но это не он! – опять закричала Мария Александровна. – Это другой солдатик! – топот наверху прекратился, и она, в домашнем халате, возникла в дверях гостиной собственной персоной. – Куда ты его подевал? Убийца! Убийца! – Она рванулась к Ленину и схватила его за горло так решительно и с таким

проворством, что тот не успел позвать ни своих телохранителей, ни Феликса Эдмундовича Дзержинского.

– У нас тут завязался весьма интересный разговор, – спохватился Илья Николаевич. – Литературная дискуссия. Я спросил нашего сына, читал ли он Джеймса Джойса. Это, видишь ли, один ирландский писатель. Я тебе читал как-то его «Улисса».

– Убийца! – продолжала вопить Мария Александровна. Ленин ножом взрезал мертвый узел ее пальцев на своей глотке, и она, задохнувшись в приступе кашля, грохнулась навзничь, истекая кровью.

– У вас ножеточка есть? – спросил Ленин.

– Это еще один великий новатор нашей эпохи. Его творения изобилуют отголосками прошлого, – продолжал Илья Николаевич, ставя чашку и поднимаясь из-за стола. Подойдя к жене, он наклонился и зажал ладонью ее рану. – Что с тобой, Мария? Опять умираешь? Опять – после всех смертей, через которые пришлось нам пройти за эти годы?

– Убийца! Мой сын – убийца!

– Его нож всегда блуждает где-то рядом, но никогда нас не задевает. Мы неуязвимы, Мария. Только мертвым не грозит его убийственный гнев. Пойдем-ка в баньку и там смоем кровь.

Мария Александровна поднялась, и они вдвоем вышли из гостиной, провожаемые пытливым взглядом сына.

Ведь они уже бессмертны. Но все еще продолжают жаловаться на какие-то сердечные хвори. Все ноют. Неужели я – их сын? Их частица, брошенная в космос? Быть может. Чего не бывает в этой унылой, богом забытой жизни! И нельзя даже убить этих людишек. Какое имеет значение, кто они? И взгляды, и действия их вредны и, следовательно, мешают нашему маршу к счастью – к всеобщему интернациональному счастью. А препятствия должны быть упразднены любой ценой. Достоевский говорил, что все счастье мира не стоит одной слезинки ребенка. Муха в варенье. Вынем муху и спасем варенье. Или – оставим муху в варенье, но заставим всех думать, что мух вообще не существует. Ребенок сейчас плачет, а через несколько минут уже смеется. А если разобьется до крови, то наши доктора подлечат его ранки. Всему населению нашей страны мы дадим бесплатное медицинское обслуживание и построим столько больниц, сколько нужно, чтобы вылечить всех детей. А если дети будут умирать в больницах, то народим еще детей и построим еще больниц и психлечебниц. Презрение к смерти должно получить широкое распространение в массах, и таким образом победа будет обеспечена. Моя победа. Тот факт, что широкие массы трудящихся убеждены в правоте своего дела, питает и усиливает героизм масс, делает возможным массовые убийства и массовый голод. Лишь масса имеет какое-то значение, жива она или мертва. Вавилонская башня из трупов. Мы окажем открытое неповиновение Всевышнему и создадим монумент коммунизму. Где они там застряли? В парилке? Все истекает кровью, покуда не помрут? Поброжу по дому в одиночку. Опять умрут, если будут такими же непослушными и

неисполнительными. Лучше смерть, чем недостойная жизнь. Где моя комната? Я лежу наверху, в своей колыбельке. Даже в детстве я был бессмертен. Надо постараться не разбудить себя, а то прошлую ночь спал очень плохо. Глаз не сомкнул... месяца два... сотню лет. Всем известно, каким напряжением была для нас эта война и как она нас измотала.

Ленин прикрыл глаза и вновь открыл их. Родителей не было. Он встал со стула локтем опрокинув самовар. Окна с шумом захлопнулись, но издали все еще доносился звон колоколов. Прижав указательный палец к губам, Ленин на цыпочках выбрался из гостиной и шмыгнул вверх по лестнице. Впереди появилась дверь; она оказалась запертой, но ключа в ней не было: похитил какой-нибудь шпион или заговорщик. Ленин решительно поднял ногу, дабы разрушить макиавеллевские планы своих противников. После дюжины тщетных попыток он с ужасом осознал, что не может пройти сквозь стены и проникнуть в свою комнату без ключа. «В конце концов, это, может быть, и не моя комната», – подумал он, подбадривая себя. И двинулся дальше по коридору, в котором было полно дверей, стульев и выдержек из его трудов. Эти цитаты в рамочках, под стеклом, были развешаны на стенах и под каждой из них стоял стул; посетители могли спокойно поразмышлять о смысле напечатанных слов.

Идя по коридору, толкая очередную дверь или отыскивая ключ от нее, он заметил интересные таблички: «Не топчите. Уважайте историю Родины»; «Дышите реже. Музею Ленина не нужны ваши микробы». Одна из дверей была распахнута, и он, не постучав, прокрался в комнату. Груда рукописей на письменном столе так заслоняла свет, что атмосфера в комнате казалась благоприятной для вторжения призраков. Но не видно было ни одного из них, и Ленин неожиданно ощутил странное чувство одиночества. Здесь не было ни стульев, ни цитат на стенах или потолке. В дверь тихо впорхнула бабочка и уселась ему на башмак. Он снова поднял ногу, и бабочка исчезла среди рукописей.

Он вышел из комнаты и продолжил свой настороженный обход дома. Вскоре увидел приколотый кнопками к креслу обтрепавшийся снимок, на котором сестра его Анна, улыбаясь, приветствовала кого-то. Он сорвал снимок и бросил его под кресло. У широкой лестницы висела табличка: «Ленин сурово порицал тех, кто за все берется, но ничего не доводит до конца. Он питал отвращение к «обломовщине», к бесплодным мечтаньям, столь свойственным герою известного романа Гончарова. Он говорил: «Обломов еще бытует среди нас. И чтобы сделать из него человека, надо его хорошенько помыть и почистить, как следует выбрить и постирать. Пропарить в бане». Под надписью крутилась кукла на шарнире. Рот у куклы был широко разинут, а руки то вытягивались, то складывались. «Электрическая, – подумал Ленин. – Не механическая же она? Никто ведь ее не заводит». И дабы убедиться в своей правоте.

Ниже он заметил еще одну дверь. Она была заперта. В центре комнаты стояла колыбель. Ленин снял башмаки и одежду, вскарабкался в колыбель, и его тело стало съеживаться. Поначалу он изумился, но по прошествии некоторого времени успокоился и стал менее любопытен. Его тело вполне уместилось в

колыбели, и ему это показалось совершенно логичным – по крайней мере, он не
взывал о помощи. Он не чувствовала никакой боли, и беспокойные думы наконец
угомонились, хотя и не глотал снотворных таблеток. Тоска по прошлому
притупилась, и он протянул руку – не для того, чтобы указать верный путь
грядущим поколениям, а чтобы дотянуться до погремушки, которую няня трясла
перед ним. «Убийца», – сказала няня и уронила погремушку на пеленки.

– Пора, пора! Просыпайтесь! Надо спешить! Снег пошел. Наденьте валенки. Где ваши валенки?

Ленин открыл глаза и увидел перед собой человека с бородой; того, похоже, что приходил к нему в прошлом году просить займы. Но Ленин не могу вспомнить ни сколько он просил, ни под каким предлогом. Однако лицо, нависшее над ним, вызывало какие-то неприятные ассоциации.

– У меня нет денег, – пробормотал он и натянул одеяло на голову. – Где это вы отрастили себе бороду? От кого маскируетесь? Подите прочь!

– Я вас не слышу, – проговорил человек, стаскивая одеяло. Тогда Ленин схватил его за бороду и попробовал ее оторвать.

– Значит, борода – настоящая. Не приклеенная...

– Настоящая, нехотя согласился пришелец. – Думал придти к вам на следующий же день, но не смог. Заболел, очень сильно. А теперь выздоровел. Я – Костя. Не помните?

– И чем же вы болели? – спросил Ленин, инстинктивно отодвигаясь.

– Не бойтесь, – ответил Костя. – Теперь все в порядке: никаких микробов.

– А я и не боюсь, – заявил Ленин, но не придвинулся обратно к Косте, тем более, что тот и так разевал рот почти вплотную к подушке. – Вообще, зачем вы пришли? У меня же нет денег. Вы ведь – делегат Всероссийского Съезда Советов?

– Был – в декабре 1920, – ответил Костя, касаясь подушки своей бородой.

– В том году я приходил на собрание беспартийных крестьян, что проходило во время Съезда.

– Я вас там видел очень близко.

– Я же тогда удовлетворил их просьбу отменить дополнительные поставки зерна. Так что же тебе надо сегодня? Трактор? Корову?

– Корову бы – неплохо, – уныло проговорил Костя, – но пришел-то не за тем, а...

– Он отодвинулся от подушки.

– Вот, взгляните.

– И его глаза и борода пропали куда-то вниз. Ленин, повернувшись на правый бок, с любопытством стал наблюдать, как пришелец копошится на четвереньках. – Посмотрите, что я принес...

Четыре огромных ногтя веером лежало у его колен. Рядом была еще какая-то фуражка с тремя знаками на околыше.

– Что это за знаки? – спросил Ленин.

– Знак Луны, знак Венеры, знак Сатурна.

– А ногти? Откуда? Твои?

– Нет. Я их добыл из гроба казненного государственного преступника. Вырыл гроб и отстриг ногти. Они до сих пор еще растут. Костя достал саблю с черной рукоятью и взмахнул ею у ног Ленина.

– Это волшебная сабля. Вилы тоже волшебные.

– А где вилы?

– Сзади меня. А в этой медной чаше – кровь еще одного государственного преступника. Я сам вспорол ему брюхо. В психушке. Он все равно должен был умереть. Костя открыл маленькую картонку и вытащил из нее кошачью голову. – Этого черного кота пять дней и пять часов я кормил человечинной. Мясом еще одного государственного преступника. Для этих целей я никогда не беру коммунистов. Никогда. Честное слово. Не беру у них даже ногтей или волос. – Костя открыл металлический ларец и вынул оттуда продолговатый предмет, завернутый в газету. – И в «Правду» никогда не заворачиваю. Для этого у меня – еженедельное шахматное обозрение «Пат». Издается в Туле. Он развернул то, что было в «Пате», и протянул Ленину.

– Это что? Птица? Красная птица? – спросил Ленин.

– Это летучая мышь, утопленная в крови государственного преступника. Я набрал таз крови, поймал летучую мышь и утопил ее. Когда я топил ее, была еще жива. Это очень важно. Дохлые летучие мыши бесполезны. В них нет магической силы. Неужели я его потерял? Где же череп-то? Костя встал, гляделся и потянул носом воздух. – Где же череп? Вы его не брали?

– Ну, зачем мне череп? – спросил Ленин, приподнявшись на локтях. Но тоже потянул носом воздух и оглядел помещение.

– Он был в коробке... небольшой такой... для шляпы. Вы ее видели?

– Не видел.

– Она была в тачке, точно была. Со всем остальным. Я ее укладывал рядом с головой кота.

– А что это там, на рояле?

– Козлиные рога. Но череп важнее, потому что в нем раньше были мозги. Найти череп на Красной площади – не проблема, но череп отцеубийцы не так-то легко. Знаете какого-нибудь отцеубийцу? Вы сами-то не убивали отца своего или мать? Или кого-нибудь из ближайших родственников? Ладно. Бог с ними. Ваш череп мы не будем использовать. Нужен нам череп отцеубийцы или...

– Уж, конечно, не будем.

– Сошел бы и близкий родственник. Кто-нибудь из двоюродных. У вас есть двоюродные братья или сестры?

– О чем это ты? – Ленин сел, снял пижаму, затем встал и сделал шаг к сабле, но споткнулся о пару свечей. Чертыхнувшись, он пнул изогнутые в виде полумесяца две черные деревяшки, в которые были вставлены свечи.

– Поосторожнее! Я же слепил их из человеческого сала.

– Что?

– Да свечи, конечно. Ладно, попробуем без черепа.

– А ты уверен, что это сработает? Что, вообще, ты затеваешь?

– А вот этот запах – моя гордость. Понюхайте! – Костя достал из чемоданчика кадило и подсунул его Ленину под нос. – Можете угадать, из чего он составлен?

Ленин вдохнул дух, исходящий из кадила, и с сомнением покачал головой.

– Из смеси ладана, камфары, алоэ, серой амбры и стиракса, настоящей в смеси крови козы, летучей мыши и крота.

– Кто такие кроты?

– И пятнадцать дней я постился. Ел только раз в сутки – после захода солнца. И без соли. Черный хлеб с кровью, приправленной пресными специями, темной фасолью и сочными сонными травами... А в вино добавлял толкучку из конопли и маковых зерен.

Ленин приподнял ногу, дабы проверить на ходу ли его брэнное тело.

– Если вы не можете идти, я посажу вас в тачку. Я однажды вас уже носил. Около шестидесяти пяти кило. Конечно, тогда я был моложе и сильнее. А последнее время очень хворал.

– Когда это ты меня носил? Где? На похоронах?

– Я тогда крикнул изо всех сил «На руки его! – и схватился за вашу ногу.

– А я был мертвый?

– Живой. Слишком живой, как думали ваши враги. Ноги-то у вас шевелились. Я нагнулся и схватился за одну из них. Вы хотели вырваться, но я держал крепко. Потом потеряли равновесие и уцепились за мою шею.

– Душил тебя?

– Да у вас времени не было. Несколько товарищей, рядом со мной, подхватили вас и усадили на наши плечи. Вы кричали «Полегче, ребята! Куда вы меня?!», но мы несли вас высоко на плечах, а люди расступались и давали нам дорогу. Там был помост с целой толпой на нем. Мы поставили вас на пол помоста в самую середину этой толпы. Мы так любили ваш боевой дух, ваши глаза, сверкающие огнем! Теперь все это куда-то пропало. Смерть погасила. Но я вновь зажгу пламя в ваших глазах. Я отыщу ваш дух, засажу его в темницу и заставлю служить нашему общему делу. Но об этом потолкуем потом. Сейчас надо спешить – совсем забыл.

Ленин снял пижаму и начал искать свои брюки и шубу. Он знал, что в стене, недалеко от угла, есть фальшпанель, которая открывается с помощью невидимой кнопки. А за этой панелью, в сейфе, спрятана его одежда и некоторое количество иностранной валюты.

– Нам понадобится валюта? Мы собираемся за границу?

– Валюту возьмите. Но за границу мы не поедem, – с этими словами Костя вышел из помещения. Вернулся он с тачкой, заляпанной коровьим пометом и пятнами от гнилых помидоров, и занялся погрузкой в нее всех своих инструментов, самоделок и снадобий, что разложил в пространстве. А Ленин тем временем все еще прикладывался ухом к стене, в разных местах; внезапно дрожь

пробежала у него по телу, обернувшись где-то у копчика судорогой стыда. Он прикрыл срам свой фиговым листочком, затем натянул пижаму, а поверх нее накинул одеяло.

- Сейчас ведь зима? – спросил он.

- Наших следов не найдут, потому что – метель. К вечеру будет метель.

- А я не могу найти свою одежду.

- Возьмите еще одеяло или два. А у меня там, на улице, есть запасной тулуп. Часовой присматривает за ним.

- Часовой? Охрана знает?

- Я дал одному из них полсотни долларов. А другого мы обезвредили часов на двадцать, не меньше. Больше нам и не надо.

Ленин прихватил еще одно одеяло, валявшееся рядом с ночным горшком, и сказал:

- Пошли.

- Вы взяли валюту?

Некоторое время Ленин пристально взирал на стены; из глаз его исходили лучи света, зондирующие пространство за стенами. Но ничего достойного внимания он не обнаружил.

- Должно быть, они купили несколько новых компьютеров, – произнес он.

- По пути на кладбище нам надо заскочить в гостиницу «Россия». В России – есть банк. Для иностранцев. Обмотайте голову платком. А то кто-нибудь еще узнает. Попытаюсь протащить вас под видом деревенской бабы.

Ленин взял женский платок, а одеяло при этом соскользнуло с него и опять свалилось подле ночного горшка. Костя принялся выкатывать тачку из помещения.

- Погоди минуту! – кричал Ленин.

- Надо спешить, – отвечал Костя уже из коридора.

Ленин нагнулся, накинул одеяло и платок на спину и рысцой затрусил прочь. Он едва ли разбирал, куда направляется: под его стопами сменялись только половицы, но он не мог распрямиться, боясь потерять равновесие. Так он и трусил до тех пор, пока не уткнулся головой в нечто в военной форме, провонявшей тухлыми яйцами; и такое твердое, как лед на Неве. Он потерял равновесие и плюхнулся к ногам часового.

- Куда прешь – смотреть надо! Я-то – не мертвый! – прорывкал часовой.

- Мы очень торопимся, – сказал Костя.

- А он – босой, – сказал часовой.

- Где ваши валенки? – спросил Костя. – Не одолжишь ему сапоги? – обратился он к часовому. Ленин с мольбой во взоре уставился на Мавзолей.

- Двадцать долларов, – произнес часовой. – Я ношу только заграницные.

- Отдам, когда вернемся.

- Сейчас. Или – никаких сапог.

– Ждите меня здесь, – сказал Костя Ленину. – Если хотите, можете лечь в тачку. Вытащите из нее что-нибудь и освободите себе место. Не стойте босиком на снегу. Я отвечаю за ваше здоровье.

– Я за ним присмотрю, – сказал часовой. – А ты давай побыстрей!

И Костя зашагал, утопал в снегу. Часовой взглянул на Ленина, который все еще корчился у его ног, и помог ему встать. «Вы бы лучше присели, – предложил он, когда Ленин распрямился. – Ведь умаетесь.

– Замерз, – сказал Ленин, потирая ляжки и танцуя карманьолу.

– Детям и внукам буду рассказывать: «Я трогал Ленина». А они, может быть, спросят, почему я вас не прикончил. Или, в самом деле, прикончить? – Часовой направил свою винтовку в лоб Ленину. – Мне бы за это заплатили больше двадцатки. За такой труп я мог бы получить фунтов двести. А английские фунты дороже американских долларов.

– Не убивай меня, – пролепетал Ленин, озираясь.

– Загоню и одеяла эти, и платок. Капиталисты ведь любят сувениры. И пижаму, конечно, тоже. За нее очень много бабок дадут. – Часовой расстегнул на Ленине пижаму, поглазел на его кожу и опять застегнул. – Неужто нет пары брюк и рубашки? Не тенниски, а нормальной рубашки?

– Я дам тебе три тысячи фунтов, – продолжал Ленин. – Не убивай!

– Чего ты все рот-то разеваешь? Голодный что ли или пить хочешь? У меня ничего нет с собой. На посту нельзя ни есть, ни пить. И курить нельзя. Хочешь закурить?

– Я не хочу пить, – сказал Ленин.

– Я тебя по телевизору видел. Давно. Речь толкал. «Не знаю, какими словами можно выразить тот магнетизм, ту притягательную силу, с которой Ленин брал за душу тех, кто его слышал. Все, что он говорил, возбуждало нас и воодушевляло. Исчезали и страхи, и усталость. И словно говорил не Ленин, а все 40000 рабочих, что сидели и стояли и свешивались гроздьями отовсюду, куда только могли забраться; его устами выражались сокровенные их мысли и чаяния. Все, что было на душе и в сердцах рабочих звучало в голосе Ленина. Все, о чем думал каждый из нас, что переживал, но не умел ясно и исчерпывающе объяснить своим товарищам, обретало у него отчетливую форму и необходимую выразительность. И казалось – от того вся наша гигантская масса готова была разразиться бурей восторга». Здорово, да? Наш учитель заставил нас выучить это наизусть. До сих пор помню. Жаль, что тот документальный фильм был немой.

Часовой прислонил винтовку к стене Мавзолея, обеими руками крепко взялся за ленинские губы, широко раскрыл ему рот и как можно глубже заглянул в него; закрыл и вытер пальцы о шинель. «Не такой уж и большой у него рот», – подумал он.

– Ноги замерзли. Другой часовой... А где другой?

– Говоришь ты, что ли? Потерял голос. Много пьешь.

Ленин опять поглядел вокруг, поплелся куда глаза глядят, но потом вернулся и принялся рыться в тачке.

– Что ты там ищешь? Свои сапоги?

– Сапоги часового. Где-то должны быть его сапоги. А куда ты спрятал его тело?

– Говори громче!

– А ты вообще-то слышишь меня?

– Я тебя не слышу. – Ленин указал на сапоги часового и поднял два пальца. Часовой покачал головой. Тогда Ленин ткнул часового в живот и вновь поднял два пальца. – Сколько же сапог тебе нужно? Один или два? Хорошо, я дам тебе пару сапог, когда твой приятель принесет деньги. – Ленин дотронулся до винтовки. – А ну отойди от оружия! – заорал часовой, выпучив глаза. Он оттолкнул Ленина и, схватив винтовку, пальнул в воздух. Ленин зашатался и чуть не свалился в куст, но сумел удержаться на ногах и замер как изваяние около двери – прямо против часового. – Хочешь сам стать вторым часовым? Думаешь, кому-то надо тебя красть? – На это Ленин отрицательно помотал головой. – Так чего же ты хочешь?

Ленин оторвал одну пятку от земли и большим пальцем ноги написал на нетронutom снегу:

– Где второй часовой? Мне нужны его сапоги.

– Нет, – заявил на это часовой. – Ты получишь мои сапоги, когда твой приятель принесет деньги. Мне эта двадцатка позарез нужна.

Ленин понурил голову и, войдя в дверь, побрел по коридору – к своей зале. Он считал, что идет к своему гробу, но вскоре опять ощутил запах тухлых яиц.

– Без меня не найдешь дорогу. За десять долларов могу проводить.

Ленин выбросил все из тачки и улегся в нее сам. Вскоре он превратился в какой-то беспорядочный ком, покрытый тут и там кучками снега. Когда в поле зрения появился Костя, часовой пощелкал Ленина по носу и тот, чихнув, проснулся.

– Вставай. Твой приятель явился.

– Я умер. Зачем мне вставать? Вовсе незачем. – Ленин вновь закрыл глаза, а часовой стал шлепать его по щекам и подбородку.

Во имя Революции? Что люди вообще будут делать без меня? Они будут влюбляться, будут мучить своих соседей и ближайших родственников. Будут ненавидеть и убивать друг друга, а я мертвый буду лежать в тачке. Зачем беспокоиться? Разве я могу что-нибудь изменить? Но если и могу, то все равно – зачем напрасно тревожиться? Это уже было, я все изменял. И, тем не менее, теперь сплю в тачке. Меня похоронили в тачке, и снег покрывает меня с головы до пят. Как будто ничего и не было. А что было? Октябрьская Революция? Я же говорил им: «Или – полный вперед, или – раз и навсегда погибнуть. Вопрос исторического развития стоит именно так». Мы дали свой ответ на этот вопрос, но история поставила перед нами следующий. А меня уже нет в живых, чтобы

дать на него надлежащий ответ. И если я отвечу на него, то, что произойдет? Да ровным счетом ничего. Я говорил «Полный вперед». И мы погибли. Или я погиб. Умер. Так зачем вся эта суета? А история все ставит и ставит вопрос за вопросом.

Охранник перевернул тачку, вывалив из нее Ленина, и уселся на край, чтобы разуться с удобствами.

– Ну, как вы тут? – спросил Костя, приподнимая тело Ленина. – У вас теперь будут отличные сапоги. Я в «России» грабанул одного иностранца.

– Почему он меня не понимает? – спросил Ленин, кивком указывая на часового.

– А о чем вы ему говорили? О философии?

– Он меня не слышит.

– А я слышу.

– Что-то у него с ушами, – произнес Ленин, пройдясь взглядом с головы до ног охранника, будто по всему человеческому телу могут быть разбросаны органы слуха.

– Аа! – неожиданно рявкнул Костя.

– В чем дело? – спросил часовой.

– Меня он слышит, – сказал Костя.

– Почему же делает вид, что меня не слышит?

– Делает вид?

– В чем дело? – снова спросил часовой.

– Он – империалистический шпион, – заявил Ленин. – Притворяется, будто не слышит меня, чтобы я говорил без оглядки. Хочет, чтобы я потерял бдительность, осторожность.

– Кто? Этот стражник?

– О чем ты толкуешь? О втором часовом? – спросил «этот стражник».

Ленин поплотнее закутался в одеяло, уронив при этом головной платок на снег. Часовой спиной заслонил от Кости платок, незаметно подхватил его, и, скомкав, запихнул за отворот шинели.

– Вы готовы? – спросил Костя.

– Это далеко отсюда?

– Кладбище? Довольно далеко. Предписано выбрать местечко побезлюдней. Либо кладбище с погаными привидениями, либо загородные развалины, внушающие страх. Развалюх за городом сколько угодно, но они страх не внушают. В них живут. Стало быть, они не безлюдны. Но я нашел одно кладбище, где обитают злые духи.

– Пешком я далеко не уйду.

– Тогда полетим, – загоготал Костя.

– Зачем ты собираешься на кладбище? – спросил часовой, вручая Косте свои сапоги. – Его хоронить? Зря. Он стоит кучу денег.

– Не буду хоронить его. Обещаю.

Ленин, усевшись прямо на снег, без каких-либо усилий надел сапоги.

- Сильно велики, - заметил он.

- А мы в них чего-нибудь напихаем, - обнадежил Костя. Ваты или носков чьих-нибудь...

- Пошли, - предложил Ленин.

Они перешли Красную площадь и направились к Тверской.

- Сдается, один прохожий вас узнал. А где же ваш бабий платок-то? Потеряли? Или продали часовому? Не следовало. Я же грабанул япошку. Идите лучше за мной, тогда никто не увидит вашего лица.

Ленин последовал Костиному совету, и так они ташились еще с полчаса. Внезапно какая-то женщина средних лет налетела на Ленина, отдавив ему ногу; когда он обернулся, чтобы наказать ее, она отскочила и бросилась опрометью прочь, визжа от ужаса.

Еще уважают. Значит, я - живой. Я бы ее сослал, чтобы другим не повадно было. Жаль, что только у машин есть номерные знаки. Будь у нее свой номер, я бы его записал в блокнотик.

- Видите, что они теперь вытворяют, - сказал Костя, указывая на надпись, вспыхивавшую над огромной гостиницей сталинского образца. Надпись гласила: «Нет ничего дороже прибыли, кроме чести».

- Новая экономическая политика? - спросил Ленин.

- Ельцин продал Россию американцам, ответил Костя. - Он забыл о наших идеалах. Но у него нет достойного соперника. Вы - единственный, кто может противостоять ему. Он сейчас в Кремле восседает.

- Мы идем в Кремль? Я натер ноги.

- На кладбище. Нам нужен ваш дух. Вы не пойдете в Кремль в чужих сапогах. Мы обрядим вас в ваши одежды и, как прежде, понесем вас на плечах и водрузим высокую трибуну...

- А что же не несете сейчас?

Костя опустил тачку на снег.

- Вы же не растолстели здесь, в потустороннем мире, верно? Скидайте сапоги! Они-то тяжелые. - Ленин стащил с себя сапоги. Костя забросил их в тачку и присел на корточки. - Садитесь мне на плечи. Ну, как, вам удобно?

- У меня, как и у моего брата Александра, бывает головокружение. Поэтому, пожалуйста, не торопитесь.

- Но мы ведь спешим, - возразил Костя. - Можете держаться за мою голову.

- Будь добр, не скачи козлом вверх-вниз.

- Это - мой сын. У него ноги устали.

- Проходите, проходите! - заорал милиционер. - Нечего тут глазеть! Человек несет на плечах сынишку, потому как тот не может идти. А что с ним такое? Парализовало? Отморозил ноги?

- Он всегда и всюду бегаёт босиком. Ему полезно.

- И зимой?

Они продолжали неспешно продвигаться в людской толпе в сторону кладбища, как лодка, влекомая медлительным потоком. Вокруг них собирались зеваки, разбегавшиеся сразу же, как только милиционеры начинали угрожающе размахивать своими пистолетами и орать. А на Москву с безмятежным постоянством сыпал и сыпал снег.

– Тогда я был молодой. Поехал в Сестрорецк повидаться с зятем. Он мне и сообщил о вашем приезде. Вы меня потрясли, и я в вас поверил. Поверил и тому, что вы говорили. Через несколько лет отца расстреляли, а семью отправили в ссылку, но вы говорили, что большевики всегда правы. И я был уверен, что вы правы. Верил вам. Как мой отец говаривал, вере не нужны обоснования. Он был верующим. Он сказал, что вы антихрист и что видел печать дьявола на колхозных воротах. Мать говорила, что вы придумали такую специальную машину, чтоб сжигать стариков, потому что они только едят, но не работают.

– Мои враги говорили еще, что я пожирал людей. И старых, и малых.

– Правда, пожирали?

На это Ленин не ответил. Его укачало и не было никакого желания толковать о пище.

Костя весь был в прошлом. Он обстоятельно рассказывал, как его мать самолично подпалила свой дом, чтобы лишить большевиков добычи. «Отряд реквизиторов ворвался в хату соседей. Они вспарывали подушки, отрывали половицы, бурили дыры в стенах и потолках... Но зерна так и не обнаружили.

– Давай-ка лучше поговорим о будущем. Как ты думаешь, они услышат меня? Там – в Кремле?

– Скажи что-нибудь громовым голосом, – предложил Костя.

– Что бы мне сказать? – Ленин метнул взгляд в ту сторону, где, как он полагал, должен был находиться Кремль, и чуть было не свалился с Костиных плеч.

– Что угодно. Когда та женщина подойдет поближе.

Ленин издал протяжный вопль, когда женщина, повязавшая голову платком, поравнялась с ними; однако, она не обратила на этот вопль ни малейшего внимания. Ленин возопил еще раз.

– А я вас слышу, – сообщил Костя.

– Свобода слова! – кричал Ленин. – Имею право обращаться к людям в любое время и безо всяких ограничений. Имею право говорить все, что думаю.

– Та баба, должна быть, туга на ухо, – ответил Костя.

– А часовые? Я отрезан от живых.

– Вы – мертвый, – сказал Костя.

– Ты – тоже, не так ли?

– Да, так, – согласился Костя.

– Я могу говорить только с мертвыми, а к живым мне не пробиться.

– Уже недалеко, – успокаивал Костя. – С километр.

На кладбище было тихо; при приближении Кости и Ленина мертвецы не стали биться в своих могилах, ибо были глухи к высоким идеалам всеобщего братства.

– Сегодня они смиренные, – заметил Костя. – И нигде не видно никаких злых духов, кроме нас, конечно, – продолжал он, от души расхохотавшись над своей шуткой. – Погуляйте, пока я все готовлю. Не забудьте надеть сапоги.

Ленин выудил сапоги из тачки, но не стал надевать их, а положил рядом с каким-то надгробным камнем.

– Что это вы делаете? – забеспокоился Костя. А Ленин тем временем уселся на сапоги, привалившись спиной к надгробью. – Я бы хотел, чтоб вы подумали о вашей жизни, поразмышляли о прошлом.

Детство и юность мои прошли на Волге, в районах с преобладанием типичных крестьянских хозяйств. С горечью наблюдал я нищету и невежество, бесчеловечное рабство и жестокую эксплуатацию, что господствовали тогда на селе. К тому времени царизм уже расправился с революционным движением семидесятых годов. После убийства в 1881 году Александра Второго членами Народной Воли самодержавие поспешило свести к нулю даже результаты половинчатых реформ шестидесятых годов.

– О детстве и юности – достаточно. Сосредоточьтесь теперь на годах вашей зрелости, – сказал Костя.

Аресты, сходки, споры, Второй Интернационал, первая ссылка. Из России приходили вести о росте рабочего движения, об успешных попытках создания марксистской партии. Русско-японская война. В январе 1905 года в России вспыхнула революция. Третий съезд партии открылся в Лондоне в апреле 1905. Съезд принял все мои предложения и поправки, и, сидя в президиуме, я охотно аплодировал результатам голосования, коими управлял с помощью трансформатора, спрятанного у меня под сидением. Революция потерпела неудачу не по моей вине: я был в Женеве и Стокгольме. Тогда еще в моем распоряжении не было средств дистанционного управления. Во второй половине ссылки все было иначе. Революция непрерывно шла на убыль, испытывая поражение за поражением; реакция неистовствовала, охотясь за революционерами; полиция громила революционные организации; в массах обозначились признаки усталости, а среди попутчиков революции, особенно среди интеллигентов, участились случаи предательства, дезертирства и прямого отречения от Революции и Партии. Но этот период реакции не сокрушил моего духа. Наоборот, моя борьба против врагов Партии стала еще более непреклонной и неумолимой.

Тем временем Костя, вооружившись саблей, начертал на снегу меж могил большой круг, а в нем нарисовал треугольник, который окропил кровью из лейки; на одной из вершин треугольника он разместил жаровню.

– Красиво, да?

Ленин поднял взгляд. Костя помахивал у него перед носом каким-то белесым квадратом.

– Что это? Носовой платок? Ты так прощаешься со мною, собираешься уходить? А как же я доберусь обратно до Мавзолея? Тебя будут судить военным трибуналом и казнят.

– Это кусок человеческой кожи. Изменника. Он изменил нашему делу. Когда-то был моим другом. Да, враги наши – плохи. Но когда вас предаёт друг... Я пришел в неистовство. Костя разорвал лоскут на полосы и положил их в круг. – У вас есть зажигалка?

– Не курю, – ответил Ленин.

– И не любите стряпать, кашеварить?

– Нет.

– Значит, и спичек у вас тоже нет. А чем же мы зажжём свечи и огонь под жаровней? – Костя сокрушённо покачал головой и смачно плюнул в середину круга. – Ладно, сосредоточьтесь теперь на Русской Революции.

Пророческим оком я прозрел неизбежность восстания и его победу. Пророческим умом моим я осознал, что восстание в России проложит путь к завершению империалистической войны, что оно поднимет измотанные массы Запада, что оно приведёт к Республике Советов, и она станет оплотом революционного движения во всём мире. Впоследствии моё предвидение подтвердилось с беспрецедентной точностью.

– Именем Адонаи Елохима, именем Адонаи Саваофа, Тайною Саламандры, Сонмом Сильфов, Гротом Гномов – заклинаю: явись, явись, явись!

Произнося всё это. Костя стоял перед Лениным, широко расставив ноги. На голове его красовались козлиные рога, а с шеи свисала окровавленная летучая мышь.

– Диес Миес Иешет Бенедесеф Дувема Энитемаус! – Костя, воткнул волшебные вилы в голову чёрного кота. – Если ты не явишься, – он выругался и опять плюнул в круг, – я тебя заставлю с помощью Ключа Соломона и великого имени... – Тут дохнул порыв ветра и принёс с собою гомон голосов. – Узнаете свой голос? – спросил Костя, перестав ругаться и плевать.

– Нет. А ты?

– Я свой голос узнаю. Сегодня я что-то особенно говорлив.

– Я ищу свой голос! Тихо!

Сразу все смолкло и лишь редкие чьи-то рыдания порою нарушали тишину.

– Володя, ты слышишь меня?

– Ты кто?

– Я дух, я твой отец, приговоренный по ночам скитаться, а днем томиться посреди огня... По правде говоря, все это не совсем так. Я – твой дух. Мы здесь, в потустороннем мире, любим театр. И для себя и других духов разыгрываем комедии и трагедии. Я часто выступаю в роли отца Гамлета – как в пьесе Шекспира, так и в «Улиссе» Джойса.

– Ты не страдаешь, горя в огне сейчас. Ведь – дневное время.

– Потому что я не отец Гамлета, а Владимир Ильич Ленин.

– Сколько же на свете Лениных?! – воскликнул Ленин.

– Не знаю. Последние восемьдесят лет они печатали и издавали под нашим именем так много всего, что только в России может оказаться теперь не меньше сотни Лениных, да еще с полсотни в Европе. Дюжина Лениных объявилась и в Америке...

– А ты сам встречал других Лениных во время своих ночных блужданий?

– Так много я не странствую. У меня довольно ограниченная зона, и я редко бываю за границей. Здесь трудно с визами. Но одного Ленина я как-то встретил. И он был груб со мной. Неотесанный придурок! – Мне тошно слушать вас, – заявил он мне. – Но меня еще больше мутит, когда я думаю о сотрудничестве с вами, – добавил он. И вышел, хлопнув дверьми и оконными стеклами.

– Не будь столь нетерпимым к самому себе! Такова уж наша общая судьба. Кампания за кампанией против политической тупости, банальности, оппортунизма и так далее. И это длится с 1893 года. И по сей день, филистеры ненавидят нас! Мне говорили, что в Кремле...

– Он обвинил меня в излишней веселости и добросердечии. Сказал, что мне лучше бы играть роли Ричарда III и Макбета, чем водиться с пьянчугами и шлюхами. Он видел меня в «Генрихе IV» и в «Виндзорских проказницах». Между прочим, сегодня вечером я буду Старым пастухом в «Зимней сказке». Тебе оставить контрамарку?

– Ты можешь показать мне свой паспорт? У вас есть паспорта здесь, в этой области потустороннего мира?

– Я знал, что заподозришь меня в обмане. Но я – Ленин, хотя и резв и шаловлив. Ленин – многоликий призрак. Тебе следует с уважением относиться к своим землякам и особенностям их характеров – я имею в виду других Лениных. Да и какое у тебя право судить о моем поведении?

– Я обитаю в Мавзолее. А ты где?

– Здесь. На окраине Москвы. Неужели ты такой сноб, что считаешь адрес ключевым моментов в философском споре? Ты полагаешь, что являешься более аутентичным представителем Лениных из-за того, что проживаешь в Мавзолее?

– Официальный документ был составлен о моем теле как о...

– Я и не отрицаю, что люди из разных стран прибывают, дабы выразить почтение именно твоему телу. Но оно уже в состоянии развала. Смотри-ка! – Призрак локтем слегка ткнул Ленина в плечо и разбил его на шесть неравных частей. – И вот твое плечо, рассыпавшись, валяется теперь на земле рядом с могилой какого-то генерала – очередной жертвой, думаю, сталинских чисток. Нужно ли тебе еще какое-нибудь доказательство твоей смертности?

– С помощью софистики и псевдонаучного многословия ты пытаешься омрачить, ослабить и усмирить мой возбужденный...

Костя подобрал осколки плеча, послужил их, слепил вместе и приладил к туловищу Ленина.

– Не будем ссориться при этой деревенщине, – предложил призрак. – Ведь наша встреча должна остаться тайной. Я понимаю твою точку зрения и твое

волнение. Я тоже взволнован. Недаром же я – выдающийся ум Русской Революции, хотя и частенько исполняю роль Призрака отца Гамлета.

Тут Костя – руки в боки – с драматичными интонациями прочитал:

«Он манит вас последовать за ним,
Как если бы хотел сказать вам что-то
Наедине».

– Я тоже люблю театр, – объяснил он, – и надеюсь, что мне в ближайшие годы позволят сыграть Горацио. А лет через сто – и Гамлета. Тржусь упорно. По шесть часов в день репетирую перед зеркалом.

– Замолвлю за тебя словечко, – заверили оба Ленина.

И пошли прочь от Кости, скользя по снегу меж могил.

– Они поделились с тобой секретом твоей смерти? – спросил призрак Ленина.

– Нет.

– А видеофильм о твоих похоронах хотя бы показали? Нет? Это душераздирающе трогательно. Я всегда плачу, когда смотрю его.

– А как звучала надгробная речь?

Призрак замер на месте и скорбным голосом произнес: «Смерть отобрала у нас человека, кто основал нашу закаленную партию, кто создавал ее год за годом, вел ее под ударами царизма, пестовал и закалял ее в суровой борьбе с предателями дела рабочего класса, с равнодушными, колеблющимися и отступниками. Смерть отобрала у нас человека, под чьим руководством наша партия, овеянная дымом сражений, высоко подняла Красное знамя Революции...» Призрак умолк, залившись слезами.

– Попрошу Горького написать пьесу «Похороны Ленина». Все, что ты сказал сейчас, понравилось мне.

– Да? А что ж ты не плачешь? Тебе себя не жалко? «Смерть отобрала у нас символ угнетаемого Востока...»

– Мне жалко тех, кто там остался. Смерть отобрала именно у них...

– А себя не жалко? Тебя же убили! Меня убили!

– Кто?

– Догадайся!

– Любой мог убить меня.

– Змей, поразивший твоего отца, надел его венец.

– Этот? Как его зовут... Ельцин?

– Сталин!

– Но Сталин ведь умер? Он как-то появился у меня в Мавзолее. Я приютил его на ночь. Мы беседовали. Он слышал меня. Значит, уже тогда был мертвый.

– Был. И есть. Как любит шутить наш босс: «Оживление мертвецов не по моей части». И о чем же вы тогда беседовали? Сознался он в убийстве?

– Нет.

– Если еще когда-нибудь его встретишь...

– А как он убил меня?

– Задушил нас в постели после того, как изнасиловал дорогую нашу жену Надежду Константиновну Крупскую. Не помнишь? Твое тело словно сковало твой разум. Твои останки мешают твоим рассуждениям.

– Сталин... Теперь припоминаю.

– Ужасный лицемер. Знаешь, что он говорил в 1937? Ну-ка помоги мне приклеить эти усы. Похож я так на Сталина? Мне не раз доводилось играть его в нашем местном театре. Он говорил: «Вы должны, как Ленин, никогда не поддаваться панике. Решая сложные проблемы, когда необходимо внимательно анализировать положительные и отрицательные факторы, вы должны быть мудрыми и осторожными, как Ленин. Вы должны быть искренними и честными, как Ленин». Как тебе мой грузинский акцент? – Призрак снял усы, военную форму и вновь превратился в призрак отца Гамлета.

– Надоели мне твои представления. Сыт ими по горло, – заявил Ленин.

– И мне что-то не по себе, – тоскливо признался призрак. – Понимаешь, у меня ведь вечером спектакль. Ты когда-нибудь испытывал чувство «страха сцены – перед своими выступлениями? Помогало оно тебе или мешало?

– Я убью Сталина! – проговорил Ленин.

– Поздновато. Его отравили мышьяком. Берия убил его. А Хрущев напялил на себя корону.

– А как с новой революцией? Предполагалось, что мы обсудим политическую и экономическую ситуацию в России.

– Еще одна революция? Почему бы и нет? Я, если хочешь, могу сыграть роль Ленина в ней. Вообще – любую роль: Сталина, Берии, Брежнева, Гитлера, Андропова... Раньше я играл лишь негодяев. Сейчас переучиваюсь.

– Простите, что вмешиваюсь, но я думал, что вы могли бы его приободрить. Всю дорогу от Красной площади тащил его на себе... – Костя пошаркал ногой и поклонился; у лица его возникло облачко с водочным духом.

– Приободрить? Вот как? Так значит, сей визит – лишь для того, чтоб заострить твою, о дух-близнец, уже притупленную волю!

– Он – Ленин! – сказал Костя, пронзая водочное облачко.

– Верно. Он – Ленин. Я – тоже Ленин. Случайно, ты – не Ленин?

– Костя я.

– Неважно. И ты рано или поздно станешь Лениным. Хотя бы в том, что будешь бесстрашным в борьбе и беспощадным с врагами, как Ленин.

– Мне бы лучше – Гамлетом, – напомнил Костя.

– Имя Ленина, дело его и идеи будут жить в веках, оглашая всю вселенную, – заявил Ленин.

– Это из-за монолога «Быть или не быть». Моя женушка в восторге от него, – сказал Костя.

– О, в роли Ленина тоже немало великолепных монологов, – возразил призрак. – Например: «Мы имеем право гордиться и считать себя счастливыми, потому что мы первыми здесь, на краю земли, сбросили с себя иго хищного зверя капитализма, залившего кровью весь мир, повергшего в голод и дикость

все человечество. Но скоро и неизбежно зверь этот издохнет, хотя его предсмертная агония и принесет нам жесточайшие страдания». – Красивый современный вариант гамлетовского «Быть или не быть».

– Мне холодно, – сказал Ленин.

– Попробуй избавиться от своего тела! – предложил призрак. – Скинь ты это бремя со своего разума. Ни зубной боли тебе, ни геморроя, ни паралича...

– Я очень устал, – сказал Ленин, укладываясь на могилу адмирала. – Посплю немного.

– Похоронить нам его, что ли? Просто не терпится помочь соратнику избавиться от ярма материальной оболочки.

– Пролетариату он нужен в Мавзолее, – объяснил Костя.

– Для чего?

– Чтобы лицезреть его. Прикоснуться к нему.

Призрак посмотрел на наручные часы.

– Боюсь, мне пора. Начало спектакля в 7:30. Пожелай мне удачи, милый Костя. Сегодня я впервые буду исполнять роль Старого пастуха.

– Желаю удачи!

– У тебя нет какого-нибудь транквилизатора?

– Нынче после обеда кончился.

– Не потеряй его по дороге!

– Не потеряю! – Костя подхватил Ленина и взвалил его себе на спину.

– Будь осторожен! На улицах полно грабителей. Почему не вызовешь такси?

– Опасно, – ответил Костя, проваливаясь в сугроб. – Ну и тяжелый же он!

– Понятно, – произнес призрак. – «Adieu, adieu...»

– Буду помнить о вас, – закончил Костя.

«Милостивый государь,

Я запомнил ваше имя, но знаю, что вы существуете. Уже сам факт вашего существования доказывает, что вы – не Бог, ибо я не верю в Бога и своим приверженцам настоятельно советую уничтожать как церкви, так и церковников; поелику последние и несут всю ответственность за производство – в огромных количествах – опиума, который они скормливают рабочим и крестьянам, дабы лишить их всякой возможности осознавать социальную несправедливость и капиталистическую алчность. Духовенство утверждает, что неимущие якобы будут вознаграждены впоследствии, в Потустороннем царстве, уровень жизни в коем никем не может быть научно оценен из-за недостатка надежных данных или достоверных отчетов. Более того, я вообще не верю в существование Потустороннего мира, загроможденного пальмами, вербами да сковородками. Я верю в существование Мавзолея.

Целыми днями я говорю и общаюсь с теми, кто, нуждаясь в совете или ободрении, спускается ко мне в гробницу и склоняется у моего изголовья. Я бы продолжал активно участвовать и в политической жизни страны, не будь того запрета, что вы наложили на мои сношения с живыми. Ведь они не слышат моих обращений и посему даже грозятся прикончить меня, по ошибке принимая тело мое за оборотня.

Таким образом, я лишен свободы слова, будто заточен в темницу по приказу какого-то латино-американского диктатора. Я понимаю, почему вы меня боитесь. Я бы и сам себя боялся, будь я на месте моего противника. Я бы сбежал от себя, если бы мои обвинения были направлены против меня – моего тела, моего разума. Я бы удавил себя пеленами моими, кабы сам я взъялся на себя.

Воодушевляющие своей простотой и красотой речи мои, что звучали на стадионах и по телевидению, всегда направляли моих соотечественников к окончательной победе пролетариата над кем угодно – вплоть до господ бога и иных обитателей небесных сфер. С трибун и броневигов я говорил языков баррикад, орудий и концлагерей – единственным языком, доступным для живых. Я никогда не напускал тумана трансцендентных толкований, пригодных для потустороннего, а не материального мира, где вещи называются своими именами: лопата – лопатами, а пули – пулями. После моих призывов пролетарии не предавались праздным мечтаниям и не бродили бесцельно, подобно лунатикам; они штурмом брали дворцы и растаскивали их содержимое; они убивали не только тех, кто попадался им под руку, но даже тех, кто был от них далеко, сбежав за границу, скажем в Америку; они запевали «Интернационал», когда красное знамя вздымалось на шпилье, обдуваемым вентиляторами, освещаемым прожекторами.

А теперь все не так. Я лишен того, на что имеет право любая душа живого или мертвого – свободы слова. Да, мои речи слышны умершим, но их больше привлекают шекспировские драмы, чем мои травмы, чем реальней мир где товарищ Ельцин и его приспешники разбазаривают мое наследство и низвергают мои памятники. Поверженный наземь, я указую ныне на небо, а не в ту сторону, где покоится светлое будущее коммунизма.

Мне даже не разрешено появляться в старых фильмах, в кинохронике, что предоставило бы мне возможность повторить слова, произнесенные в начале века: мои слова – вечные и относятся к прошлому, настоящему и будущему. К сведению космонавтов: мои слова являются носителями правды и света во всех уголках солнечной системы.

Прошу восстановить живую связь между мной и рабочим классом, которому судьба предопределила осуществить значительные преобразования в Советском Союзе, Европе, Африке, Австралии, Новой Зеландии. Слова, которые произношу в порыве вдохновения, должны быть услышаны не только в подземелье, но и на Юпитере и в Соединенных Штатах Америки. CNN обязана посвятить моим статьям и книгам по крайней мере два часа в день.

В 1986 году я слышал по радио о конференции, которая, согласно диктору, состоялась в 1975 году там, где я некогда скрывался от царской охраны – в Хельсинки. Диктор предпочел поведать мне о последствиях конференции, не затрудняясь объяснить её цели и идеологическую направленность. Мне показалось, что конференция была ничем иным, как замаскированным съездом коммунистической партии: наши агенты заняли ключевые позиции во всех организациях; наши ключи открывают все двери, все сейфы. Следовательно их конференции являются нашими съездами. По следам резолюций, принятых на той пресловутой конференции, были созданы специальные группы, задача которых состоит в том, чтобы оповещать международную общественность о нарушениях тех резолюций. Я требую, чтобы одной из групп наблюдателей было позволено в дневное время посетить Мавзолей и со всей тщательностью ознакомиться со стеснённым моим положением, уделив особое внимание физической невозможности передачи моих идей живым трудящимся».

– Ну, как, закончили своё послание? – спросил Андрей Петрович, присаживаясь к бюро рядом с Лениным. – За последние три недели ваш стиль значительно улучшился, – заключил он, рассматривая лист бумаги, прикрепленный кнопками недалеко от стаканчика для карандашей и ручек. Затем он неторопливо перевёл взгляд на мусорную корзину, из которой торчал полуразорванный блокнот. – Вы мне напоминаете Гюстава Флобера. Он тоже стремился добиться такого стиля, где ритм был бы, как в стихах, а точность мысли, как в научном тексте”.

– Возмутительно! – заявил Ленин.

– Я видел, что свеча у вас горела далеко за полночь. Вы, как и прежде, трудитесь усердно, но теперь вы уже не бомбардируете нас своими идеями в сыром и голом виде, как это было в начале столетия, а отшлифовываете

литературный стиль, восполняя количество качеством. Над этим посланием вы прокорпели три недели. Почему бы вам не выправить все ваши книги? При такой элегантности нового вашего стиля их содержание могло бы..

– Возмутительно! – повторил Ленин.

– Говоря о группе наблюдателей, упоминаемой в вашем послании..

– Я хотел, чтобы они пришли с магнитофоном.

– Последняя группа наблюдателей за исполнением хельсинских решений была разогнана в 1982 году. Почти все её члены были либо арестованы, либо высланы за пределы державы, либо помещены в психиатрические лечебницы. Разве вы не слышали об этом по радио? Насколько помню, я давал эту информационную сводку в конце передачи. Должно быть, вы уснули. Тогда были несколько не в себе и не могли внимать моим речам. Вы чихали, хрипели и через каждые две минуты одалживали у меня носовой платок. Ведь Сталин продержал вас в морозилке почти три десятилетия. Удивительно, что вы не умерли ещё раз.

– В морозилке?

– Он объявил своим подчинённым, что тело ваше лучше сохранится при пониженной температуре, а Троцкий в знак одобрения возложил вам на грудь большущую глыбу льда. В действительности, Сталин просто боялся, что вы сможете вмешиваться в государственные дела. И надеялся существенно замедлить деятельность вашего мозга. За те три декады ваши мысли стали похожи на сосульки. А в 1953 году Сталина отравил Берия. Расстреляв Берию и сместив Маленкова, к власти пришёл Хрущёв. В феврале 1956 года на 20-ом съезде партии он произнёс свою знаменитую закрытую речь о культе личности Сталина, где упомянул и о вашей спячке. «Мавзолей – не айсберг!» – вскричал он, размахивая термометром. И начался период «Оттепели».

– А мне до сих пор холодно.

– Вы же бродите босиком. Недавно прихватили пневмонию, даже при Ельцине

– Даже?

– Да, даже, ибо по сравнению с той «Оттепелью» сейчас в России – просто лето.

– А был обильный снегопад, – хмуро заметил Ленин. И бросил взгляд на пару сапог, что слегка покачивались под ложем, как бы разминаясь перед изнурительной прогулкой. – Молодец Костя, – произнес он про себя.

– При Брежневe они опять снизили температуру – на несколько градусов. Вы лежали как бы в обычном холодильнике.

– У меня тогда был кошмарный сон. Я оказался внутри гигантского холодильника. Дверь была заперта и, несмотря на то, что стучался и кричал, не мог выбраться. А на полках было полно продуктов: йогурты, кровяные колбасы..

– Не такой уж и кошмарный, а скорее – сладкий сон. Йогурты, кровяные колбасы.. Вы слышите шаги? Я ожидаю гостя. Вам будет приятно увидеться с ним, потолковать о...

Андрей Петрович издал приглушенный возглас, узрев входящего с надменным видом и направляющего к нему еще одного Ленина.

– К чему это вы клоните? – завопил второй Ленин и ударив Андрея Петровича молотком по голове. – Вы намекаете на то, что у нас нет ни колбас, ни холодильников? Вы именно это имеете в виду? Вы считаете, что магазины наши – пустые и грязные? Пусть так! Может быть, весь наш строй никуда не годится, но первый паровой двигатель тоже был сконструирован скверно. И никто не уверен, работал ли он вообще. Я-то знаю, что он не работал. И тот локомотив торчал на станции годами! И до сих пор он там. Недвижим! Но дым-то идет. Вы слышите? Дым поднимается вверх! И суть в том, что у нас есть теперь и двигатели паровые, и дым. А дыма не бывает без огня! И паровозов не бывает без поездов! А поезда ведь возят что-то! И куда-то! Либо потребительские товары, либо самих потребителей! И как бы плох ни был наш государственный строй, он все же создан. И это наиболее важное историческое свершение. Локомотив истории! Государство пролетарского типа. И пусть вся Европа, все тысячи буржуазных газет мусолят вести об ужасах, нищете и страданиях, коим подвергаются трудящиеся в нашей стране! Все трудящиеся солнечной системы прикованы взорами к Советской державе!

– Помощник мой смастерил из подручных материалов эту марионетку, дабы исцелить вас от мании величия, наглядно показав, каким омерзительным был Ленин. При жизни Феликс дважды проходил курс лечения от алкоголизма и потому здесь использует те методы... Знаете, они же все извергают из себя. Прекратите долбить мне молотком по черепу, у меня и так голова раскалывается. Теперь вы понимаете, какой вы мерзкий? – с последним вопросом Андрей Петрович обратился опять к «настоящему» – Ленину.

– А я подумал, что это – загримированный Костя, – сказал Ленин.

– Кто? По правде, говоря, я приглашал к нам Томаса Мора. Полагал, что вам будет небезынтересно обменяться мнениями с еще одним утопистом. Он ведь приятный человек, не правда ли? Далеко не все идеалисты от политики были такими наглыми, как вы или Мао Цзэдун. Иисус Христос ведь тоже, в некотором смысле, был утопистом.

Андрей Петрович перекрестился, а в помещение тем временем проникли две женщины; они принялись приплясывать подле настоящего Ленина, то, ероша ему волосы, то, цапая за нос. Тогда Ленин выхватил из-под чернильного прибора нож и попытался вонзить его в плечо одной из танцовщиц. Другой Ленин тоже вытащил из-за голенища нож и попытался вонзить его в плечо другой танцовщицы.

– Ваши манеры стали много лучше со времени моего последнего визита в вашу земную обитель. Раньше вы вонзали кинжал женщинам прямо в грудь".

– Зачем так ненавидишь женщин? спросил Берия, вытаскивая три пули из лёгких. – Они ведь нужны нам, скажешь, нет?

– Муж поклялся обходиться своими силами во всём, вплоть до процесса, связанного с воспроизводством потомства, – вмешалась Надежда Константиновна

Крупская. – Он был твёрд в намерении полностью контролировать будущее, как по форме, так и по содержанию. А это означало, что он должен был малую часть своего тела весьма аккуратно и тщательно отделять от себя – подобно амёбе – и жертвовать ей во благо своего потомка и наследника. Он рассчитывал с помощью своих генов создать непогрешимого и неуклонного коммуниста, способного переносить и русский мат, и природные катаклизмы. После долгих размышлений он принял решение пожертвовать две инфинитезимальные доли стопы, дабы породить из них пару мальчиков-близнецов, которые, разделившись, в свою очередь, на мириады инфинитезимальных частей, заполнят всю землю, не оставив места ни империалистам, ни кулакам и никаким иным врагам светлого будущего. В будущем не должны жить враги будущего. И в настоящем им тоже не место.

– Вы знаете этих женщин? – спросил вкрадчиво Берия. – Его бывшие поклонницы? Когда-нибудь заставляли их за этим? Не помню, как выглядела Роза Люксембург в молодости. Быть может, Клара Цеткин...

– Лесбиянки они, – сказал Сталин. – Это Фурье вымолил у меня. Ну и я, по доброте душевной, дал выход его эротическим позывам. Но с чего это они заводят шуры-муры с нашим подопытным кроликом? Или он в своём саркофаге уже бабой стал? То ли это ещё один заговор врачей, то ли весь сыр-бор из-за похотливости этого бабника, хранителя гробницы, которому потребна куколка, дабы время скоротать.

– Вам запрещено являться сюда, – разгневанно заявил Андрей Петрович.

– А у меня выходной".

– А виза у вас есть? И он – вовсе не ваш подопытный кролик, беспардонный вы человек. Вы обязаны с уважением относиться к старшим. Если бы не он, вам бы никогда не стать заметной фигурой в истории.

– Без Ленина и Гитлер немыслим, – заметил Феликс. – Он же умело сыграл на традиционных ценностях и национальных чувствах в стране, где угроза коммунистического переворота была совсем нешуточной. Англосаксы и французы закрыли глаза на его возню по перекройке политической карты Европы. Понадеялись, что он вступит в борьбу со Сталиным и победит его – главного и заклятого врага.

– Черчилль и Де Голль завидовали моей популярности среди интеллигентов, – согласился Сталин. Продолжая рассуждать, он добрался до Ялтинской конференции, но к этому моменту уже никто не мог его слышать из-за шума и неразберихи, привнесённой несколькими людьми, чьи дикие движения и жесты положили конец состязанию Ленина с лесбиянками.

– Тихо! – заорал Феликс, и пару раз выстрелил в пустой саркофаг. – Слово предоставляется месье Фурье!

Фурье взобрался на рояль и дребезжащим голосом объявил:

– Дабы сокрушить тиранию мужчин, необходимо, чтобы в течение хотя бы столетия преобладал третий пол – гермафродиты. Этот новый пол розгами докажет, что и мужчины, и женщины были созданы лишь для его удовольствий.

Будучи возмущены тиранией гермафродитов, мужчины согласятся с тем, что сила – не единственный вид правоты.

– Так это вы сделали Ленина женщиной, – отметил Андрей Петрович.

– Он – гермафродит, – поправил Фурье. – В нем совмещены активные и пассивные начала человеческой натуры: мужские и женские, «ян – и «инь».

– Неделю назад я подарил Фурье книгу по китайской философии, – сказал, улыбаясь, Феликс.

– Мы зачастую забываем, как важно вовремя перемежать силу со слабостью, мажорную тональность с минорной, внешнее с внутренним, формальные поиски со значимостью содержания, надежды со смирением, телесное с духовным, день с ночью, наказания с ласками, сочные поцелуи с застенчивыми взглядами... Ян периодически возвращается к истоку своему. Инь, достигнув своего максимума, уступает место Ян. А люди, в большинстве своем, либо только мужчины, либо только женщины, и никогда – то и другое вместе! Но тот, кто может совместить в себе Мону Лизу с мускулистым Гераклом...

– Месье Фурье не одобряет современную цивилизацию, – заметил Феликс.

– Естественно, – проговорил Андрей Петрович. – Утописты никогда не одобряли мир, в котором жили.

– Месье Фурье считает, что современная промышленность – Ян в китайской терминологии – подавляет и опустошает природу. Благодаря своей пассивности природа выступает в качестве женского начала в Андрогине Космоса.

– Сего Андрогина каббалисты называли именем «Адам Кадмон», – вступил в беседу Маркс.

– А ураганы и землетрясения? – спросил Андрей Петрович. – Тоже, что ли, пассивны и направлены внутрь себя?

– Все блага излучаются из черепа Адама, и всякий раз белое начало и красное начало воссоединяются в едином луче, – продолжал Маркс. – Белое начало – мужское в своей сути, а красное – женское.

– В юности я увлекался алхимией и высоко ценил смесь серы – мужского начала с женским в процессе гниения, – заговорил Джордано Бруно, спихивая Фурье с рояля золотым слитком. – Эта смесь – Андрогинна, Глава Ворона и обращенные элементы. И, следовательно, оба начала приходят в тесное соприкосновение, будучи помещены в один сосуд, в утробе коего образуется эмбрион и зарождается очень сильный, нетленный и непобедимый король.

– Король или королева? – спросил Андрей Петрович.

– Непорочная Богородица! – взвизгнул Огюст Конт и в истерическом порыве облобызал ножку марионетки.

– Перепутал Ленина с Клотильдой де Во, – пояснил Феликс и забарабанил на рояле вступительные аккорды «Свадебного марша» Мендельсона. – Привык раз в две недели бывать у нее на могиле. Теперь ходит в Мавзолей. И каждую неделю пишет Ленину письма.

– И что же в этих письмах? – поинтересовался Андрей Петрович.

– Восхваляет Ленина за правильное применение живительной влаги.

– Что еще за живительная влага? Грузинское вино? – спросил Сталин.

– Еще в юные годы Ленину удалось направить семенные потоки вверх, к головному мозгу, отклонив их от половых органов, – продолжал Феликс, наигрывая уже «Похоронный марш – из фортепьянной сонаты, опус 26, Бетховена. – И у него были только духовные дети и внуки.

– Нам не нужны плотские забавы! – восклицал Огюст Конт. – Теснимые повсеместно растущими воздержанием и непорочностью, секс, половая жизнь и всё, что с ними связано и проистекает из них, сами по себе должно быть выродились к середине двадцатого столетия. Ленинский мозг, отданный на хранение советским и немецким учёным, красноречиво свидетельствует о физической, интеллектуальной и моральной действительности его живительной влаги.

– Я слышал, что его мозг разъяли на 30000 долей, – проговорил Андрей Петрович, дотрагиваясь до своего лба кончиком того ножа, что Ленин прятал под подушкой. – По вашему мнению, сколько из этих долей отвечало за мораль?

– Не прикасайтесь своими грязными губами к его туфлям! – – разгневался Ретиф Де Ла, отпихивая Огюста Конта. Он склонился к ногам марионетки, сдёрнул с её правой ноги туфлю и, раскрыв свой атташе-кейс, достал из него сапожную щётку и тюбик с гуталином. Вскоре туфля весело засверкала. Ретиф де ла Бретон поцеловал её со священным трепетом, а затем упрятал в атташе-кейс вместе со щёткой и гуталином.

Феликс всё играл «Похоронный марш». Огюст Конт и Роберт Оуэн водрузили на рояль похожую, на Золушку куклу и преклонили пред нею колена в молитве. Кукла стояла на крышке рояля с воздетыми вверх руками.

– Бога можно обрести где угодно, даже в этой персоне, – сказал Джордано Бруно, указывая на куклу спичечным коробком. – В этом смысле он походит на крокодила.

– Так он и есть крокодил, – заметил Андрей Петрович. – Во всех смыслах.

– Но и он испускает божественный свет, – неустрашимо продолжал Джордано Бруно, – и с помощью света сего мы возносимся...

– Тому, кто любит Бога, надлежит удовлетворяться прошлым, – вмешался доктор Панглос. – А тот, кто чувствует иначе, независимо от того, Какие слова срываются с его губ – вера, милосердие, Бог или ближний – не ведает Бога как высший разум, не любит Его.

– Никак не отделаетесь от своих устарелых идей, – вздохнул Андрей Петрович, пряча нож обратно под подушку. – Вся эта белиберда о жизни нашей в лучшем из возможных миров... Прошное было прекрасным и те, кто в нем жил, были тоже прекрасны... вплоть до Ленина и Макбета...

– Он не печется даже об изменении фразировок, – заметил Феликс.

– Чувство голода – не лучшее из ощущений, известных человеку, – сказал Андрей Петрович. Съели всех собак. Съели кошек, полевых мышей, птиц. С

деревьев пообдирали кору. Смерть от голода – самая ужасная из возможных смертей!

Доктор Панглос ответил архиерейским тоном:

– Надо признать, что зло существует в мире, сотворенном Богом, и что можно было сотворить мир без зла или не сотворить мира вообще.

– Наилучшее из возможных решений, – произнес Феликс, согласно кивая. – Вообще никакого мира... Ни страданий, ни заиканий, ни бесконечного ползанья – аки гады – сквозь грязь и мразь Творенья... – продолжал он, все еще исполняя третью часть сонаты Бетховена.

– Я бы не назвал это «мразью», – проговорил Андрей Петрович, глядя в окно. – Просто – буран. Ничего не видно, ничего не слышно, кроме хаоса ветра. Здесь-то нам намного уютней.

А Феликс уже играл и напевал «Зимний путь» Шуберта:

«Schnee? Du weist von meinem Sehnen,
Sag, wohin doch geht dein Lauf?
Folge nach nur meinem Tränen,
Nimmt dich bald das Bachlein auf».

Андрей Петрович поднялся из кресла, низко согнулся и сделал несколько шагов, скрипя по снегу кожаными подошвами. Натолкнувшись на «настоящего – Ленина, он остановился и задрал голову, прищулив глаза.

– Зачем вы в прошлом месяце ходили на кладбище? Хотели похоронить себя?

– Тоскует по материнской утробе, – вставил Карл Юнг.

– Но его мать покоится где-то на окраине Санкт-Петербурга, – Андрей Петрович притворился, что не заметил символического замечания Юнга. – И это довольно далеко от Мавзолея. Туда пешком бы он не добрался.

– А Костя бы снес его на себе, – пропел Феликс.

– Все равно, далеко. С голоду бы померли во время вашего «Зимнему пути.

– А у нас – ни колбасы, ни сыру! – заголосила кукла.

– Не всегда подобает уклоняться от зла, – заговорил доктор Панглос, – ибо зло то может сопровождаться гораздо большим благом.

– Осточертели эти куклы, – сказал Андрей Петрович. – И через тысячу лет будут то же самое твердить – даже после окончательного уничтожения земли.

– Ни хлеба, ни водки! – выкрикивала кукла.

– То, что произошло в современной России, не будет сопровождаться гораздо большим благом, потому что никакое благо не может быть достаточно большим по сравнению с размерами преступлений, совершенных советскими коммунистами.

– Окончательное уничтожение... везде пустыни... лучший из возможных миров...
– забубнил Диоген.

– Именно насилуя элементарные моральные принципы личности, человеческое общество достигло высокой морали, – вступил Кант. – Поэтому я приветствовал Французскую Революцию и провозгласил себя её сторонником – хотя за неё и последовал Террор –, ибо в нашей истории ничего положительного не бывает без конфликтов, убийств, предательств и пыток. Посему я и отложил свою привычную прогулку по Кенигсбергу и даже опорожнил кружечку пива, когда Ленин объявил о победе социалистической революции в России. И до сих пор помню те слова, которые он произнёс по сему случаю: «Да здравствует мировая социалистическая революция!» В течение почти семидесяти лет русские, отпустив удила, предавались своим пагубным страстям и желаниям. Некоторые из них предали своих родных, а иные – поубивали ближайших друзей. Теперь они сокрушаются над тем, что натворили и очищаются от грехов. Индивидуумы, борющиеся за свои идеи лишь для того, чтобы убедиться в их ошибочности, гораздо выше равнодушных, апатичных обезьян...

– Каких это обезьян вы имеете в виду? – спросил Чарльз Дарвин.

– Das Man, – ответил Хайдеггер.

– А разве выйти на улицу и убить прохожего лучше, чем смотреть какой-нибудь вестерн по телевидению? – спросил маркиз Де Лафайет.

– Предельно проявив свою природу, русские поистине стали высокоморальными существами, далеко опередив в этом своих европейских соседей, – сказал Кант.

– А вы знаете, сколько людей погибло в России при коммунистах? Вы знакомы с нашими статистическими данными? – спросил Андрей Петрович.

– Человеческая жизнь сама по себе ничего не стоит, – ответил Кант. – Те, что дни напролет сидят перед телевизором и считают свои деньги, живут вне человеческой истории вне человечества. Исторические свершения достижимы только посредством споров и сражений, в кои вовлекаются самые различные люди, зачастую вопреки их намерениям. Ведь люди – не бегемоты и им не следует всю жизнь лишь барахтаться в грязных омутх своих чувственных наслаждениях. Какова цель нашего исторического развития? Счастье? Никак нет!

– Зачем вы пригласили к Ленину всех этих мертвецов? – спросил Андрей Петрович, сердито ударив Феликса линейкой по пальцам.

– Виноват, ответил Феликс. Он прекратил играть и поднес пальцы к губам. – Думал, они посмеются над ним и над провалом так называемого «Советского эксперимента». А они из него идола сделали. Промывание мозгов, советская пропаганда. «Правда» же выходила тиражом... Запомнил, пардон.

– Для меня Ленин – не идол, – объявил Джордано Бруно.

– А я не могу не испытывать к нему уважения за его энергию и мужество, – сказал Г. Уэллс. – Я предрекал леность будущего и клеймил отсутствие любознательности у поколений, идущим нам на смену. Ленин же был любознателен и предприимчив, что и позволило ему провести потрясающий эксперимент в

огромных, почти всемирных, масштабах. Несмотря на все его недостатки, этот эксперимент является исторической вехой – нечто такое, из чего и живые, и мертвые должны извлечь урок. Как вели себя европейские политические лидеры тридцатых годов? Они трусливо позволили Гитлеру захватить Чехословакию и прибрать к рукам Австрию. На ком лежит ответственность за Вторую мировую войну? Несомненно, на Гитлере. Но также и на Чемберлене и его французских коллегах. Они – крупнейшие преступники нашего столетия, хотя никто не имеет права призвать их к суду. Трусость и равнодушие. Эти пороки я презираю более всего. Человек, валяющийся в своей постели, может погубить больше людей, чем террорист, обвешанный гранатами и бутылками с зажигательной смесью.

– Ленин никогда не валялся в своей постели. У него ее даже не было, – заметил Костя.

– Вон! – закричал Феликс.

– Покажи-ка, пожалуйста, свой пригласительный билет», – прошипел мажордом, хватая Костю за шиворот.

– В мире остались только Илои, – продолжал с неприязнью Г. Уэллс. – За последние двадцать лет и Морлоки превратились в Илои. Так же рвут плоды с ближайшего дерева и по-идиотски улыбаются, когда им задают вопросы. Их, похоже, вполне устраивают самые примитивные удовольствия, но они и пальцем не шевельнут, чтобы помочь кому-нибудь, если не предвидится никакой возможности показать их великодушие по телевидению. Но сами они себя считают счастливыми и думают, что жизнь их удалась. Цыплята, барахтающиеся в луже, тоже счастливы.

Тут открылся люк в потолке и в залу спустился средних размеров броневи́к. Как только затих вдали шум вертолётa, Ленин потрепал Уэллса по плечу и пробормотал: «Помогите взобраться». Огюст Конт и Роберт Оуэн подхватили куклу на руки и тоже понесли её к броневику. И на броне, спиной к спине, оказались, оба Ленина. Заговорили они одновременно, и голоса их звучали в унисон:

– Грядущие поколения будут счастливее нас. В их жизни не будет никаких жестокостей. И всё же я им не завидую. Именно мы добились кое-каких удивительно важных результатов в истории. Условия, в которых мы боролись за власть, заставили нас быть жестокими, но потомки нас поймут и оправдают. Всё поймут! Всё!

Броневи́к издал резкий звук и тронулся в сторону Кремля. За ним потянулась длинная процессия трудящихся, поющих песни и выкрикивающих лозунги. Прожектора освещали путь, по обе стороны которого стояли цепью крестьяне.

– А вы – мастер Формы! Браво! – воскликнул Андрей Петрович, обращаясь к Феликсу.

– Вы полагаете, я хуже справляюсь с содержанием? – спросил Феликс и церемонно поклонился аудитории.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

(К Мавзолею стекаются толпы посетителей. Некоторые из них мертвы; а иные живы, или так только, кажется. Они бредут мимо тела Ленина, и глаза у них посверкивают от слёз или гнева. Среди них одна молодая особа. Всякий раз она меняет одежды и облик. То выглядит как русалка, то как древнеегипетская жрица.)

– Оставьте меня в покое! Одну!

– Вы не можете остаться одна, потому что вы не одна. Посмотрите, сколько за вами людей".

– Но я одна. Только с ним. На всём свете. Почему вы лезете в нашу личную жизнь?

– О чём это вы толкуете? Вы знаете, где находитесь?

– Сумасшедшая! Милиция! Она – опасный маньяк. Хочет убить его! Пришла, чтобы убить его!

– Я люблю его. Что вы делаете в нашем доме?

– Сбрендила! Она вооружена? Надо её обыскать.

– Проходите! Здесь нельзя задерживаться.

– Я останусь с ним! Навсегда! Идите! Уходите! Все! Все – прочь! Вон отсюда!

– Где охрана?

– Не разговаривать!

– Не смейте толкать меня!

– Проходите!

– Не толкайте!

– Ах, ты – кусаться! Она меня укусила! Укусила за руку!

– Баба же! Чего от неё ждать? Баба...

– Защищалась. В целях самозащиты.

– До кости прокусила. Видите – кровь!

– Нечего было пихать ее.

– Пьяный ты, что ли?

– Пьяный я бы сюда не пришел. Когда я пьяный – у меня другие дела.

– Какие такие дела?

– Не разговаривать!

– А ты не встречай!

– Взгляните, взгляните на него! Ну, не прекрасен ли?

– Труп. И больше ничего. Хорошо сохранившийся труп.

– Плохо сохранившиеся мощи. Здорово пострадал во время Второй мировой войны.

– Он, что – участвовал в боях? А ранен был?

- Да они плохо смотрели за ним. Ни лекарств, ни химикатов. Эвакуировали в Сибирь. Или куда-то дальше. Не знаю. В Японию. Небрежно обращались...

- В Японии бы с ним как с писанной торбой носились. Воскресли бы. Он бы выглядел помоложе. А так лежит, весь скукожился.

- Сын мой купил японский фотоаппарат и немецкий магнитофон.

- Дорого?

- А вот его не купить.

- Американцы купят. Или японцы.

- А хорошо ли они его подпитывают?

- Кто? Американцы?

- Слава богу, мертвые не едят.

- И не пьют?

- Они должны подпитывать останки его тела. Чтоб содержать его в должной форме. Иначе - развалится, рассыплется.

- Или обмякнет, как шарик надувной спустит.

- Спустится, опустится?

- Да он и так уже опустился. Дальше некуда.

- О-о, да она сейчас копыта откинет!

- От умиления к месту приросла»,

- Ну-ка, потрогай ее.

- До него только не дотрагивайтесь!

- Нет, я дотронусь. И он меня обнимет нежно и бережно. Ведь мертвые живы. В тридевятом царстве. Может быть, это царство у нас. И они с нами. Кроме того, он не мертв. И целует меня нежно, любяше и горячо. Смерть - всего лишь нить. Я перерезала ее.

- А мою смерть? Ты можешь изрезать ее на кусочки? Заходи ко мне, когда буду на последнем издыханье! И только я переступаю порожек, шагая в тот потусторонний мир, ты берешь ножнички и...

- А смерть, что, - просто пуповина?

- Ты видел что-нибудь, похожее на этакую пуповину, в Мавзолее?

- Видел кабель. Подумал, что он им нужен для...

- Для чего?

- Для электрошоковой терапии.

- Лечит его от безумия?

- А он, что, спятил?

- Еще при жизни.

- Могила исправила.

- Только не его!

- А кого же?

- Горбатого...

- Но он-то разве горбатый?

- Просто труп.

– Значит, она тоже мертвая. Вот почему они рядом. Так уж всегда: «яблоко от яблони»...

– Это вы мертвые! Вы все!

– Но Мавзолей – могила. И в ней тело мертвеца. Давно почившего. А до того он был живым трупом. И жил среди нас. Денно и ночью. Вампиры ведь орудуют и днем! А уж он любил превыше всего – коктейль «Кровавая Русь»!

– Напился и понесло...

– А сейчас он мертвый. И идеология его дуба дала. И страны его больше нет. И советский народ кончился.

– Спит. Просто спит. Посмотрите сами! И улыбается во сне. Как дитя, как мое дитя.

– История – кошмарный сон. Его кошмар.

– Или мой.

– Или – его сладостный сон.

– А я что-то никак не проснусь.

– Он тоже.

– Так разбудите его! Пошлепайте по щекам!

– А ты-то, почему не просыпаешься?

– А у тебя будильник есть?

– Но жизнь не может быть такой убогой.

– Жизнь может и должна быть убогой. Мы живем в материальном мире. Наше неведение Отца сотворило Страх и Ужас. Страх сгустился, как туман, так что никто ничего и увидеть не мог. И оттого заблуждение окрепло. Оно то и создало материю в Пустоте.

– Но другие живут хорошо – в Соединенных Штатах Америки. Мне лично нравится и их материальный мир, их компьютеры.

– А любовь! Забыли о любви. В любви проявляются наши божественные истоки.

– Да? А если любишь Ленина?

– Даже если любишь Ленина. Взгляните на неё! Она танцует".

– Что же это за танец?

– Из «Спящей Красавицы».

– Не буди его!

– Она – Пандора".

– Не обзывайтесь! Женщина все же.

– Некрофилка она. Каждый вечер является в Мавзолей и торчит здесь, пока не пропоют петухи. Чем они тут вдвоём занимаются? Играют в кости? Или обсуждают Войну в Персидском заливе?

– Я видел, как она летает над Красной площадью".

– На помеле?

– На тюбике губной помады! Я самая красивая! – кричала

– Наверное, работает. Она – из этих шлюх, что в штате".

– Где?

– В гостинице «Интурист». Для иностранцев. По двадцать долларов за час.

– А мужчин они берут? Ведь некоторые иностранцы гомосеки.

– Все иностранцы – гомосеки!

– Так зачем же им бабы?

– А Ленин иностранец? Вроде, его в Россию сбросили на парашюте перед Второй мировой войной, в 1936 году. Он – немецкий шпион.

– А она – немецкая шлюха.

– Но он же – еврей.

– Так и она – еврейка.

– А мы – кто тогда? Мы-то сами, откуда взялись?

– С Луны. На Луне побывала космонавтка.

– Когда?

– В шестидесятых годах. Жена Армстронга.

– Сколько же нам лет?

– А как она выглядела? Она была из людей?

– Армстронг был человеком. Он родился на Земле, а не в космической капсуле.

– Знаю только, что он влюбился в инопланетянку.

– И мы, должно быть, тоже евреи. Всемирный заговор.

– Я – русский.

– Твои родители тебе наврали. И ты врал о своём происхождении: – одноклассникам, учителям, крестьянам и рабочим, членам партии, обыкновенным прохожим и даже собакам и звездам.

– Я – из рабочей семьи.

– Перестала танцевать.

– Ещё в детстве я влюбилась в него без памяти. Его фотография висела над моей кроватью. И во снах моих он улыбался мне. И мы, взявшись за руки, бродили вместе по средневековым замкам и развалинам церквей. И он всё повторял вполголоса «Грядущее», «Век Золотой... «молодое поколение»... И мы срывали яблоки золотые с ветвей серебряных и весело смеялись и бегали взапуски.

– Наверное, Ленин – Вечный Жид.

– Или Летучий Голландец. Какая разница?

– Летучий Голландец был тоже жидом.

– Ленин, Ленин... Звучит по-голландски.

– Я видел, как он летал над Красной площадью.

– На помеле?

– На пулемёте.

– Полночь – час ведьм! Через минуту он улетит.

– Летучий Голландец питает надежду избавиться от вечной своей муки в объятьях женщины.

– А разве он не гомосек?

– Тогда понятно, почему он всё ещё жив.

– Что-то я не знаю такого – чтоб Ленин был гомосексом!

– Всегда был рядышком со Сталиным: на фотографиях, на картинах. И в книгах тоже.

– До Двадцатого съезда партии. До закрытой речи Хрущёва.

– Они и в Мавзолее лежали рядом. Бок о бок!

– Вместе!

– Пока Хрущёв не растащил их.

– Ревновал, что ли?

– Не слушай их, мой желанный! Они, пока живут, болтают беспрестанно бог весть о чём. Даже смерть не может их заставить замолчать. Они всё болтают и болтают, перешёптываются и на что-то намекают... Смерть – это тьма, наполненная голосами. И Мавзолей – тьма, наполненная голосами. И космос тоже испещрён голосами.

– В космосе один лишь голос. И в мире внутреннем один. А наши голоса – не более как аккомпанемент ему.

– И наши голоса – всё тот же голос. Они ведь составные его части.

– Он говорит во сне, я слышал.

– Он вовсе и не спит. Он слушает, о чём мы говорим.

– Тогда – поосторожней выражайся!

– Прошлой ночью я остался в Мавзолее и слышал, как он внятно говорит. Он произнёс: «Аз есмь Вчера, Сегодня, Завтра. И мне присуща сила, необходимая, дабы вторично быть рождённым. Аз есмь та богосокровенная Душа, что созидает божества и всему живому во Вселенной дарует пропитанье из небес. Аз есмь Господь тот, что грядёт из тьмы, чьи формы сущие – в обители умерших. И по великолепию Закона дня сего аз как Хозяин Жизни восхожу, и хладные волны массовых боен вместе с пролитой кровью доставят Всеземному Союзу процветание. И путь мой сквозь препоны всех – кто открыто против меня, и тех, кто против тайно, и тех, кто раболепно елозит на брюхе предо мною. Да будет мир моему делу. И воспарю аки птица и полечу по небу».

– Что, в Аду уже нет демонов? Неужели они позволяют ему безнаказанно удрать?

– Демоны слабы. Демоны – просто ангелы.

– Ленин замучил их пытками. Они отказались от своих мнений и стали изрекать то, что он им сам насочинял. На судилище демоны рыдали и молили Ленина о пощаде. Их приговорили к каторжным работам и сослали на Соловецкие острова».

– Что с нами-то станет без демонов?

– Он возвратится. И нас поймает.

– Sauve qui peut!

– Телефон здесь есть?

– Сын мой! Он убьёт моего сына и моего племянника!

- Пусть они уйдут. Наконец, мы побудем одни. Вдвоём будем счастливы. Не сажай их в тюрьму. Они не замышляли ничего дурного. Просто боятся тебя. Все тебя боятся. Ведь ты же велик, как непостижимый Бог. А люди боятся Бога. Они слепнут от сияния, исходящего от Него. Они глохнут от Его голоса. Они падают ниц пред Ним. Они лежат распростерты перед Ним и трепещут от страха, что Он может раздавить их пальцем ноги, даже ногтем этого пальца. Но ты же не раздавишь их. Ты даже ноги не поднимаешь, чтобы наказать их. У тебя нет времени ноги поднимать. Твое время принадлежит мне. И наше время – все твоё. Любовь гораздо важнее наказаний или каторжных работ. Любовь важнее боевых отрядов. Забудь о своих боевых отрядах и тайной полиции! Распусти свои армии! Мы с тобой одни во всей Вселенной. Никто не помешает нашим ласкам. Ничто не встанет меж моими руками и твоими очами. Я закрою глаза твои и открою их по желанию моему. Ты умираешь и воскресаешь чрез любовь мою. И нет различия меж жизнью и смертью, пока твоя возлюбленная рядом с тобой. Она – твоя жизнь и твоя смерть. Любовь настолько всезахватывающа, что не может во всесиии своём быть пережита смертным. Тристан и Изольда умерли, нежно обнявшись. Но мёртвые не могут сами совладать со Временем. Им нужна энергия живых, чтобы заполнить пустоту часов. Живительное тепло необходимо их жилам и мыслям. Их мысли замёрзли.

- Сегодня – минус тридцать.

- Почто живём в холодной стране? Почему у меня нет виллы на Ривьере? Мои бы мысли затанцевали фарандолу.

- Я стал бы Толстым, будь у меня вилла на Ривьере.

- Толстой жил в наших широтах. Но его мысли неслись быстрее космических ракет.

- И Ленин жил в наших широтах. И мысли его были скоры. Но в обратном направлении! Обратно к варварству! К каменному веку!

- Он и ходил-то задом наперед. По улицам! И часто натыкался на прохожих, не успевавших увернуться от него. Но никогда не извинялся, никогда».

- И его памятники всегда были обращены спиной к толпе.

- Читать бы его книги от конца к началу!

- Не хватает топоров. В железный век у горожан были топоры и пилы.

- Раскольников бы не убил старушку. У наших недостатков есть и преимущества!

- Скоро будет не хватать и старух.

- А молодух? Они же выскакивают замуж за иностранцев и оседают за границей.

- Что ж ты не вышла за иностранца? Имела б виллу на Ривьере.

- Её помыслы не заходят столь далеко. У её помыслов нет визы.

- Я вижу его повсюду. У него глаз и рук – без числа. И руки и длиною с экватор. Они опоясывают всю землю. Они обнимают всё человечество.

- Как спрут.

– И мысли длинные, как хвост кометы. Я вижу его и вверху и снизу и всюду вокруг. И никогда не зрю, где его начало, где конец. Он не был ни рождён, ни убит. Он жил задолго до рожденья своего и не умрёт он никогда. И его смерть – лишь ловушка для врагов, лишь иллюзия в спектакле жизни. Он падает в бессилии на сцене и тут же встает из своего кресла за кулисами. В Судный День он не окажется на скамье подсудимых. Он – выше Страшного Суда. Переживёт он и последний день Творенья. Он пролетит над Адом и Раем. Рай слабоват для величия его, а Аду не хватит сил, чтоб наказать его. И он обитает в своём собственном Эдемском саду. Он сам – Древо Познания. Он – и Адам, и плод тот, что Адам съедает. И он же – Ева и одновременно змий, что искушает Еву и людей. Он – Бог и он же – Сатана, что создан Богом и терпим Богом. И нет Творения без Сатаны.

– Добра не бывает без худа.

– Рождений не бывает без убийств.

– Его венец сверкает ярче солнца. Он есть бессмертный страж Закона. И что б он ни изрёк – всё есть Закон. Он сам суть тот Закон, что не имеет ни начала, ни конца, ни середины. И центр его – повсюду. Его сердце – везде. Его разум – везде. Любовь его – везде. И любит он с такой же силою, как я люблю его. Он, возвышаясь, достаёт до неба, его уста отверсты широко, глаза его сияют, словно полная луна. Он ласкает вас. Он ласкает грядущее и лепит его».

– Осторожно! Ставим носилки на пол!

– О, Господин всех богов! О Прибежище всех миров! О усыпальница миров! Разрушитель и Творец! Ты поглотил целые миры. Иуда и Тристан, лобзай меня!"

Почему не приходишь больше в Мавзолей? Где искать тебя? Я старик. Я мертвец. Ужели должен блуждать по городу, который толком и не знаю! Что, если ты придёшь, когда отлучусь? Ведь подумаешь, что они наконец-то меня похоронили. Нет, подожду ещё с неделю.

Он искал её повсюду: в больницах, в магазинах, в гостиницах и парках. Ему разрешалось покидать Мавзолей лишь на несколько часов, и в эти часы он усердно искал ту молодую особу, что видел в своих сонных грёзах.

Вместо того чтоб упрятать её в психушку, они должны были бы поставить в Мавзолее ещё одно ложе. Ведь Сталин ушёл, ушёл навсегда. Куплю ей стиральную машину и пылесос. А морозилка у нас уже есть.

Слишком много мыслей одолевало его во время поисков, и он то и дело застывал на месте, ибо мозг его начинал трястись, как медуза. В отличие от Наполеона, он не умел делать несколько дел сразу.

Однако Ленин был такой же, как Наполеон, если не выше. Страна, которую он подчинил себе, была раза в три или четыре больше той территории, коей управлял Наполеон в свои лучшие времена, после всех победоносных сражений. И Наполеон, ко всему прочему, так и не сумел завоевать Россию.

И, разумеется, Ленин далеко превзошёл ещё одного почитателя Наполеона – Раскольникова: он поубивал тысячи старух, не говоря уже о стариках, детях, домашних животных, птичках, золотых рыбках.

Ленин слонялся по городу, делая частые передышки, дабы в очередной раз попытаться оценить создавшуюся ситуацию. Как любому новичку в любви, ему необходимо было самоутвердиться.

Она любит меня. Я не красавец, но я – велик. Женщины любят величие. А я – величайший из великих. Со времён Маркса в деле борьбы за освобождение пролетариата не было такой титанической фигуры. Но я крупнее даже Маркса, ибо я величайший из великих. Анри Барбюс говорит, что я – величайший и самый непогрешимый из творцов истории. Он говорит, что для человечества я сделал больше, чем кто-либо другой. Посему она не любит Анри Барбюса, так как он сам признаёт мое превосходство. И Маркса она не любит. Женщины не любят неудачников. Они любят героев и диктаторов. А мне присущи истинное величие и характерные черты героя пролетариата: бесстрашный ум и железная, нестигаемая и неукротимая воля. Воля моя сметает все препоны, мой революционный пыл сдвигает горы. Женщины любят мужчин, способных сдвигать горы и смещать правительства. Поэтому она любит меня. На некоторых портретах я похож на Кларка Гэббла. Он должен сыграть меня в советских фильмах.

После подобной длительной и плодотворной встряски мозг его мог пребывать в параличе около двух-трёх часов. Во время таких периодов умственной пассивности Ленин врывался в какой-нибудь дом или сарай и, если его вышвыривали, благоразумно отступал, растворяясь в ночи.

Даже будучи в состоянии предельной неподвижности, Ленин готовился к новым прорывам. Подготовка сия ни в чём не проявлялась: и мозг его, и мышцы походили на желе, не потревоженное ни единой ложкой. Прорыв зрел в некоем четвёртом измерении.

Порою, он атаковал довольно столь – неспешно медлительно, что многие его вторжения могли бы длиться столетиями, если не вечно. «Мы разрушаем, дабы построить лучше». «Лишь в коммунистическом обществе, когда без следа исчезнут капиталисты, будет достигнута полная демократия». Но в октябре 1917 года он бросился вперед бегом, проталкиваясь сквозь толпы, сшибая по дороге всех и вся. Но, прибыв по месту назначения Ленин, вдруг испытал чувство одиночества: лишь несколько измятых блокнотов валялись вокруг него на опустевшей улице. Ни людей, ни дворцов, ни золотых плодов. Какая-то дворняга пригнувшись к пятну на его брюках.

В 1992 году он вновь очутился на пустынной улице, которая, казалось, перекрывала все двадцатое столетие; по его следам плелись две дворняги, изредка взлаивая и подвывая. Большинство домов походило на больницы, и он, отворяя одну дверь за другой, пытался проникнуть в комнаты, где умирающие лежали на кроватях или просто на тюфяках. Его тело и разум, ослабленные смертью и иными напастями, теперь пронизывали страх и любовь. Он боялся, что его возлюбленную уже доконал какой-нибудь проворный психиатр, что ее уже закопали где-то далеко от Мавзолея. Придется долго раскапывать и грязно браниться со всеми. Ни охрана, ни призраки не любят похитителей трупов.

Попала ли она в Рай и стала мерцающей звездочкой, как в песенке или сказке? И Ленин, соединив ладони, подставил их небу: ведь каждая звезда должна упасть на землю и упокоиться в руках звездолюба.

Он ждал долго; руки его застыли в воздухе, словно крюк, на который следует повесить портрет революционного вождя. И он вспомнил, как его попросили подержать его же собственный портрет во время одного из парадов по случаю годовщины Революции. Сначала он отказался из ложной скромности, но потом понял, что два Ленина лучше, чем один. Чуть позже он осознал, что три Ленина ещё лучше, чем два; и в итоге он держал по портрету в каждой руке, излучая радость и счастье сразу из шести глаз.

А неплохая идея – выкорчевать Эдемский Сад с небес и посадить его на Красной площади, возле Мавзолея. А Красную площадь оградить высокой стеной с тремя рядами колючей проволоки, по которой пустить ток высокого напряжения. В центре Сада установить скамеечку, и мы дни напролёт будем сидеть на ней, и слушать пение птичек, говор фонтанов и музыку Бетховена.

Но в ладони Ленина не упала ни одна звезда, и он решил отложить своё общение с небесами до следующей ночи. Но руки застряли в воздухе и не слушались распоряжения вернуться в соответствующие карманы. И Ленин вспомнил, как он позировал для монумента, которым собирались заменить Статую Свободы в соответствующие карманы. И Ленин вспомнил, как он позировал для монумента, которым собирались заменить Статую Свободы в нью-йоркском порту.

Затем он слегка наклонился и подул на ладони, надеясь согреть их тем теплым воздухом, что приберет в легких дабы не погибнуть в очередной сталинской морозилке. Потом подошел к какому-то дому и принялся тереться спиной о стену, надеясь, что тепло от этого трения дойдет до рук и высвободит их.

Он протер уже две дыры на пальто, а руки все еще были парализованы. Спину тоже парализовало. Он пару раз подпрыгнул, и заухало эхо в ответ на стук его сапог. Кто-то показался на улице.

– Так как же мне прикончить тебя? – выдохнув клубы пара изо рта в лицо Ленину, спросил подошедший. – Какая смерть тебе больше нравится? Что, если я тебя подожгу? Разожжем костер, а? Человеческий костер хорошо греет. Совсем ооченел. Даже глаза замерзли. – Он чиркнул спичкой, но ветер задул ее. Тогда он зажег еще одну.

Огонь споро побежал по ленинским варежкам, и вскоре пламя проникло к нему в легкие. Он глубоко вдохнул, дабы обновить в теле запас теплого воздуха. Постепенно теплый воздух заполнил печенку, и кишки.

– Так. Согрелся. Вот ты еще и печкой стал.

Прохожий исчез, а Ленин продолжал глотать пламя, лизавшее его щеки и остатки волос и бровей. Руки зашевелились и заплясали под аккомпанемент огненных язычков. Погнавшись за капризным и неистовым ветром, пальто превратилось в сплошную дыру.

Какое-нибудь несчастное бездомное дитя, быть может, найдёт моё пальто и наденет его и не замёрзнет до смерти. Потом покажет моё пальто матери, и она спросит его: «Кто дал тебе это пальто? – И ответит дитя: «Ленин – чтобы спасти меня от стрел ледяного ветра». И мать скажет тогда: «Пойди и покажи пальто своим друзьям. И расскажи им, откуда оно у тебя и кто тебе дал его. И помни, что Ленин спас тебе жизнь! И что Ленин спас жизнь всей нашей страны». И пойдёт дитя и покажет моё пальто товарищам. А товарищи покажут ему свои пальто. И дети, взявшись за руки, закружатся в танце прямо на снегу, распевая: «Ленин – наше лето, Ленин – наше солнце, Ленин – наша песня».

Ленин стоял посреди тротуара в своём дореволюционном костюме. Пламя покинуло его, словно испытывая неприязнь к его грядущей наготе; и он с нетерпением и страстью возобновил свои поиски.

Заглянул в несколько магазинов, окна которых были разбиты голодающими, надеявшимися найти там хоть что-нибудь из съестных продуктов, припрятываемых обычно под прилавком. Но припрятанные продукты уже съели сами продавцы, либо другие негодяи, и теперь голодные люди уже выстраивались в очереди, чтобы получить свою законную дневную провизию. Очереди быстро росли, становясь длиннее и толще, хотя до открытия магазинов оставалось не менее пяти часов. Ленин встал в одну из очередей, но вскоре понял, что люди в ней ждали сахар и водку, а не его возлюбленную. Тогда он взобрался на превращенный в сугроб автомобиль, намереваясь произнести оптимистическую речь, но вспомнил, что нем в стране живых и царстве будущего. А он не сомневался, что люди в очереди были живые, несмотря на их вид. Мертвые могут обходиться без пищи, а

тем мертвым, кто ест ради самой еды, подаются бесплатно и без очереди лакомые кусочки – хоть в Раю, хоть в Аду.

Пожилая женщина подняла камень с мостовой, и Ленин спрыгнул с автомобиля.

А камни у них ещё есть. Или, вправду, это – новый Каменный век?

Другая женщина замахнулась кухонным ножом и ткнула Ленина в плечо и сердце. Он упал на снег и пополз на четвереньках, провожаемый свистом и улюлюканьем. Чуть поодаль поднялся на ноги и пошёл дальше.

Почему её нет в очередях, среди других людей? У неё дома хватает еды? Она, быть может, замужем? Кто её содержит? Кто даёт ей деньги? Или она – проститутка? Проститутки ночами бродят по улицам. Они – тоже люди, а люди не должны торговать своей любовью в постелях. А где же они должны торговать ею?

Разве существует рынок любви? Чёрный рынок любви? Стоят ли в очереди за любовью? Я стою в очереди за любовью. Я один в этой очереди. А она опаздывает. Никакой дисциплины. Не ленись, не кради, соблюдай строжайшую дисциплину во время работы. Людская масса испорчена тысячелетиями рабства, крепостничества и капитализмом – мелкими частными лавчонками и постоянной войною за место на рынке, за высокие цены. Я не могу заплатить. Но зато я её представляю Сталину или Джордано Бруно. Сталин, наверное, важнее. Внешне менее привлекательный, но более значительный. И всесильный. Номенклатура. А как насчёт Андрея Петровича? Замолвлю за неё словечко. Он зарезервирует для моей возлюбленной самое уютное местечко в Раю. И проведёт нас туда чёрным ходом. В Библии что-то было о проститутках. У меня в столике возле ложа есть Библия. Завтра почитаю. Но только о проститутках. Надо, чтобы каждый трудящийся по окончании работы на производстве, после восьмичасовой смены, исполнял государственные обязанности бесплатно. Даже в Швейцарии у меня не было денег. Но и мёртвым порою нужны деньги. Когда они влюбляются в женщину. Она уже закончила свою производственную деятельность? Не такую уж и производственную... Не важно. Главное – участие. Когда же она начала? И который теперь час? Я могу и подождать. Не важно. У меня в теле тёплого воздуха хватит на неделю вперёд. Больше не буду выдыхать. И вдыхать не буду. Никого никогда не любил. Ни при жизни, ни в смерти. Какое восхитительное чувство! И зачем я медлил с ним до сих пор? А не поздно ли? Вечность так коротка!

Любовь полностью поглотила его рассудок и стала по артериям и нервам подкрадываться к сердцу. И продолжала теснить Революцию и другие политические дела. Ленин тщательно ощупал свою голову и обнаружил шишку, образовавшуюся при выходе Революции во внешнее пространство.

Всякий раз, прикасаясь ко лбу, он вспоминал о Революции и печальном положении соотечественников. Однажды ночью обнаружил, что шишка уменьшилась. Но забеспокоился и снял пиджак, дабы осмотреть торчащие сквозь кожу кости. Куда подевалась Революция? Казалось, он слышит ее голос. «Сделай все, что в твоих силах, дабы помешать успехам врага. Расставь засады. Используй

огнестрельное и холодное оружие». Откуда исходил тот голос? Ленин прикинул ухом к различным частям своего тела, но не слышал ничего, кроме ветров, гудевших, как полет валькирий. И еще у него сложилось впечатление, что все утопические идеи нашли пристанище в кончиках пальцев на ногах: сам того не желая, он носками сапог вырисовывал на снегу серп и молот.

Благодаря любви он отрастил пару крыльев и мог теперь за четверть часа долететь от Мавзолея до московских предместий. Однако в моменты отчаяния любовь его могла внезапно стать такой тяжелой, что он совершал вынужденную посадку в самых неудобных местах: – на грудке камней, на какой-нибудь насыпи или куче. И носом в землю.

Он захлопнул четыре двери и опустился на камни. Устал от этой скорости, да и проку от нее было мало, ибо не могла быть утверждена как мировой рекорд из-за сильного ветра. Он был измучен и обескуражен всеми этими ликами, что ночной город разбрасывал пред его пытливым взором.

– По-моему, многим из них лучше быть мертвыми, – прошептал он тихо, будто кто-то мог подслушивать. Потом подумал, что надо бы сузить область поисков. И глас Революции утвердил его в этом мнении, произнеся:

– С ними надо вести беспощадную войну! Смерть им!

– Пусть сдохнут все, кроме нее. Тогда уж я сразу отыщу ее лицо, – заключил он, решительно притопнув ногой.

– Шпионы, провокаторы, белогвардейцы, контрреволюционные изменники, – мерно чеканил глас Революции. Под воздействием такого пыла дней минувших пальцы ленинский ног заходили ходуном, заерзали, заизвивались в замкнутом пространстве сапог.

Казалось, сама ночь тоже отяжелев от усталости, присела рядом с ним, как утомленный спутник в ожидании либо восстановления сил, либо смертельных объятий мороза. Она явно не склонна была в одиночку пробираться к рассвету, к той неминуемой длиннющей очереди, змеящейся у Мавзолея.

Вот и сама природа создает, что мне нужны и темнота, и вечность, и спешит на помощь мне. Разве это не доказательство ее искренней приверженности моим идеям и моей политике? И даже если в результате саботажа определенных международных кругов коммунизм исчезнет с лица земли, то именно природа сбережет большую часть его достижений во благо грядущим поколениям. И рано или поздно мы добудем коммунизм из деревьев и ручьев, из океанов и облаков, из насекомых и рыб, из заходов солнца и придорожной пыли. А в случае отказа или сопротивления мы природу поугубим атомными бомбами. Рванем несколько атомных бомб и поставим природу на колени. Мы покорим природу, и плоды различные падут прямо с неба на наши столы, в наши вазы. И все виды скота будут гулять по нашим кухням и покорно подставлять свои выи под длинные и острые ножи.

Ленин вообразил себя на высоченных ходулях, выше броневика; он возвышался над землей, и со всех сторон к нему стекались люди и животные с флагами, плакатами и его портретами. С небес на него ниспадали цветы, и две

тысячи огромных охапок из роз он раздал красивым девицам, которых выбрал сам в толпе своих почитателей. Потом прыгнул с ходуль, нагнулся и две тысячи девиц взобрались к нему на спину. «Коммунисты возвели высочайший небоскреб вселенной», – закричал он из-под ноши. Под приветственные крики людей и животных небоскреб тот двинулся к Мавзолею.

Воображение дотащило его и девиц до брусчатой мостовой Красной площади. И вдруг планы его изменились, и он принялся стряхивать девиц со спины. А те повисали, словно гири, раскачиваясь и визжа.

А ночь тем временем пришла в движение, дрейфуя потихоньку к солнцу. «Не цепляйся ты за солнце, – сказал ему в последнем разговоре Джордано Бруно. – Во вселенной есть и другие миры. Есть и иные идеи, за которые стоит бороться, иные жизни чтоб жить». Ленин терпел солнце лишь как символ Революции: на пляжах он чувствовал себя довольно неудобно. Он бы совсем выбросил солнце, если бы не русский мороз, который надо было скомпенсировать космическим теплом. Что же до самого Джордано Бруно, так он был защищен от низких температур вечными языками пламени, кои окутывали его подобно меховым одеяниям.

У Сталина много хлопот из-за Джордано Бруно и других еретиков, проклятых церковью. В любом случае, морозильные камеры не камеры смерти. Люди в них превращаются в мороженое. А мороженое тает и течёт при нормальной температуре. И люди возвращаются к жизни. Так было со мной. Сталин совершил грубейшую, непростительную ошибку. Я б такого не сделал. Я бы навсегда убил его. Он не учел ни «Оттепели», ни русского лета. Смерть должна быть трансцендентна. Она не должна зависеть ни от времени, ни от времён года. Воскресение немыслимо в коммунистическом обществе. Враги умирают единожды и навсегда. Даже Ад слишком мягок для них.

В этот момент Революция ворвалась в ленинское тело: теперь не только пальцы ног, но и сами ноги, а также руки и туловище задрожали от возбуждения. Он не смог удержать равновесие и плюхнулся в снег.

По улице шла какая-то женщина. На голове её был намотан платок, и она волоком тащила колоссальный куль, из которого поднималось черноватое облако. Подойдя вплотную к Ленину, она перевернула куль и встряхнула его; оттуда градом посыпались картофелины, весело застучав по снежному насту.

– Всю жизнь ждала тебя, – сказала она. – И теперь не упущу.

Картофелины рассыпались вокруг ленинской головы, сшибаясь, друг с другом, как бильярдные шары; куль ещё не опустел, и женщина усиленно трясла его, словно стремясь покончить не только с насущными нехватками продуктов питания, но и с голодом, поразившим Россию после Революции.

– Ты не та, кого ищу, – тупо и неприветливо высказался Ленин.

– Вставай, – сказала женщина. – Что ты рот-то разинул? Голодный, что ли? Хочешь картошечки? Сначала встань! Иначе подохнешь с голоду!

Ленин встал и наступил на картофелину.

– Какой ты бледный! Хочешь картофельного супчика? Или печеной картошки? Ну, чего тебе хочется?

Ленин взглядом прощупал глубину беззубой бабьей пасти и направился к столбу с фонарем – одиноким наместником солнца на той улице.

– Ты еще не видал, как я бегаю, – сказала баба. – В миг догоню! – Она подняла мешок и напаялила его на ленинскую голову, увеличив количество тьмы во вселенной. – И надуть меня не вздумай. У меня много кулей припасено. Если будешь орать или брыкаться, то я тебе и на ноги такой же надену!

В потемках Ленин перепутал все направления и вместо того, чтобы попытаться укрыться в Мавзолее, шагнул к бабе. И та сразу размякла, как эскимо на палочке, забытое на лужайке в знойный день.

– Поцеловаться хочешь? Что ж ты раньше-то не вернулся? Состарились мои губки-то. Сам посмотри! – Достав из кармана нож, она проделала им щелку в куле. – Вот, видишь?

– Нет.

– Ты ж обещал взять меня замуж, как только кончится война, но не вернулся. Я думала, тебя убили.

– Так и было, – отозвался Ленин из куля. Внутри голос его, звучал гулко, как орган.

– А ты – живой, и прыткий такой! Только немножко проголодался и выпить охота. Ешь, миленький ты мой! – Она подняла картофелину и стала пихать ее сквозь щелку в куле. Однако быстро сообразила, что щелка мала, и ножом расширила ее. Ленин зубами вцепился в картофелину, как только она оказалась у его рта. И вышло, что он, в самом деле, голоден, если судить по звуку, производимому челюстями. Он едал не часто и потому вполне оценил теплоту и безмятежность духа, что содержится в простой пище. Он тотчас же успокоился и перестал ощущать унижительность своего положения. «Если б ел каждый день, то мог бы и босиком везде ходить, – подумал он. – А то сапоги, что Костя раздобыл такие жесткие».

Калории и витамины загуляли вокруг ребер, добрались до сердца. И тут ему вспомнились и любовь, и женские прелести.

Если даст мне огурец, любовь так разрастется, что просто насмерть задохнусь. Надо поделиться запасами любви с Андреем Петровичем. Он же влиятельный архангел. И, похоже, ценит любовь превыше всего. В знак признательности сократит число снотворных пилюль. А если она даст мне помидор, то влюблюсь еще в какую-нибудь женщину. Интересно, сколько женщин можно полюбить при пятиразовом питании, да еще и с вином? А если даст морковку...

Но она ничего больше не дала. Из-под юбки вытянула какую-то веревку и принялась измерять ее пядью.

– Какого ты роста? – спросила она. – За время войны, должно быть, ростом поубавился. Ты сколько раз был ранен?

– Да не услышишь ты меня.

– Наверное, в войне и языка лишился. И с другими такое бывало. А уши тоже потерял? Ладно, уж, одна поговорю. Дело привычное. Одиночество ведь тоже безъязыко. Но у одиночества есть уши.

Она обвила веревкой поясницу Ленина и крепко привязала его к фонарному столбу. «Если не пойдешь ко мне, то останешься здесь на всю ночь». Затем она отвязала его и подтолкнула к двери. Он ударился о перила и, споткнувшись о ступеньку, растянулся во весь рост. Она поставила его на ноги и вновь пихнула вперед – вверх по ступеням. Так она его и пихала все время в спину и гнала взащей, пока он грудью не уперся в дверь ее квартиры.

– Вот и наша коммуналочка, – прошептала она. – А вот и моя кроватка. Громко не говори – соседи совсем рядышком.

Он улегся на кровать, и она стащила с него куль. Он приподнялся, но она зашипела и подняла куль, целясь ему в голову. Тогда он опустил на табуретку и жестом показал на свой рот.

– Ой да совсем запамятовала – ты же у нас безъязыкий, – сказала баба, швыряя мешок на пол.

Он снова показал на рот.

– Знаю, знаю, язык потерял.

Ленин заткнул палец себе в рот и стал его пожевывать.

– Что хочешь? Еще картошечки? Поди, на улицу да подбери. Но учти – решишь удрать от моих объятий, я опять привяжу тебя к столбу.

Ленин отворил дверь, спустился по лестнице, отворил еще одну дверь и узнал холодный московский воздух. И московский холодный воздух тоже узнал его и цапнул за щеки и куснул пальцы, как бешеный пес. Ленин присел на корточки, и холод вцепился ему в копчик, в бедра и плечи. Схватив картофелину, Ленин принялся размахивать ею над головой, пытаясь отогнать от себя и холодный воздух, и саму зиму.

– Откуда у вас эта картошка? – раздался мужской голос.

– Ниоткуда. Клянусь моей матерью! – отвечал Ленин. Он поднял глаза и увидел раздувшийся карман, откуда выглядывали две картофелины и огурец.

– Я битых два часа провел на коленях. Где же справедливость? Что вы думаете по этому поводу? Я-то стоял в самом начале очереди. Тут являетесь вы и влезаете вперед. Сколько у вас детей? Пятеро, семеро? У меня трое ребятишек и еще жена. Сколько картошек мне надо на день? Трое ребятишек и жена... Да ее муж. Считать-то умеете? Позвольте представиться: Анатолий Максимович. Здравствуйте!

– Здравствуйте! – отозвался Ленин.

– Ну, как, закончили подсчеты? И снимите, пожалуйста, ваш грим! Думаете, актерам полагается дополнительная порция картошки? – Вдалеке показался еще мужчина. – Картошка кончилась! – прокричал ему Анатолий Максимович, и тот исчез за углом.

– В школе нам говорили, что Ленин раздавал картошку бедным и детям. Он вынул последнюю картофелину из мешка, протянул ее плачущему дитяти и тотчас

умер от голода. После смерти у него нашли картофелину с приколотой к ней записочкой: «Передайте эту картофелину беднейшему человеку в России или самому маленькому ребенку на земле». Но, как видите, я – не самый маленький ребенок на земле.

Ленин потерял глаза и почувствовал, что зима инкрустировала их инеем. А уши позванивали, как ключи от Мавзолея.

– Вы – хороший актер, – признал Анатолий Максимович, покивав в подтверждение своих слов. – Почему бы вам не сыграть Гамлета? Вы бы справились, и в наши дни Гамлет гораздо популярнее Ленина. Критики уверяют, что он ничего не делает впопыхах. Не губит никого с бухты-баряхты.

– Гамлет не дал бы вам картошки, – проговорил Ленин, дрожа весь с головы до ног. И голова его двигалась быстрее, чем губы. – Гамлет убил бы вас.

Когда Ленин очнулся, то попытался вспомнить, как же он избавился от Анатолия Максимовича. Он совсем не был уверен, что убил его. И в руке он продолжал судорожно сжимать картофелину. Заметив на её шкурке знакомые следы своих зубов, он улыбнулся. На теле у него опять был куль; хозяйка куля стояла рядом.

– Зачем же заставляешь меня ждать? – спросила она. – Иль мы бессмертны?

– Да, бессмертны, – ответил Ленин.

Она внесла его на себе вверх по лестнице. Он вылебал миску картофельного супа и заснул. Потом проснулся и узрел, что тело его ходило ходуном и подскакивало, как на ухабах российских дорог. Из увиденного он заключил, что наслаждения его безмерны.

– «Картофельная баба» оказалась весьма сведущей в любовных утехах; а усердия ей было не занимать. Её фанатизм был достоин революции. И Ленин возблагодарил судьбу за преждевременную смерть: он не чувствовал ни ломоты в суставах, ни мышечных болей.

Вернувшись в Мавзолей, Ленин попытался припомнить, сколько же он прожил у «картофельной бабы», но – без результата. «Значит, окрестил её «картофельной бабой», – но что было потом представлялось ему неопределённым и мягко-ускользающим, как какой-нибудь японский роман.

А Ленин не любил японские романы; он никогда и не пробовал читать их из-за боязни оказаться во власти неприятных ощущений. Конечно, он знал, что в случае победы мировой революции, он пригласит некоторых избранных японских писателей в Кремль чтобы проинструктировать их, как следует писать об успехах советской экономики. Но сей визит ожидался не ранее второй половины двадцать четвёртого века, и Ленин мог почти три столетия спокойно заниматься своими делами, не утруждая себя чтением произведений каких-то восточных писак.

Ленин улёгся на своём ложе, с удовольствием растянувшись на нём во весь рост; впервые в жизни он отдавал должное одиночеству и земным благам. А там, за стенами, было излишне много кулей и мешков, но маловато картошки. А огурцов и вовсе не было, разве только – в карманах каких-то бродяг.

Нечаянно Ленин двинул плечом по тумбочке и услышал звук падающих капель; забарабанило по полу и что-то жидкое попало ему на предплечье. Он понял, что разлил то ли суп, то ли какой-то десерт, оставленный на тумбочке по случаю его возвращения. Он подскочил и угодил носом в облачко пара, поднимающееся из огромной суповой тарелки. «Картофельный супчик, – замурлыкал он, облизываясь.

На тумбочке стояла и бутылка водки, но Ленин знал, что пролетариату и его вождям не нужен алкоголь, поскольку бывшие средства угнетения и их обладатели были уничтожены. В прежние времена водка применялась для утешения людей, заставляя забывать о жизненных тяготах и узорах, оставленных плетью на их спинах. Теперь-то они должны были помнить о счастье и радостях жизни; и случавшиеся у них провалы памяти были полностью обусловлены тем количеством водки, что они поглощали на заводах и кухнях.

Ленин накренил бутылку и вылил её содержимое на пол. Водка ручейком потекла под ложе и образовала там небольшую лужицу. Ленин любил порядок и чистоту; он достал из буфета чайную ложку и стакан, стал на колени и погрузил ложку в лужицу. Вскоре он ощутил запах водки рядом со своими брюками и обнаружил, что пижама подмокла не только снизу, но и вверху; и даже остатки волос пропитались водкой.

– Жаль, что я не облысел совсем, – подумал он. – А парикмахер есть в потустороннем мире?

Он бросил ложку в лужу и поднялся; водочный дух от его пижамы пополз по Мавзолею.

Что, если она придёт сейчас? Как я ей объясню этот водочный запах в моём помещении? Ну и дух! А какие духи она любит? «Красную Москву?» «Ленин с нами?» Они тоже припахивают водкой. Я ей скажу, что предпочитаю духи «Ленин с нами». Они сейчас очень модны во Франции, в Соединённых Штатах Америки. Последний писк моды. С прошлой недели. И уже заказали целых три тонны. А нам нужна твёрдая валюта, чтоб покупать трактора и компьютеры. И теперь вся земля пропахнет водкой. Хорошая реклама для водки, но домохозяйкам не придется под душе. И в Мавзолее никак не избавиться от этого духа. А ведь через каждые полчаса проветриваю. Открываю потайную дверь, спрятанную за грузинским ковром, и впускаю свежий воздух прямо из Рая. Рай находится внизу, в моем погребе. И я хожу туда, когда мне заблагорассудится. И в Раю воняет водкой. Завтра же снесу крышу и стены, и пусть ветры из Ада обдувают моё жилище. А топором, что мне подарили в музее Достоевского, перебью всю охрану, насквозь провонявшую водкой. И до сих пор пахнет кровью: всем благовониям Аравии не умастить ту маленькую ручку. О-о-о! Вы любите Шекспира? А «Ленин с нами» незамедлительно умастил бы её маленькие ручки и длиннющие ноги. Даже мысли мои пропахли водкой. Худо для тех, кто привык думать. Уборщица придёт сегодня? И где моя прислуга? В коммунистическом обществе надо иметь прислугу, чтобы содержать дом в порядке и чтобы пахло в нём чистотой.

Мысли Ленина бросились куда-то прочь в поисках прислуги, но вернулись лишь с двумя дополнительными вопросительными знаками. Рука потянулась к звонку, но коснулась будильника, который пребывал в благодушном настроении и не намеревался прервать циклический ход Времени «музыкой долга», как записал однажды в дневнике сам Энгельс. Ленин пренебрёт своими настроениями будильника и стал возиться с его кнопками и винтиками, пока тот не зазвонил.

– Вызывали? – спросил, входя, прислужник.

– Да. Я опрокинул бутылку водки и...

– Каженную неделю этак. Чего же раньше-то не позвали? Уж в погребе у вас – целое озеро водки.

– Я, что, и при Сталине пил водку?

– А то! Даже я при Сталине пил водку. Тогда-то она была получше – со льда. А нынче подают теплую.

– Прибери здесь.

– Для чего?

– Ненавижу грязь.

– Да вы завсегда в грязище жили

– Тогда я жил один. Я имею в виду, только с женой.

– Так и теперь вы один.

– Ко мне должны придти.

– Джордано Бруно? Кондорсе?

– Женщина. Но не Роза Люксембург.

– Да, кстати, вы взаправду думаете, что Рай здесь под полом? – и прислужник топнул обеими ногами.

– А ты видал московское метро?

Слуга рассмеялся и опять потопал, будто посылая сигналы азбукой Морзе обитателям Рая.

– А что это за лужа у вас под постелью? – внезапно спросил он.

– Водка, – коротко ответил Ленин.

– И зачем вы это сделали? Хотели понаслаждаться её духом и во сне? Мой сосед так тоже делает, чтоб прогонять дурные сны.

– И мне нужен букет роз.

– Влюбились, что ли?

Ленин взглянул на будильник, вновь принявший свой безразличный вид, и выбежал из помещения.

Побежал по коридору и нашёл главный вход быстрее, чем предполагал: на сей раз коридор следовал законам эвклидовой геометрии, позволяя путникам без хлопот попасть из пункта А в пункт Б. Один часовой целовал женщину, а другой ждал окончания поцелуя, и на губах его блуждала улыбка предвкушения. А женщина всё старалась придержать свою шляпку; но шляпка, в конце концов, всё-таки упала на сапог второго часового.

Ленин сразу узнал женщину. «Что вы здесь делаете? – возопил он. Но поскольку никто его не слышал, то ответить себе он должен был сам. – Вы пришли с визитом ко мне. Почему же сносит поцелуи этого хама? Потому что он, очевидно, не пускает вас в Мавзолей в неурочное время. И вы решили подкупить его, воспользовавшись своей красотой. Но почему же вы не дали ему несколько долларов? – Вопрос остался без ответа, и Ленин пустился в обратный путь с намерением подготовить Мавзолей к приему гости.

По дороге он тщательно проанализировал ситуацию и решил не увольнять немедленно часовых за наглое поведение: слуге ведь ещё надо было вымыть помещение и принести вазу с розами; поэтому, чем дольше охранники не будут пропускать его возлюбленную к нему в вонючее помещение, тем лучше. Он даже поручил бы им и поиметь ее, но при условии, что каждый будет соблюдать все приличия и будет чрезвычайно осмотрителен. Их любовная свалка не должна повредить его репутации и славе. Первый часовой, второй, на-троих... Это долго? И Ленин ударился в математику: один умножить на два, на три... Хватит времени прислужнику, чтобы купить бутылку шампанского в одном из международных магазинов? Мысли Ленина всё ещё отдавали водкой «Русская», и он временно перестал думать, испытывая отвращение и тревогу.

Слуга всё елозил под ложем и не обращал внимания ни на остальные части помещения, ни на ленинские призывы. Надо позвать другого слугу и выгнать этого забулдыгу из Мавзолея и из Москвы вообще.

В буфете Ленину не удалось обнаружить никакой вазы, а единственным столиком для этой несуществующей вазы могла служить лишь прикроватная

тумбочка, заваленная бумажками и таблетками снотворного. Он посмотрел на будильник и пожалел, что вовремя не испросил себе и третьего слуги, какого-нибудь похотливого красавца: стрелки будильника передвигались быстрее, чем всегда, словно за ними гнался убийца.

Ленин призвал Бога Времени умерить свою поступь, но стрелки продолжали скакать с прежней прытью.

Время же не заключено в одни какие-то часы; оно охватывает весь мир, омывая его, как океан, и набегающие волны времени оставляют обильные следы и на циферблатах, и на лицах. И люди – в зависимости от расположения луны и солнца – то просто бурлят от прилива энергии, то, наоборот, сникают, скисают. Ну а циферблаты, как принято считать, должны изображать время с большей или меньшей «объективностью», степень которой обусловлена мастерством и искусством их создателей.

Ленин перерыл бюро и обшарил даже все папки в надежде обрести какие-нибудь более послушные часы или государственный декрет, позволяющий обладателю одного по своему усмотрению манипулировать временем, не обращая внимания на Биг Бен. И тут он загоревал, что не упразднил время вообще – заодно с капитализмом и частной собственностью. Ведь ещё Блаженный Августин говорил, что время – частное дело и что изменяется оно в соответствии с нашими настроениями и потребностями. Так, в конце концов, не было ли оно посему капиталистическим измышлением?

Если бы не Время и его обломовская леность, триумф коммунизма мог совпасть с Октябрьской Революцией. Предвидя неблагоприятный для себя ход событий, капиталисты и выдумали Время и тем самым оттянули наступление эпохи процветания и счастья пролетариата.

Вдруг Ленин услышал голоса, доносившиеся снаружи, и замер, чтобы отдышаться и понять в чём дело. Они уже закончили, что ли? Ни цветов, ни вазы, ни стола, ни шампанского, ни слуг – ничего, кроме желания видеть ее и говорить и говорить с ней часы напролет.

Зачем я выпил ту бутылку водки? Ей бы надо немного выпить. Так ведь соблазняют женщин в романах и телевизионных спектаклях: им дают выпить и затем кружат их в вальсе. Как правило, они при этом пьют шампанское, но могут выпить и русской водки. Просто скажу ей, что я – русский. И она опьянеет быстрее и гораздо... эффективней. Водка глубоко проникает в людские души.

Ленин мимоходом заглянул под ложе и, удовлетворённый, закружился в вальсе. Он ещё помнил, как это делается, хотя немало водки утекло со времён его школьного бала до 1992 года. Танцевать с изяществом, не наступая на ноги партнёрше, научил его отец. Ленин всё вальсировал и вальсировал, увлекаемый и ритмами прошлого, и приливами нежных чувств.

Любовь намного важнее счастья всего человечества. И пусть себе живут в убожестве и нищете. Даже узник может любить кого-то. Даже мертвец способен полюбить и стать счастливее живых или богов.

Он бросился прочь и вскоре вернулся, неся на руках молодую особу. Следует ли коммунистам носить женщин на руках? И от подобных действий, не станет ли путь к высотам коммунизма короче, чем при строительстве электростанций? Вне себя от радости и нахлынувшего счастья, он, не выпуская из рук своей драгоценной ноши – истинного источника его приподнятого настроения, – вновь принялся вытанцовывать. Довольно скоро его возлюбленную укачало, и на лице её застыла та самая страдальческая гримаса, что бывает почти у всех начинающих мореплавателей. Но Ленин неверно понял её скованность, полагая, что это – от страха и стеснительности. И удвоил свои усилия, чтобы дать ей возможность почувствовать себя свободнее и забыть, что она – на руках у величайшего в истории человека.

Однако он вдруг засомневался, что она вполне осознаёт его значимость и величие: она же битых три часа провела в компании тех двоих, что не были ни великими, ни даже знаменитыми. Тогда он поставил её на ноги и опустился в своё любимое кресло. Вынув из кармана вечное перо, он допрыгал вместе с креслом до письменного стола, схватил огромный лист бумаги и рукою, трепещущей, как пташка в силках, нацарапал следующее:

«Как вам известно, я – Владимир Ильич Ленин, гений Революции. Под моим руководством в СССР восторжествовала Великая Октябрьская Социалистическая Революция. Эта Революция явилась поворотным пунктом в истории человечества и переходом от старого капиталистического общества к новому, социалистическому. Эта Революция вырвала из империалистического ада сотню миллионов обитателей земного шара. Вы бы и не родились – если бы не мой гений и не моя Революция. – Ленин на мгновение остановился. Затем приписал: И ваша мать не родилась бы. – Он опять остановился и опять дописал: Или родилась бы она в аду».

Ленин перечитал получившийся абзац и пришёл к выводу, что тот вышел каким-то ущербным, ибо ограничивал его личные свершения только Революцией. Тогда он властными росчерками пера добавил: «Я – величайший гений всех времён и народов, корифей всех сокровищ человеческих знаний и культуры, овладевший в совершенстве всепобеждающим оружием пролетариата – революционным марксистским учением, которое теперь названо в мою честь ленинизмом».

Прочитав второй абзац, Ленин одобрительно кивнул, как будто оценивая написанное кем-то другим. Но тут вспомнил, что его возлюбленная робка и застенчива и, внимательно прочитав его текст, может ещё более смутиться. Тогда он взял другой лист бумаги и изукрасил его своим почерком:

«То, что я велик – истинная, правда. Но я также способен и на любовь, на дружбу и отзывчивость. Я вполне понимаю простых людей; мне не чужды радости семейной жизни. Я нередко беседую с глупцами, так что не надо бояться меня. И к женщинам могу быть благосклонным, конечно, если они красивы. А вы, действительно, по-настоящему красивы. И посему я принимаю вас такой, какая вы есть. Добро пожаловать в мой дом! К сожалению, не хватило

времени послать слугу за шампанским. Но, полагаю, вам не требуется ни шампанского, ни водки, чтоб чувствовать себя как дома. Вам легко здесь? Обещаю, что мы с вами ещё потанцуем. Я пишу всё это потому, что не имею возможности высказать мою любовь и мысли изустно. Владимир Ильич Ленин. Р. S. И за розами я не успел послать, но поверьте, что розы цветут в моём сердце. В.Л.»

Ленин убрал авторучку в карман и вручил оба листа возлюбленной. Он пристально следил глазами за её губками, коими она грациозно шевелила при чтении, беззвучно воспроизводя его каракули.

– О, Господи! – воскликнула она, резко прижав ладошку к носу, который вдруг расплющился. – Совсем забыла. Я же принесла вам хризантемы. Они у Саши. Александра. Одного из ваших часовых.

Она унеслась, и Ленин принялся к воздуху, затрепетавшему ей вослед; и не узнал духов, чей слабый запах, она оставила. Это не были ни «Красная Армия», ни «Ленин в Финляндии». «Ленин в Париже?» Французские?

Зачем она принесла мне хризантемы? Чтоб возложить их мне на грудь после того, как убьёт меня? Она – Тоска. А я-то думал, что она – Травиата. Думал, что умрёт в моих объятьях. И мог ради неё пожертвовать жизнью.

Она возвратилась и осыпала его хризантемами.

– Погуляем? – предложила она. – Хотелось бы забыть о вашей смерти хотя бы на несколько часов.

Они вышли из Мавзолея и стали прохаживаться вдоль кремлёвской стены; прохожие задевали его руки, лопатки. Казалось, они не узнают его. А Ленин не узнавал природы: всего за ночь она сменила свои снежные настроения и болезненный вид на весенние цвета.

Природа ведь должна любить кого-то: солнце или Бога. Она не способна погрузиться в себя навечно, и вырывается из оков своих, и приветствует возлюбленного, прижимается к нему и целует, порождая звёзды и букеты галактик. Все должны выйти из себя и воссоединиться с кем-то противоположным и обнимать и окружать нежностью. Я всегда любил Гегеля, хотя и осознавал его противоречия и наши расхождения. И Маркс любил Гегеля. Разве не все расхождения сходятся в этом саду? Синтез – высшая ступень гегелевской триады – в борьбе человечества за свободу и равенство достигается пылким поцелуем, коим природа награждает Бога! Гегель в своих сочинениях довольно часто поминает Бога. Была ли моя жизнь бесплодна и ошибочна? Надо мне было лобызать всех тех, кто умирал вокруг меня? The Kiss of life. Почему не внёс я вклад в движущую силу природы, томящуюся по Богу и стремящуюся к нему? Зима покрыла саваном своим. Я пробивался сквозь заносы и сугробы, сквозь толпы снежных человеков, по тонкому хрупкому льду озёр и рек.

– Как вас зовут? – выцарапал Ленин на коре старого дерева.

– Лиля, – ответила она. – Я много читала о вас. Помню, например, как вы чуть не утонули в Финляндии. Почему вы не утонули в ту ночь? Люди уважают Амундсена, но они любят и обожают Роберта Фолкона Скотта. «Жаль, но,

кажется, я больше не смогу писать», – последняя запись в его дневнике. Какой человек! Ну, а вы после того случая в Финляндии написали очень много. Зачем? К чему? Ведь полиция шла по вашим следам. Царское правительство намеревалось сцапать своими жадными лапами вождя Революции. Вы должны были бежать из России и поселиться за границей в 1907 году. Попытка сесть на корабль в хельсинском порту могла окончиться арестом. Поэтому вы предпочли совершить пеший переход по льдам к островку в Ботническом заливе. И лёд проломился под вашими ногами. Почему вы тогда выбрались из воды?

– Потому что хотел спасти Революцию и человечество.

Он артикулировал эти слова медленно и отчётливо, чтобы она смогла прочесть их по губам. Но вопреки ожиданиям и расчётам его губы неестественно кривились, с трудом выталкивая многозначительный, весомый воздух: движения их не имели ничего общего с теми словами, что подбирал для ответа. Ему даже губы перекоरेжили. Кожу, что-ли, пересадили?

– А обвинение в государственной измене? И прозвище «Немецкий шпион?» Временное правительство выпустило приказ о вашем аресте и судебном расследовании. Почему вы не явились в суд? Каменев, Троцкий, Рыков и другие считали, что вы должны были предстать перед судом. Только Сталин возражал против этого решения. Но он был трусишкой и босяком. Почему вы не стали мучеником и героем? И джентльменом?

– Суд был лишь предлогом, чтобы от меня избавиться. Они стремились просто отомстить мне.

– Вы что-нибудь сейчас сказали? Почему вы трогаете свои губы? Укусили себя за язык?

Ленин вынул из кармана нож. Избрал ещё одно старое дерево для послания к возлюбленной. Он понимал, что уже отделился от тела, дабы встретиться с ней на пути к счастью. Ведь видел же он и мозг свой вне тела – катающийся по грузинскому ковру и бьющийся о стену Мавзолея.

– Наконец-то я Vernunft. Всю мою жизнь я купался в Verstand. Я уезжал за рубеж, убегая от царской полиции. Но, на самом деле, всегда оставался дома. Я корчился внутри собственной грудной клетки.

– Папа, тот дядя останавливается у каждого дерева. Зачем? – спросил маленький мальчик, дёргая отца за рукав.

– Возможно, в предыдущей жизни он был собакой, – ответил отец и ускорил шаги. А сынишка, влекомый за руку, нехотя потащился следом.

– Я счастлива, – сказала Лиля. Она смеялась, и на губах её изображались контуры всех слов, не произнесённых ею вслух. – Вы не можете разговаривать с нами, ну так что ж? Слова летучи и неуловимы. Они не существуют вовсе, пока мы сами не напишем их или не поведаем о наших приключениях тем, кто любит сплетничать. А дерево это проживёт ещё сотню лет. Потом его поместят в музей. К сожалению, они закрыли ваш музей, а Мавзолей несколько маловат. И преступленьем будет – распилить этот дуб на

куски. Надо целиком сохранить его любой ценой. Какая реликвия! Какое послание любви! Я так счастлива!

Тем временем Ленин уже вполне осознал существование того социального барьера, что смерть воздвигла между ними, превратив его в парию, осуждённого лишь мечтать о своей возлюбленной и не способного даже дотронуться до неё.

Почему Сталин не расстрелял её? Мы сейчас с нею были бы здесь, в потустороннем мире, на равной ноге. Разумеется, я и сам могу её убить. Но где гарантия, что её пришлют потом в эту зону загробного мира? Я слышал, что и в Раю, и в Аду много разных зон. И все их входы охраняются советскими пограничниками, которых весьма чтут наши чиновники. А сколько железных занавесов здесь, в «потусторонке»? Попробуй угадай. А сколько людей она должна уничтожить, чтобы попасть в мою зону? Зависит ещё и от ранга и важности этих людей. Предположим, она заколола меня кинжалом. Ничего не имею против ещё одной смерти. Положу и её на кучу моих прежних смертей и жизней. Высочайший небоскрёб в истории вселенной. Чем больше людей меня убьёт, тем быстрее возведу я мою вавилонскую башню и скажу в лицо Богу всю правду-матку, невзирая на последствия. Сам напросился!

Ленин погрозил кулаком низкому облаку и вернулся к вопросу о пребывании Лили в «потусторонке».

Позволила бы моя смерть ей сравняться со мной? Ведь каждый советский гражданин утверждает, что я украл у него жизнь, даже если он умер во сне в возрасте восьмидесяти двух лет. В собственной постели! Политбюро потустороннего мира обвиняет меня в убийстве трёхсот миллионов людей. А сколько человеческих жизней я стою? Тысяч двести. Не меньше. Простых людей. Рабочих и служащих. И крестьян. Или пятьдесят тысяч жизней учёных. Или тысячу жизней нобелевских лауреатов. Тысячу Бетховенов. Тысячу Толстых. Три миллиона людей! Сколько же надо убить Лениных, чтобы скомпенсировать эти потери? И могут ли они это доказать? Я их побью их же оружием. Требую адвоката! Все адвокаты у них под пятой. И Бог самолично распределяет жильё новичкам. Он не позволит нам коротать нашу смерть в одном Мавзолее. Теперь уж поздно. И жизнь была короткой, а смерть ещё короче.

Он отвернулся и направился к следующему дереву, кора, которого была достаточно обширной, чтобы уместить все его жалобы и сетования. Лили догнала его и поцеловала так страстно, что он совсем забыл о дыхании и потерял сознание в её объятьях; и, падая, увлёк её за собою.

Когда он пришёл в себя, она взяла его за руку, и они пошли по аллее к противоположной кремлёвской стене и дальше, вниз, к Москве-реке. И солнце так ликующе сияло, что марсианские туристы могли по ошибке принять Землю за планету победившего коммунизма. Его всеобъемлющий, проникающий в душу свет мог заставить обычного российского прохожего поверить, что даже Сталин наконец-то влюбился – в своей зоне Ада.

Вода сверкала и манила, когда они спускались по склону холма. Ленин вновь остановился у дерева и нацарапал: «У меня нет плавок».

– И у меня нет купальника. Покатаемся на речном трамвайчике.

Они сели на прогулочный катер и поплыли вверх по реке – к Воробьёвым горам. Лиля глядела на воду и ритмично покачивала головкой, словно напевая про себя колыбельную. Ленин решил, что она заснула, и стал придумывать, как бы её разбудить.

– Хотелось бы при следующем рождении провести жизнь на дне реки, сказала Лиля. Подводная жизнь, должно быть, искушала и Офелию. Не была она сумасшедшей. Просто была наядой. В самой глубине души она была наядой, вынужденной жить среди сумасшедших. Потому-то и преклонила колени и пустила цветы по потоку и омочила волосы. Так долго вглядывалась в воду, что, в конце концов, слилась со своим отражением. И стали они едины, как пара влюблённых.

– Россия сейчас на дне какой-то реки. И чтобы увидеть русские города и их жителей, надо закрыть глаза. Закрой глаза иль утони! Вы помните невидимый град Китеж, что камнем канул в воду, дабы избежать опасности разрушения? Возможно, русалки и их возлюбленные и зрят его купола до сих пор. И колокола его слышны в лесах окрестных. Россия теперь – невидимый град Китеж.

Ленин тоже воззрился на воду – зеркало минувшего – и увидел книгу, что читал в Германии в двадцатилетнем возрасте: «Условия жизни рабочего класса в Англии». Алакаевка. Хозяйство в Алакаевке. Лето. Мимо него проходит сестра его Анна, направляясь к летнему флигелю, где её с карандашом за ухом ожидает журналист.

– Володя поставил свой рабочий стол в уединённом месте, в густой липовой роще, – говорит она. – Каждое утро, после завтрака, он отправляется туда с кипой книжек под мышкой. И работает там до обеда. Никто из нас не ходит в ту рощу, чтобы не мешать ему.

– А он когда-нибудь прислушивается к пению птиц или, вообще, к звукам леса? – спрашивает журналист.

– Никогда.

– И никогда не волочит за служанками?

– Нет.

– А за вашими подругами? Оказывает ли он внимание...

– Никогда. Володины занятия по экономике и истории России впоследствии легли в основу его работ, включая и знаменитый труд Кто такие «Друзья народа – и как они воюют против социал-демократов».

Птицы, звуки леса... Я не слушал даже Waldweben Вагнера, его шум леса. Услышал только после своих похорон. Впервые. Служанки? «Условия жизни рабочего класса в Англии». Думаю, они сильно изменились в лучшую сторону. Берия выбирал девиц себе, не выходя из машины. Тыкал пальцем в приглянувшийся силуэт, и его холуи прямо в центре Москвы... Севастополя... Да где угодно. И очень любил жён своих подчинённых. А те были красивы, все без исключения. Потому что он сам в своё время выбирал именно жён, а не их мужей. Ladies first. А мужей оформляли потом. Устраивали на работу или

расстреливали или ещё как-нибудь приканчивали. Берия не тратил время на всякую чепуху. На «друзей народа». Кто они такие? Я много слышал о «врагах народа», и никогда о его друзьях. Единственный друг народа – именно я, и, вероятно, я же – единственный враг его. Кто знает? Спиноза пишет, что нам не дано, судить о чём бы то ни было, потому что нам неведома перспектива потустороннего мира. Но даже и эта перспектива не помогает. Мне надо задом пятиться столетие, целую вечность, чтобы хоть что-то понять. Я строго критиковал одних, потому что был другом других. И эти одни и другие стали смертельными врагами и принялись убивать друг друга. Аудитория рукоплескала мне. Но на сцене не осталось никого. Аплодисменты не стихали. Зачем драматурги пишут свои пьесы? Зачем режиссёры их ставят? Ведь надо всего лишь показать пустую сцену зрителям. Кулисы полны мёртвых тел, а сцена пуста. И Гамлет валяется в пыли, среди закулисных механизмов. Офелия прозябает в своей закулисной ложе, на дне ванны. Сцена пуста. А зрители рукоплещут. Зрители знают, что всех убили. И зрители рукоплещут. А Берия знает, что среди зрителей есть несколько хороших женщин. И тычет пальцем в спину той, что ему приглянулась. И его прихвостни выскакивают отовсюду. Ни криков, ни слёз. А я всё опровергаю теории противников и потрясаю кулаком в пустоте. А служанки выстраиваются в очередь перед Мавзолеем. Они и создают ту перспективу, о которой говорил Спиноза. Служанки и другие женщины стоят в очереди перед Мавзолеем. Все женщины, которых я никогда не любил.

Лиля встала, когда пристань оттолкнула катер, будто недоступная женщина, а затем притянула его. Ленин же всё никак не мог оторваться от созерцания подводных видов, воссозданных и населённых его воображением. Сестра его продолжала просвещать журналиста, повествуя о достижениях брата: «Дерзко и решительно, с юношескими задором и категоричностью, но уже вооружённый знаниями, он начал ниспровергать теоретические положения народников»... Журналист не задавал вопросов. И то, что лениво вырисовал в блокноте его карандаш, не имело ничего общего ни с народниками, ни ленинским юношеским задором.

С того дня у Ленина началась новая, так называемая светская, жизнь – в ущерб всем книгам и отвлечённым понятиям типа «друзья народа», «благодетели человечества»... Теперь он довольно часто покидал Мавзолей, не беспокоясь о туристах и старых коммунистах.

Посетители взирали на пустой гроб, к которому вело множество стрелок, сопровождаемых подписью «Владимир Ильич Ульянов (Ленин)». Вскоре директор Мавзолея вынужден был положить в центре его биографию Ленина.

Возвращаясь, то и дело в Мавзолей, Ленин заменял биографию своим телом, перемазанным губной помадой возлюбленной. Но разницы, казалось, никто не замечал. Посетителям было всё равно на что глазеть на ленинские плечи или на строки: «Ленинские положения были путеводным маяком в деле победоносной борьбы пролетариата за свободу». Они бы не удивились, увидев в Мавзолее и другое тело. Они бы даже, вероятно, предпочли в Мавзолее полюбоваться на другое тело – например, голый красотки на французской кушетке восемнадцатого столетия.

Становясь в очередь, многие и надеялись, что увидят внутри какую-нибудь красавицу, принимающую соблазнительные позы. А что же, думали они, может привлечь так много посетителей, как не эротика, что была под запретом более полувека? Ведь Мавзолей не похож на универмаг.

И вид старца, лежащего в гробу не разочаровывал их. Они считали, что это только начало шоу: мизансцена, своеобразный хитрый ход для возбуждения их любопытства и желаний. Они ждали, что старик снимет ужасную маску, и перед ними предстанет очаровательная красавица, улыбающаяся и зовущая. И они ждали, переминаясь с ноги на ногу, посматривая на часы и проверяя силу своих вожделений. Некоторые дожидались отбытия Ленина из Мавзолея и шли за ним следом по московским улицам, всё ещё алкая узреть вблизи чудесную красотку.

А когда обнаруживали в гробу биографию, то листали её в поисках непристойных фотографий или фривольных описаний. И углублённо изучали тот или иной абзац, пытаясь докопаться до скрытого смысла, до сексуального кода. «Ленинские указания возбудили рабочий класс и привели его в состояние полной готовности». Они шёпотом твердили текст и порою выучивали его, чтобы потом, дома, воспользоваться силой заклинаний.

Будь биография Ленина дописана «картофельной бабой», интереснее было бы ее читать его новым потенциальным сторонникам. Увы, его отношения с Лилей не добавляли ничего существенного к тому, что Ленин обычно испытывал в Мавзолее или вне его стен.

У Лили он проводил много времени. У неё была маленькая, но довольно удобная двухэтажная квартирка с внутренними лестницами, на которых она выглядела весьма авантажно в своих мини-юбочках. Уставившись на то, что ему

удавалось узреть сверху перед собой, Ленин приходил к выводу, что она весьма красива и сексуальна. Он уже привык к подобного рода умозаключениям: в Мавзолее ведь много лестниц.

Лиля была шаловлива, но в то же время хрупка и трогательна. Она была такая нежная, что порою у него создавалось впечатление, что своими грубыми перстами он может проткнуть ей тело и душу, если прикоснется к ней. Она вся светилась, и её можно было принять за дух, а он, напротив, становился всё более плотским и полнокровным. Даже во сне он ощущал, как кровь выплескивается из её жил, переливаясь в его тело, делая его энергичным и словно «смертенепроницаемым».

– Ты любишь меня за то, что я – Ленин? – записал он однажды в своём блокноте. – Люби ты меня как такового и не обращай внимания на миф, что они сочинили во имя своих мрачных идеалов! Они утверждают, что я – титан среди учёных, что я бесстрашно отбросил устарелые и обветшалые взгляды и разрешил... Поверь, ничего я не разрешил. Перед гробницей моей возлегал всё тот же сфинкс, и взгляд его по-прежнему загадочен".

Стремясь завоевать её сердце и душу, он преподнёс ей блокнот, в котором Мандельштам набросал несколько стихотворений незадолго до своей безвременной кончины в концлагере. Эти стихи никогда прежде не публиковались; она, вряд ли обвинила бы его в плагиате.

Прижав руку к сердцу, он положил перед нею блокнот. И пока она листала затрёпанные странички, исписанные незнакомым почерком, он беззвучно читал стихи, уносящие вспять – к романтизму и Древней Греции, к Серебряному веку и Золотому. Он ощутил единство с природой и звёздами. Он сам был звездой, горящей звездой, стремительно падающей на землю, чтобы обнять её, разлетевшись в прах при ударе о её поверхность. «Я – звезда, – написал он в своём блокноте. – Падающая звезда».

– У меня есть пластинка с оперой «Jesus Christ Superstar», заметила она. – Ты её слушал? Это старая опера. Но и ты старый, – она рассмеялась. Потом спросила – Почему они не издали твои стихи в «Полном собрании сочинений Ленина»?

– Думали, что мои стихи будут неверно поняты. Они же считали, что я... В общем, ты понимаешь... – многоточия побежали по страницам его блокнота.

– Как я люблю тебя! – заявила она. – Ты, оказывается, был и поэтом. Учёный, поэт, первоклассный политик, основатель большевизма... Человек эпохи возрождения! Человек-оркестр...

Горя желанием подтвердить правоту этих восхвалений, он постарался написать белые стихи. Стихотворение называлось «Нежность».

Ты на коленях сложила руки,

и я вспомнил нежность.

Я и запомнил, что был романтиком,

запомнил, что был любовником и мужем.

Мир надо сутки напролёт ласкать.
Я вспомнил сентиментальность
и слёзы лил до той поры,
пока глаза не забыли, что видели
при жизни. И ныне плачу,
стремясь забыть как можно больше,
чтоб только помнить твои дары:
твою кровь, твою любовь.
Тебя.

Но он так и не показал ей это стихотворение, опасаясь невыгодного сравнения с поэтом, чьи произведения присвоил. Боялся потерять её любовь и уважение из-за какой-нибудь тривиальной метафоры или неуклюжей рифмы.

Лилия была художником, и время от времени ей приходилось встречаться с владельцами новых выставочных залов, из-за чего её подолгу не бывало дома. В её отсутствие Ленин лежал на полу, который чем-то напоминал его саркофаг и, кроме того, был просторнее любой кровати: на нём можно было поворачиваться с боку на бок, никуда не падая. А ведь страшные сны всё время заставляли его крутиться. И пока не было его возлюбленной, он снов этих страшных видел предостаточно.

Оставаясь подолгу один в её квартире, он смотрел телевизор или листал семейные альбомы. И потому всё более отчётливо понимал, что умер задолго до её рождения. Почти полстолетия пролетело между его смертью в Москве и её рождением в Крыму. И это временное пространство он называл теперь «безлюбая земля». Что делали люди всё это время? Когда никого нет дома, они же свет тушат?

Её не было дома, но он включил все лампы, как делают дети, веря, что тьма полным полно злыми ведьмами и колченогими домовыми. Он уже две недели не был в Мавзолее и чувствовал себя более радостным, окрылённым, чем обычно. На сей раз, он знал, что она скоро вернется, и был начеку, не желая пропустить ни один из её милых жестов. Она была так грациозна и элегантна, что из-за неё он теперь постоянно вспоминал «Лебединое озеро», которое видел в Большом театре ещё в 1962 году. Тогда Андрей Петрович раздобыл три билета и...

И она вошла своей танцующей походкой.

– Ну, как ты здесь без меня? Чем занимался? – спросила она, не переводя дыхания.

– Смотрел передачу об одном человеке, – написал он.

– Человеке? Каком?

– Он говорил тележурналисту, что никак не может свыкнуться со смертью жены.

– А когда она умерла?

– Десять или двадцать лет назад... Он сказал о рубце. «Живёшь себе, живёшь, но шрам остаётся», – говорил он. И плакал.

– Что ж он не покончил с собой? – спросила Лиля, неспешно снимая туфли и платье.

– Всё надеялся случайно встретить её снова где-нибудь: в московских пригородах... в Туле... в каком-нибудь тупичке. И сказал нечто странное: «Смерть и жизнь могут меняться местами, как фигуры в шахматной рокировке. Вы думаете, что живы, а на самом деле вы мертвы. И наоборот. И все мы бродим, как лунатики, по Граду Сатаны». Нет. Он подобен некоему дому. В том доме много коридоров. И мы бредём по ним из года в год. Много лестниц. Никаких дверей. Что-то вроде небоскрёба...

– Максим Горький «Градом Сатаны – называл Нью-Йорк.

– Ты ведь не бросишь меня? Я пришёл тебя навестить, а ты ушла, будто навечно. В квартире пусто. Все заплесневело. И по моему плащу два паука ползали вверх и вниз. И у меня был жуткий сон после полудня.

– Конечно, я никогда тебя не брошу. Посмотри-ка, что я сегодня купила, – Лиля развязала коробку, открыла её и достала оттуда маленькую модель броневика. – Узнаёшь?

– На свете много броневиков.

– В апреле 1917 года, вернувшись из Швейцарии, ты с него произнёс свою речь. Финляндский вокзал, площадь перед ним и все прилегающие улицы заполнили многотысячные толпы рабочих, солдат и матросов с красными флагами. Волны неописуемых эмоций взвивались над этими толпами, когда ты пробирался по площади. Ты взобрался на броневик и...

– А где же я? – написал Ленин и озабоченно потрогал башню броневичка.

– Возможно, какой-нибудь покупатель отломил фигурку. Случайно. Это был последний в магазине броневичок.

– Нарочно, – написал Ленин. И любовно погладил броневичок.

– Не думаю. Многие иностранцы покупают их. Ты любишь кошек?

– Возможно, на нём был кто-то ещё, – выписал Ленин, продолжая ласкать броневичок.

– А что ещё показывали по телевизору? – спросила Лиля, укладывая броневичок обратно в коробку.

– Моды. Как по-русски будет «grand couturier»? Ив Сен-Лоран, Живанши...

– Нам надо пойти и купить кое-что... немедленно... Меня приглашал один из друзей. А под Мавзолеем есть магазин? Разве я могу ходить вот так? На лице Ленина изобразилось недоумение. Лиля схватила подол юбки и взмахнула им в воздухе, приоткрыв колени и бёдра. – Теперь понятно? – спросила она с иронией. Но Ленин отрицательно покачал головой, не отрывая взгляда от ляжек возлюбленной. – Тогда начнем все сначала, – и Лиля принялась разоблачаться с такой скоростью, что Ленин не успевал подхватывать все детали ее туалета, летевшие ему в физиономию. Ее колготки попали в торшер, и запах горелого поплыл по комнате. – Нет, ты взгляни на мое нижнее белье! – вскричала она.

Ленин кивком показал, что он уже видел ее лифчик и трусики много раз и в разных ракурсах. – И что ты думаешь? – спросила Лиля, снимая трусики. Запах горелого дополз до соседской квартиры.

Ленин опять кивнул. Лиля сердито развернула перед ним чистый лист бумаги, размеры которого как бы приглашали написать длинное и скрупулезное объяснение. Почему советские правители всегда проявляли такое пренебрежение к женскому нижнему белью? Ленин уселся на диван и принялся за работу:

Женская красота – всегда предмет дискуссии. Все мы с готовностью воспринимаем красивую женщину, стоящую посреди комнаты в костюме Евы. И не нужны ей ни сборочки, ни оборочки, чтобы подчеркнуть гармоничность тела и мраморно-белую кожу. Спрашивается – надо ли производить бюстгалтеры, обшитые кружевами? Только тяжелая индустрия является единственно возможным экономическим фундаментом социализма и коммунизма. Только мощная индустрия, основанная на электрификации всего СССР, способна объединить разобщенные частные крестьянские хозяйства и перевести их на рельсы социалистической агрикультуры и вдохнуть в них коммунистический дух. У нас нет времени ни для производства нижнего белья, ни для того, чтобы надевать его. К тому же, нижнее белье стесняло бы наши движения и, следовательно, снижало бы производство стали и угля. Наши женщины даже более красивы безо всех этих лифчиков, трусиков, платьиц, чулочек и диадем. И ничто не способно соперничать с силой полового влечения, кою возбуждает тело в своем первозданно чистом виде. Но люди излишне часто вносят самовольные изменения в этот шедевр Всемогущего Бога. И мы должны отказаться от всех ненужных деталей, дабы освободить женщину от ига оптических иллюзий. Нижнее бельё и вообще одежда есть не что иное, как буржуазный обман, задуманный для того, чтобы скрыть реальность, подменив её множеством орнаментов таких же бесполезных, как и утончённая пища и дорогостоящие вина. Кухни по сути своей – не более чем заправочные станции, единственная задача которых в том, чтобы стимулировать движение тел людских к коммунизму или революции. А каково назначение норковых шубок, нижних юбок, шарфов и шляп? Согревать нас зимой? А у птиц есть одежды? Замерзают они насмерть, пронзая в полёте облака и солнечный закат? Они живут себе и благоденствуют, поскольку, летая над нашими головами, помахивают крыльями вверх-вниз, вверх-вниз, вверх-вниз. Следовательно, мы должны трудиться, чтобы согреть наши тела зимой и осенью, весной или дождливым летом. 10-го мая 1919 года сотрудники Казанской железной дороги приняли решение потрудиться сверхурочно без зарплаты, чтобы выполнить некоторые неотложные работы на линии. Идея о добровольном неоплачиваемом труде ради всеобщего блага была подхвачена всей страной. Эту инициативу я и до сих пор рассматриваю как событие эпохального значения. Таким людям не нужны одежды.

– Мои друзья тоже всегда осуждали сборочки да ламбрекенчики, но по иным причинам. – С этими словами Лиля выхватила у Ленина исписанный лист и разорвала его на мельчайшие кусочки. – Они полагают, что Россия призвана выполнить высокую религиозную миссию во имя спасения мира. Они полагают, что русская нация выше всяких изящных искусств и украшательства. Я думаю, что красота духовна, и завтра вечером это докажу.

Выйдя из квартиры, они пересекли лестничную площадку, открыли множество дверей и двинулись вдоль фасадов зданий, в которых редкими пятнами просвечивали невесёлые витрины. В витринах тех висело одно и то же платье, и Лиля всюду его примеряла. В нём она выглядела удручающе, и Ленин вынужден был вызывать в воображении ее нагое тело, дабы убедиться, что женщина, разглядывающая себя в неизменное прямоугольное зеркало – та самая Лиля Дольская, которую он обожает.

– В этих магазинах мы ничего не найдём, – заявила она наконец, и чуть погодя Ленин увидел листок с надписью «Only Hard Currency, Nur Valuta», приклеенный изнутри на занавешенном окне. Он принялся, было стучать в это окно, но вспомнил, что у него – всего несколько сот рублей, зашитых в подкладку пиджака. Тогда он обернулся и, заметив в конце тупика телефонную будку, направился к ней.

Он не знал номер телефона своего друга и помощника, Кости. Он даже не был уверен, существует ли телефон в той комнатухе, куда засунула Костю судьба в облике Бога, Сатаны или Первого секретаря Коммунистической партии. Но твёрдо верил, то Костя отзовётся на его звонок и где-нибудь украдет необходимые ему деньги. Все дороги ведут в Ад, думал он. Все провода бегут от электростанции, перегораживающей реку Стикс. И все телефоны прослушиваются.

Костя ответил так быстро, словно телефонная трубка была у него в кармане. Что, у них там всюду понаставлены телефонные аппараты? Ленин попросил Костю достать тысячу долларов в течение двух часов – до закрытия валютного магазина. Костя сказал, что приложит все силы, и повесил трубку.

– Подожди минутку! Я дам тебе адрес магазина! – крикнул Ленин.

– Не беспокойтесь, он найдёт вас, – сообщил прохожий, почтительно касаясь двумя пальцами головного убора.

– Как это? Вы кто?

– Я дал ему адрес магазина, – ответил незнакомец, опять козырнув, и вскочил на подножку трамвая.

Костя объявился около 11-ти вечера. На сей раз был без бороды. Он вышел из пустого автобуса, который потом так и остался прямо посреди улицы до самого утра.

– А где же водитель? – спросил Ленин.

– Отправился в гости к своей бабушке, – ответил Костя.

– Магазин уже закрылся.

– У меня триста баксов.

- А сколько стоит красивое платье?
- Я холостяк, - ответил на это Костя.
- Оно дороже пары брюк?
- Моих брюк наверняка намного дороже.
- Сколько заплатил за брюки?
- Я покупал их восемьдесят лет назад.
- Но в Советском Союзе нет инфляции, - заявил Ленин.
- Где этот магазин? - спросил Костя.

Они сделали несколько шагов и оказались на плохо освещённой площади, чем-то напоминавшей магазин, в котором купить нечего, кроме покосившегося фонарного столба.

- Я заблудился, - сообщил Ленин. Костя стал прихвливаться к воздуху, словно собака. - Можешь по запаху найти мой след? - спросил Ленин и тоже понюхал воздух; почувствовал запах тех дешёвых папирос, которые в Симбирске курил его отец. - Отец! - позвал он. - Отец!

- А где Лиля? - спросил Костя.

- Ждёт нас у магазина. Не может уйти от своего будущего платья. Ты её видел?

Костя опять понюхал воздух, сунул два пальца в рот и засвистел пронзительно и протяжно. Из ниоткуда донеслось эхо или ответный свист, и Костя снова зашагал, таща за собою Ленина. Навстречу им выскочила какая-то женщина с такой тревожно возбуждающей улыбкой, что тело Ленина чуть не выпрыгнуло из своей шестидесятивосьмилетней летаргии.

- Я её вижу, - ободряюще заметил Костя.

- Кого?

- Сколько девиц-то у вас?

Лилия была уже недалеко, и глаза ее сверкали от нетерпения. Казалось, они освещают улицу гораздо сильнее, чем уличные фонари и автомашины, внезапно возникающие и исчезающие в опустевшей стране. У Ленина даже сложилось впечатление, что в стране остался один-единственный автомобиль, который сбился с верного пути и ощупывает теперь разные части пространства, раскинувшегося перед ним.

- Дверь заперта, - с одобрением заметил Костя. - В Москве теперь слишком много воров». Затем он вытащил из голенища правого сапога отмычку и вставил ее в замочную скважину. Повернул ее по часовой стрелке, потом обратно, и дверь поддалась под нажимом ленинского плеча.

Они проникли в магазин гуськом, не будучи в силах нарушить правила, предписываемые посетителям Мавзолея. Их глаза довольно скоро освоились в полутьме, и они с изумлением обнаружили, что магазин внутри чем-то подсвечивается. Свет исходил из стеклянного саркофага, установленного в правом углу, неподалеку от кассы. Костя показал сапогом в сторону саркофага и направился к нему. И Ленин опять не узнал сам себя.

- Что вы здесь делаете? - спросил Костя, обращаясь к мумии.

– Продается, – прочитала Лиля.

– За сколько? – поинтересовался Ленин, вытягивая шею.

– Ценника нет, ответил Костя. – Это бесценно.

– Десять тысяч долларов, – продолжала читать Лиля. – Намеренно дешево, чтобы быстро сбыть.

– Стране нужна валюта, – проговорил Костя.

– Но это же макет, кукла. А размеры выдержаны? – Ленин растопырил пядь, положил ее на стекло и принялся обмерять мумию. – Сколько сантиметров у меня между большим пальцем и мизинцем? – забормотал он озадаченно. Затем приложил мизинец к кончикам пальцев ног, и повторил обмер; рука его скакала, как кузнечик.

– Вы-то больше, – заключил Костя, наблюдавший за скачками ленинских пальцев во время всей процедуры.

– В два раза больше, – гордо заявил Ленин.

– Значит, и в два раза дороже, – заметил Костя и, загнув несколько пальцев, сообщил победным тоном, – стало быть, теперь у нас двадцать тысяч и три сотни баксов.

– Но я – жив, – объявил Ленин и дернулся несколько раз подряд. – А жизнь стоит денег.

– Да ну? – буркнул Костя. Обернувшись, он посмотрел, что делает Лиля, и нечаянно пнул саркофаг, тем самым, приведя в движение встроенный музыкальный механизм, который тотчас же исполнил советский гимн и песню «Вихри враждебные».

Лиля бродила вдоль прилавков и постукивала по ним пальчиками, словно пытаясь обнаружить скрытые полости или щели, где могли быть спрятаны самые красивые платья, предназначенные для «особых – покупателей». Ее шагам вторили своим треньканьем и бряканьем бесчисленные бутылки водки.

– А вот и любимый мой ликерчик, – объявила она, побарабанив по бутылке «Амаретто».

– Все дамочки любят сладенькое, – пролебезил Костя. – Хочешь дамочку ублажить, откупоривай бутылочку ликера.

Ленин, обогнув по пути пару прилавков, стал доставать бутылку «Амаретто» и невольно отпрянул, увидав неожиданно открывшегося его взору деревянного Дзержинского, засучившего деревянными ногами по стене. По дороге к Ленину тело Дзержинского открылось, и из него вылез еще один Дзержинский, но поменьше и подешевле. Второй в свою очередь открылся и выпустил третьего Дзержинского.

– Теперь в продаже любые матрешки, – пояснил Костя. – В виде Сталина, Бери, Брежнева, Андропова, Хрущева, Горбачева...

– Где Сталин? – спросил Ленин.

– Вон там, – ответил Костя и запустил монету в сторону еще одного стеклянного саркофага, в котором похрапывая и невнятно бормоча, возлежало тело Сталина.

– Что он сказал? О чем он говорит? – стал спрашивать Ленин, пятась к выходу.

– Что-то по-грузински лопочет, – ответил, сокрушенно вздыхая, Костя.

– А что он здесь делает?

– Пятьдесят тысяч долларов, – с восхищением в голосе прочитала Лиля. Она погладила саркофаг, и сталинские черты сложились в счастливую, почти невинную улыбку.

– Почему он такой дорогой? – спросил Ленин, наткнувшись на радиатор, что исполнял песню «Сметем их начисто».

– Он был генералиссимус. И знался с Рузвельтом и Черчиллем.

– А я был знаком с Бернардом Шоу. Он верил в эволюцию людей, в биологический метаморфоз человеческой природы. «Мы должны человека заменить сверхчеловеком, – говорил он мне. – Единственно возможный путь к социализму лежит через социализацию селективного взращивания человека. Мы должны уничтожить иеху». И я ему обещал уничтожить раз и навсегда всех мужланов. «В деле эволюции людей я больше полагаюсь на наши идеи, чем на пилюли или уколы, – сказал я ему. – Образ наших мыслей изменит и нашу сперму». – И мы вместе посмеялись над этой шуткой. «Во всяком случае, раз уж все мужики-иеху будут уничтожены как класс, на земле не останется никого, кроме Гулливеров». – И мы опять рассмеялись.

Сталин продолжал храпеть и бормотать.

– Этот уколошил немало. Гуливеров, – произнес Костя, кивнув в его сторону и погрозив ему пальцем.

– Я его куплю, – заявил Ленин. – Продав трех Лениных, мы сможем купить одного Сталина.

– Для чего он нам?

– Для того, чтобы я смог отомстить ему и ещё спросить, куда он девал моего сына.

– У вас был сын?

– Думаю – да. У каждого есть сын. Или дочь.

– Тебе нравится? – спросила Лиля, раскладывая платье на сталинском саркофаге. Сталин глубоко вздохнул и закашлялся.

– Мне нравится, – сказал Костя. Он стрёб платье с саркофага и присел на краешек прилавка. – Всю жизнь завидовал женщинам, – продолжал он. – Примерьте! – он отдал платье Лиле и обернулся к Ленину, чья тень скользила по потолку. – А свадебное платье вы ей купили?

Тень Ленина сползла на стену и закрыла Дзержинского с его двойниками, выстроившимися боевым порядком около блока Питера Стайвэсэнта.

– Свадебное платье? – и Ленин опёрся о прилавок, на котором Лиля разложила свою юбку.

– Боюсь, что вам придётся удовлетвориться гражданским бракосочетанием, – Костя снял со стены икону и подул на лик Св. Луки. – Ну и пылища здесь, – проворчал он.

– Не суйся не в свое дело – сказал Ленин.

Костя кинул икону в пластиковый пакет и слез с прилавка.

– Ну, как я выгляжу? – спросила Лиля. Она, облачённая в обновку, сделала пируэт перед Лениным и Костей, и её чёрные волосы вихрем вскружились у их лиц.

– Великолепно! Великолепно!

– Что он сказал?

– Фантастика! – перевёл Костя. – А сколько сейчас времени? – он, зевая, потянулся так, что пластиковый пакет закачался на его скрюченных пальцах.

– Подбери себе ещё юбку и блузку, – посоветовал Ленин.

Костя тем временем пробивался сквозь водоворот из поясочков и вскоре вынырнул из него с тремя битком, набитыми пакетами.

– Ты даже не снял с неё мерку, – проговорил укоризненно Ленин.

– Пойдёмте.

– Неважно, – сказала Лиля, чмокая Костю в небритый подбородок и волосатую грудь. – Я умею худеть за несколько часов.

– И у вас ещё будет икона, – проговорил Костя, продолжая зевать. – Пошли.

Они вышли из магазина и услышали шум, который напомнил Косте парады на Красной площади и советское вторжение в Будапешт и Прагу. «Что это? – спросил Ленин. Ничто вокруг не двигалось; дома и церкви вроде бы не собирались сниматься со своих мест и перемещаться в другие районы города, которые могли оказаться еще более беззащитными, еще менее соответствующими требованиям гигиены. «Полиция? Враг?» Ленин глянул вниз; на тротуаре не оказалось канализационных люков, а единственный булыжник, валявшийся под ногами, был маловат даже для того, чтобы прибить самого младшего члена императорского семейства. «Прибью хоть их собаку», – подумал Ленин и, подобрав камень, сунул себе в рот, дабы убедиться в его твёрдости и неподдельности.

– Это не милиция, – сказал Костя. – Это обитатели будущего. Они пришли к нам из будущего. Неужели не видите?

Из темноты к ним приближались три инвалидные коляски. Моторы так сильно трещали, что Ленин, желая держаться подальше от будущего, заткнул уши пальцами.

– Раньше вы любили будущее, – ухмыляясь, проговорил Костя. – Не отослать ли нам молодницу домой? Я поймаю такси. Ждите меня здесь.

– До завтра, – сказала Лиля, протягивая руку. – Не забудь, что мы приглашены на обед. У меня друзья – известные интеллектуалы. Знаменитая московская элита.

Ленин вынул камень из-за щеки, поцеловал Лиле ручку и помог ей сесть в такси: как только Костя захлопнул дверцу, такси умчалось, исчезло из виду. А облако пыли, взвитое им, накрыло звезды, как бы завернув их в толстую оберточную бумагу.

– Не будьте с ними суровы, – сказал Костя, прикасаясь ладонью к ленинской щеке. – Они славные и несчастные. Их будущее очень неопределённо. Они могут остаться не рождёнными всю остальную жизнь. В течение многих и многих лет. Целую вечность.

– Да кто они?

– Дети будущего.

Ленин взглянул на инвалидные коляски и, наконец, рассмотрел сидящие в них существа. У каждого было лишь по одному уху и глазу. А руки были в два раза крупнее обычных человеческих.

– Почему они такие большие? – спросил – он, указывая на эти руки.

– Ну, ну, вы же не Красная Шапочка, – отвечал Костя, поглаживая Ленина по щеке. – Они, небось, вкалывали много веков. Строили, плотины и

электростанции, поднимали «целину». А может быть, отрастили мышцы в борьбе с врагами, мутантами из научно-фантастических романов.

– Ваш следующий вопрос, полагаю, будет об их ушах и глазах, – вступил в беседу Томас Мор, неслышно появившийся из-за фонарного столба; он снял Костину длань с ленинской щеки. – Если так часто будете ласково гладить его по щекам, он никогда не почувствует свою ответственность за все зверства, совершённые в двадцатом столетии. Ведь он же истинный отец сих нерожденных отроков.

Костя отдал мутантам триста долларов.

– Могут вам пригодиться. Здесь, на Земле.

Мутанты согласно закивали и запихали доллары в рот.

– Не пригодятся, – возразил Ленин.

– Кто же не знает, что обман и воровство, наветы и ссоры, скандалы и склоки, подпольщина и убийства, предательства и отравления отомрут с уничтожением денег? Кто же не знает, что страх и беспокойство, заботы и заблуждения, бессонные ночи – всё это исчезнет вместе с деньгами? Я об этом писал ещё в шестнадцатом веке. Надо прожить, по меньшей мере, тысячу лет, чтоб осознать – количество зла постоянно в миру, и никакими земными законами, никаким вмешательством внеземных воителей его не преуменьшить. Мы погибли бы, не будь на земле микробов, бактерий.

– Капитализм – вот тот микроб, от которого в нашем мире и возник рак. Убив микроба, мы исцелимся от болезни, – заявил Ленин. – И если эта наша болезнь называется Земля, то взорвём её и переместимся на другую, более счастливую, планету.

– А вы когда-нибудь ощущали пульс Земли? – и Томас Мор, присев на корточки, прижал ладони к асфальту. – Когда-нибудь читали о гипотезе «Гея»?

– Зло присуще всему живому, – сообщил Ленин. – Только мёртвый может быть добрым. Лишь прах можно принять как *prima materia*.

– Прах к праху, – сказал Томас Мор. – Вы посмотрите на этих гостей из будущего! У них одно ухо, потому что их интересуют лишь немногие звуки. На самом деле, для удовлетворения их потребностей им хватило бы и пол-уха; я уверен, что через тысячу столетий они утратят ненужную половину. Так же обстоит дело и с их глазами, мозгом и сердцем. У них нет ни половых органов, ни полового инстинкта. Они воспроизводятся клеточным делением и никогда не умрут, продолжая жить в своих потомках. Они ничем не различаются и могут слиться в единую массу через две тысячи столетий.

– Бессмертные, – пробормотал Ленин. – Вечно живые. И, наконец, единые. Масса становится единым человеком, единым существом.

– Однопартийная система, – воскликнул Костя, выбросив руку вверх.

– Итак, я был прав, – сказал Ленин, разевая рот столь широко, что Костя, словно заразившись, опять раззевался и вынужден был просить за это прощения у Томаса Мора, которого он принял за высокопоставленного чиновника в хитрой иерархии Потусторонки.

Коляски развернулись. Томас Мор поднялся на ноги. «Будущее, олицетворяемое подобными существами, не неизбежно. Просто возможно. Сейчас у него много путей реализации. Оно ветвится по всем направлениям, создавая сложную сеть возможностей, каждая из которых может развиваться или затухать со временем.

И Томас Мор отправился в будущее, вслед за инвалидными колясками, остановившимися уже на перекрёстке перед красным светом.

– Будущее это прямая линия на чёрной вечности! – закричал Ленин. – Но на нашем пути вдоль этой прямой мы – в зависимости от обстоятельств – можем сворачивать направо или налево. Мы можем выписывать зигзаги и даже двигаться по кругу на школьной доске истории. Стратегия коммунистических партий должна быть как можно более гибкой. Они должны научиться применять все методы ведения борьбы от вооружённого восстания до использования самых реакционных тред-юнионов и парламентов. Должны умело сочетать легальную и подпольную работу. Должны уметь и бесстрашно бросаться в атаку, и организованно отступать, маневрировать и вступать в компромиссы с самим Дьяволом и его бабкой.

Сквозь туман и кисею дождя было видно, что на перекрёстке включился зелёный свет, но гости из будущего и прошлого не сдвинулись с места, не желая, наверное, покидать настоящее. Костя вытащил из водосточного жёлоба зонтик, раскрыл его, и дождь немедленно прекратился. Туман рассеялся, и на горизонте показалось свежевыкрашенное солнышко.

Опять возник шум, похожий на тот, что издавали инвалидные коляски; исходил он из-за церкви, возвышавшейся над улицей, как свидетель обвинения. Два реактивных самолёта зловеще проревели над крышами домов и исчезли в облаке, напоминая гриб. Мостовая оживилась. Издали от тротуара рванул автомобиль, пронёсся на полной скорости почти километр и бампером сбил Томаса Мора. Седоки инвалидных колясок покорились соблазну странствований во времени и нырнули в будущее.

– Массы трудящихся с нами, – продолжал Ленин, – и в этом источник непобедимости мирового коммунизма»,

Пооткрывались дюжины дверей в домах и тысячи людей высыпали на улицу; они были абсолютно нагие и пристально вглядывались в будущее.

– Несмотря на голод и холод, крестьяне и рабочие объединились, их силы возросли, и они сторицею воздадут за каждый жестокий удар, крепя свою мощь больше, чем когда бы то ни было, и, наращивая свой экономический потенциал!

Голые взялись за руки и запели тихими голосами:

*Друг друга за руки держа,
Мы маршируем плотным строем
По узкой и крутой тропе.
Со всех сторон нас окружают*

Враги, враги, враги, враги...

Мы под обстрелом постоянно.

Друзья погибли наши все.

Красный свет горел почти час.

— Сталоне бы их разом укокошил, — заметил Костя.

Около 8 утра Ленин обложился книгами: воспоминание о том, что ему предстояло, удержало его мозг от ненужных изворотов и выкрутасов. Лиля же говорила ему, что ее друзья – «известные интеллектуалы», а ему не хотелось ударить в грязь лицом, дискутируя на философские темы, которые наверняка будут затронуты во время званого обеда. Посему он встал со своей кушетки, на коей незадолго перед тем продирался сквозь десятки ночных кошмаров, и обратился к находившейся неподалеку энциклопедии. Выбрал последний том, надеясь найти в нём статью о современной молодёжи, но разочарованно закрыл его, лишь бегло ознакомившись с биографией Вудро Вильсона.

Что из себя представляют эти молодые люди? Как они одеваются? Прикинув к окну, он стал внимательно наблюдать, как ведут себя два студента, что переходили улицу, направляясь к автобусной остановке. О чём они думают? Жаль, что не могу узреть их мозги. Их головы для меня словно непроницаемые тюрьмы. Между прочим, при жизни я так много работал, что за сосредоточенность Сталин прозвал мою голову «концентрационным лагерем».

Он откинул крышку одной из ближайших полок и из неё беспорядочно посыпались книги, раскрываясь при падении и трепеща страницами, как крыльями. Прямо перед его взором оказался разворот научного журнала, и Ленин не замедлил погрузиться в описания аргументов, что Эйнштейн противопоставил толкованию Бором квантовой теории. Его пленили те слова, которые Эйнштейн произнёс в пылу спора: «Бог не играет в кости».

Ленин чётко представлял себе, что мир был сотворён в соответствии с принципами марксизма, не допускающими никаких импровизаций и неопределенностей; кроме того, он вообще с подозрением относился к играм случая, ибо благодаря именно одной из таких игр еще в начале столетия он потерял огромное количество твердой валюты во французском казино.

– В борьбе за власть и руководящую роль в обществе у пролетариата нет иного оружия, кроме организации», – нацарапал он в своём блокноте, непосредственно под предложением «Я люблю тебя». «Бор утверждает, что на любое событие воздействует вся вселенная, и потому оно не может быть заранее предсказано. Его теория точна, покуда она касается данного положения дел, но она окажется совершенно неудовлетворительной, когда победа всемирной революции позволит нам установить наши законы не только в солнечной системе, но и на далёких звёздах. Любое событие станет предсказуемым, и за ним заботливо будут следить члены нашего Центрального Комитета. Я согласен с Эйнштейном и Лейбницем: «предуготовленная гармония – существует, и на ней основано счастье грядущих поколений».

Он закончил статью и озаглавил её «Окончательная Победа Коммунизма». Перевернув страницу, он приступил к статье «Наша Тайная Полиция»:

– При существующих обстоятельствах мы должны отвергнуть теорию Бора и поддержать Эйнштейна, который никогда не соглашался с «нелокальными связями». И действительно, наличие таковых привело бы к вмешательству иностранцев и внеземных туристов во внутренние дела нашей страны. С другой стороны, мы преступим пределы «локальных связей – с помощью сети тайных агентов...

В этот момент во внутренние дела его вдохновения вмешался донесшийся извне звон будильника. Ленин на цыпочках подкрался к двери и ухом приник к замочной скважине: он полагался на слух больше, чем на зрение. Они знают, где он? Кто донес им о его внезапном желании провести ночь в библиотеке? Бог, должно быть, прослушивает его жизнь с помощью микрофонов, спрятанных в стенах и светильниках. И члены Его ЦК шлют ему телеграммы...

Он прижал палец к губам, словно стараясь заставить умолкнуть свою неукротимую душу, и на цыпочках отправился к креслу. Но не сел в него, побоявшись случайным скрипом пружин обнаружить себя.

Керенский удирал из Зимнего дворца на автомобиле, позаимствованном в американском посольстве. Он одолжил и американский флаг, дабы обеспечить себе безопасность внутри России. А что, если и я позвоню в американское посольство? Я ведь намного значительней и известней, чем Керенский и Временное правительство, которое он возглавлял. Они обязаны предоставить мне машину и флаг. И шофёра.

Ленин натянул брюки, распахнул дверь, и торжественной походкой в комнату вошла Лиля; волосы её летели сзади, словно не поспевая за головой.

– Надевай рубашку! Мы опаздываем на обед! А нам ещё надо купить бутылку водки и баночку икры. У тебя сохранились те двести долларов? – Ленин вывернул все свои карманы и нашёл лишь расчёску, которая потерялась в 1897 году. – И за подкладкой нет? Где тут телефон? – Ленин принялся бесцельно бродить по библиотеке; вскоре он наткнулся на телефонный справочник, многие страницы которого, как оказалось, были склеены вместе то ли правительственным цензором, то ли офицером КГБ. Ленин вырвал несколько страниц и нашел номер американского посольства, подчеркнутый синими и красными чернилами. – Принесем им бутылку лимонада, – смирившись, сказала Лиля.

Когда они сошли с лестницы, ступени которой были выщерблены, как края стакана какого-нибудь забулдыги, сразу два такси подкатило к дому. «Моя очередь! – гуднул один из таксистов. Другой молча кивнул и укатил.

Улицы Москвы казались на сей раз длиннее, чем обычно, и Лиля, стараясь сократить путь, покрикивала на водителя. «Вас что – парализовало?» Наконец она умолкла, и они вышли из машины. Потом купили бутылку лимонада и вошли в парадное пятиэтажного дома, где их терпеливо дожидался запах мочи. Он сопровождал их по пути вверх и даже попытался проникнуть за порог квартиры, где уже собрались все Лилины друзья. «Поколение молодых, – подумывал Ленин, причмокивая. – Они проживут достаточно долго и донесут мои идеи даже до Юпитера. А дети их до»...

– Что-то не похож, – произнес хозяин квартиры, оставив дверь открытой, словно хотел, чтобы самозванец немедленно удалился. – Это какой-то скверный актер или кукла, сделанная одним из потомков Копелиуса.

– Это Ленин, – сказала Лиля. – Как бы выглядел ты, если б родился больше ста лет назад?

– Входите, – проговорил хозяин. – А думает он, как тот?

– Он не говорит, но много пишет. Хочешь взглянуть на его блокноты? Сам убедишься. – Она открыла свою сумочку и извлекла из нее пару записных книжек.

На кого она работает? На Бога? Бог в роли свата? Они читают мои записные тетради. На прошлой неделе я записал: «Надо стремиться взять неприятеля врасплох, когда войска его рассредоточены». Теперь неприятель сосредотачивает свои силы на Красной площади, перед Мавзолеем. К счастью, я понял его злобные намерения и попросил таксиста доставить меня в библиотеку, а не в Мавзолей. Я вновь надул его.

– Ты на самом деле его любишь? – спросил мужчина, возлежащий на полу.

– Люблю, потому что великим людям присуща некоторая аура, своего рода ореол, даже если они и преступники. И в потоках их энергии можно купаться.

– В самом деле?

– Вы же ничего не делаете, а только говорите, говорите и говорите...

– Можешь купаться в моём потоке сознания, – предложил другой молодой человек, развалившийся в кресле-качалке.

– Предпочитаю его Чёрное море, – ответила Лиля, подталкивая Ленина к гостинной.

– Его энергия была куда мрачнее, чем Чёрное море, когда бора дует. Присаживайтесь.

– Назови её тогда океаном, лиловым океаном, – с улыбкой предложила Лиля. Ленин уселся на диван и принялся взглядом сверлить лоб молодого человека, оказавшегося напротив него. Стремясь уберечь свои мозги от травмы, тот поспешил удовлетворить ленинское любопытство и выложил карты на стол.

– Во всём, что он написал или сделал, поражает энергия и тупость, – заявил он бесстрашно, но без вызова. – Прошлой осенью я посетил его музей – как раз перед тем, как его закрыли навсегда. Идеи его и манера их выражения настолько примитивны и вульгарны...

– Он был народным вождём! – выкрикнул кто-то из другой комнаты. Ленин обернулся. – Массы не понимают Аристотеля и Ницше.

– Дело в том, что он не знал, что глуп. Мы все иногда городим глупости. Известная доля глупости необходима в любовной игре и в светской болтовне. Но мы-то делаем это с определённой целью, намеренно. А он – спонтанно. Мы осознаём это. Он не осознавал. Мы частенько выдаём себя улыбкой или ироничным тоном. С ним этого никогда не случалось. Ему нечего было выдавать. Только глупец может наэлектризовать толпу, ибо совершенно верит в то, что говорит. Он обладал неотразимой силой убеждения.

– Мой одноклассник, страстный любитель Пруста, – сказала Лиля. Ленину не хотелось признаваться, что никогда в жизни не слышал имени Пруста, но глаза его выдали.

– Ты не читал «A la recherche du temps perdu?» Алеша, Алеша, когда он умер?

– Кто? Ленин?

– Пруст! Пруст!

– За полтора года до Ленина.

– Уж лучше бы Пруст оказался у меня в гостях, – произнес хозяин.

Ленин открыл блокнот и написал в нем: «Я тоже – в поисках утраченного времени».

Алеша встал, снял с полки «Le temps retrouvé» и вышвырнул в окно. Сей его поступок приветствовался громкими аплодисментами.

– Пусть свершит это! Пусть! Пусть возвратится в прошлое и отыщет, что мы утратили. Он может! Потому что когда-то это все и натворил. Существует же эманация действия. И только он может переделать то, что наделал. Поднимет мёртвых из могил, и они придут к нам. И будут говорить с нами. И будут жить среди нас.

– Но он же не Иисус Христос!

– Аки ласка убитая вновь оживает, согретая дыханием и плачем матери своей. И львы так же тёплым дыханием оживляют детёнышей своих...

– Ему понадобится пепел феникса и сброшенная змеиная кожа...

– И это не так уж и абсурдно, как может показаться, – сказал хозяин. – Мы читали, что Тиндарей, Геркулес и Палес восстали из мёртвых. Главка оживили с помощью снадобья, в котором было много мёда.

Поклонник мертвецов возбуждённо закивал и заломил руки в невыразимом экстазе.

– Мы не можем жить без умерших. Без них так трудно ходить и дышать. И думать без их мыслей.

– Он прав. Лучше населить мир гениями – Платонами, Фёдоровыми, Хайдеггерами, – чем жить среди посредственностей.

– И трава была зеленее раньше, по ту сторону Времени.

– А я могу жить без Ленина! – выкрикнул кто-то из соседней комнаты.

– Да мы и не собираемся его воскрешать, – сказал Алёша. – Мне кажется, что он себя и не захочет воскрешать.

– Случись подобное, мы бы его прибили или сослали бы к чертям – в «Архипелаг ГУЛАГ».

– И Гитлера, и Сталина придушили бы еще в родильном доме.

– А матерей их пощадили бы? А отцов?

– Воскресив Гумелева и Мандельштама, он, в отчаянии от содеянного, сам бы пустил себе пулю в лоб...

– А вы видели американский фильм «Общество мертвых поэтов»? Жуть! Эти американские фильмы...

– Да само кино уже мертво теперь пора уже создавать «Общество мертвых фильмов».

– Или «Общество мертвого искусства».

– Или «Общество мертвого мира».

– Мир умер в семидесятых, в середине семидесятых годов. И не понадобилось для того ни атомных, ни водородных бомб.

– Ничего не происходит, кроме межнациональных распрей.

– Согреть ли нам своим дыханием сей мертвый мир? Ведь жить совсем без мира – тяжело.

Из соседней комнаты, не нарушая общей беседы, вышли двое мужчин и безмолвно присоединились к компании.

– Недавно в университетском лифте я слышал разговор двух студентов. Они толковали о видиках, плэйерах и, конечно, о деньгах. Лет десять назад они бы говорили о математике или о женщинах.

– И поэзию теперь никто не читает. Никто уж поэтам не покупает ни икру, ни коньяк.

– Да нынче и поэты перевелись. Все они стали водителями и кружат по городу в поисках врагов общественного транспорта.

– Но без искусства свобода – ничто.

– Уж не попросить ли нам Ленина загнать нас вновь в подполье, где мы и создавали свои шедевры и читали Борхеса, а не Дафну дю Морье? На свежем воздухе что-то неймётся нашим умам.

– Нам было много лучше в тюрьмах и психушках.

– Моя мама рассказывала мне об одной женщине, которая спала с какой-то мумией, забеременела от неё и родила ребёнка – девочку, – сказала Нина.

– Вы его не боитесь? – спросила Наташа. Лиля пожала плечами.

– Он же влюблён в меня.

– Yet each man kills the thing he loves, – процитировал хозяин квартиры. – Убьет без вздоха сожаления. Ленин никогда не вздыхал.

– Но и не любил никогда. Убивал то, что ненавидел. А ненавидел он всех, – проговорил Алёша, сокрушённо вздохнув.

Ленин встал и заковылял к окну, опустив очи долу. Губы у него дрожали.

– У него, же сифилис, – сообщила Лола. – Будьте осторожны, ma chere.

– Семьдесят лет смерти, по всей видимости, излечили его, – сказал Алёша.

– А смерть – разве лекарство? – спросил поклонник Пруста.

– Снотворное, – отвечал хозяин.

– И болеутоляющее, – добавил любитель психушек.

– Мой муж провёл всю ночь в библиотеке, – сказала Лиля. – Он думал, что мы будем беседовать на философские темы, и хотел принять участие в дискуссии.

– Так, вы женаты? Поздравляю! – вскричал Алёша.

– Его философские книги были образчиками китча. И некоторые пассажи из них мы обязаны были знать наизусть. «Чтобы вывести из кризиса точные науки,

в частности – физику, необходимо применять единственно верный метод и пользоваться единственно верным учением – диалектическим материализмом. Современная физика сама порождает диалектический материализм.

– Мертворождённое дитя, – заметил любитель мертвецов.

Ленин взял бумажную салфетку и написал на ней: «Ограниченность наших представлений об объективной абсолютной истине исторически обусловлена, но само существование сей истины не ограничено никакими условиями и то, что мы приближаемся к ней неуклонно также совершенно, безусловно». Он возложил салфетку на банку с печенью трески и провёл изучающим взглядом по лицам своих оппонентов.

Некоторые из гостей склонились над салфеткой, остальные же продолжали болтать, лобызаться и разоблачаться в разных углах всех трёх комнат и довольно большой кухни.

– Скорее уж мы удаляемся от сей истины, – заговорил тот, что сидел прежде на полу. – Ведь наши предки у себя на кухне варили облака, из дождевой воды коктейли распивали. И молнии ковали в своих кузницах. В их горницах ведь запросто бывали боги, поигрывали с ними в кости.

– Нет, Ленин прав, – возразил любитель мертвецов. – Мы учимся постигать деяния Божьи. И с каждой секундой мы всё больше приближаемся к Нему. Сама история ведет нас к Нему. И в этом предназначение нашего исторического развития. Иначе всё было бы бессмысленно и даже пагубно. Иначе – я бы покончил с собой.

Неспешно и лениво в комнату вошли трое мужчин и одна женщина; склонившись над столом, Ленин выписывал очередную истину на бумажной салфетке.

– Кто это? – спросил один из них.

– Кого-то он напоминает мне, – заметил второй.

– Это же Ленин. Я сразу узнала его, – сказала женщина.

– Я же вам вчера об этом говорил, – напомнил хозяин квартиры.

– А что, если я ему дам пощёчину? Всю жизнь мечтал – с тех пор, как увидел его портрет в учебнике истории.

– Разрешаю, – сказала Лиля, – но только не сделай ему больно.

– Разве можно сделать больно мумии? Но какой смысл хлестать его по мордасам? Это надо было делать сто лет назад.

– Поехали в Санкт-Петербург, – предложила женщина.

– Зачем?

– Возьмём Зимний. Там есть несколько картин, которые я бы с удовольствием повесила у себя на даче. А он сыграет роль вождя.

– Вы не против состряпать ещё один переворот? – спросил хозяин.

Ленин закивал и опять стал строчить: «Совместные действия флота, рабочих и армии. Захватить и удержать любой ценой: а) телефонные узлы; б) главный телеграф; в) железнодорожные вокзалы; и, прежде всего, д) мосты».

– Когда отправляемся из Москвы?

– Нынче же ночью. «Красной Стрелой».

– Нет, не сегодня. Я устала. И Коля беспробудно пьян. А без Коли нам Зимний не взять.

Ленин склонился над новой салфеткой. «Каменев, Зиновьев, Троцкий и некоторые их приверженцы сделали всё, чтобы расстроить план восстания. Троцкий, например, предлагал не начинать до открытия Второго Съезда Советов. Я заклеил их всех как предателей. Дождаться съезда было полным идиотизмом».

– Зачем так далеко ехать – в Санкт-Петербург! Мы можем штурмом взять квартиру моего соседа, – предложил хозяин. – У него есть такие иконы..

– Отключаем его факс и захватываем ванную и спальню! А жена у него хорошенькая?

– А дочка есть?

– А сын?

– И сколько времени все это займет? – спросила Лиля.

– Победа революции в России и успех мировой революции полностью зависят от двух-трех дней сражений, – написал Ленин.

Но тут Лилия выхватила стопку салфеток из-под его руки, вскочила на ноги и возбужденно заговорила.

– Но завтра мы приглашены на чай к моей бабушке! Неужели нельзя подождать до послезавтра?

– До сих пор кто-то ещё приглашает родных и знакомых на чай! – воскликнул Алёша. – Разве не удивительно? После семидесяти пяти лет коммунизма!

– История подобную отсрочку не простит тем революционерам, которые могли бы победить сегодня (а они наверняка сегодня победят), но сильно рискуют проиграть завтра. Они рискуют потерять всё! – написал Ленин прямо на скатерти.

– Что же ты делаешь?! – возмущённо завопила хозяйка, заколотив кулачками по ленинской спине. – Это же дамасская скатерть, доставшаяся в наследство от деда!

– Можешь загнать её как революционный сувенир, – сказал поклонник психушек, задумчиво поигрывая пуговками на рубашке и пряжкой ремня своего приятеля.

Кому-то уже наскучили ленинские повторы, и, разочаровавшись, пятеро мужчин вышли из комнаты и присоединились к трём женщинам в прихожей.

– История упряма и страдает узостью мышления, – проговорил хозяин. – Одни и те же слова звучат вновь и вновь. Мы разве и по сей день живём в джунглях и едим кокосовые орехи?

– Ведь в жизни не так много главных тем, – заметил поклонник Борхеса. – И существенны лишь вариации на эти темы.

– Жизнь – не более как вариация на тему смерти, – произнёс, улыбаясь, любитель Беккета.

– И Лениных в нашем мире немало. И они всё хватаются за орудийные затворы, влезают на бочки, автомобили, рояли и простирают свои указующие

длани к помойкам. И их последователи, выпростав головы из навозной мрази, ползут в едином направлении. И молодые Гитлеры со своими палитрами кружат среди нас и многозначительно подмигивают, поглядывая в сторону батальона Сталиных. Недавно я написал стихотворение, где прошлогодний путч рассматривается с новой точки зрения. Я сейчас прочитаю его в память о наших *soirees poetiques*, упокой их Господи.

Хозяин встал, и смех в соседней комнате замер.

ПУТЧ ДЕВЯТНАДЦАТОГО АВГУСТА

*Опять. Ещё раз. История ненасытна
И вовсе не горазда на выдумку:
Танки, глупые рожи...
История на себя похожа.*

*Скажи на милость, у кого же
Переняла доктрину вечного возвращения?
Вращалась ли в кругу Пифагора
Или за Ницше ходила тенью?
Зачем же смеёшься над нами,
Над нашими детскими мечтами?
Почему ж до сих пор не устала
Создавать концы без начала?
В, Граде Божьем милосердию не вняла?
У кого же ты на поводу?
И тираны, и кретины, и зловещие сны
Здесь живут, а не в Аду,
Не в мрачном стольном граде Сатаны?!*

*Почему ж до сих пор не напилась
Нашей кровью допьяна? Как шалая
Ты шатаешься по России, туда-сюда.
Втаптывая в грязь реликвии, имена,
Растирая в порошок кости.
Мы тебя не приглашали в гости.
Убирайся, история, восвояси!
Дай передохнуть!*

– Иные из них и живут в Аду, но ведь существует и еженедельный авиарейс из Града Сатаны в Москву.

– И постоянная радиосвязь с ними. Ежечасно.

– А их приверженцы возлагают к ним на могилы цветы.

– Вчера я гуляла у кремлевской стены и сама видела свежий букет роз на могиле Сталина, – заметила Лиля.

– История преследует нас. Ведь она – собака Баскервильей.

– Но сейчас дала нам передохнуть.

– Неужели?

– Малларме полагал, что мир существует лишь для того, чтобы снабжать нас материалом для наших книг, стихов.

– Та же идея высказывается в Книге VIII «Одиссеи». В жизни немного идей.

– Стало быть. Августовский путч и разразился во благо твоему поэтическому воображению.

– Во время путча погибли трое, – снова садясь, заметил хозяин.

– В Революции погибли только двое, – написал Ленин на окне.

– Революция стала вдохновителем огромного количества стихов.

– А сколько стихов из-за неё зачахло в зачаточном состоянии?

– И наши жизни зачахли в зачатке из-за неё, – проговорил поклонник Беккета. – И мы на четвереньках расползались во все стороны, и голову не поднимая из грязи.

– А разве не ползли мы в сторону Соединённых Штатов? спросил Алеша. – Все мы? В одном направлении?

– Да мы уже – в Соединённых Штатах!

– И сколько же у нас супермаркетов?

– Мой парижский друг ходит в супермаркет только за туалетной бумагой.

– Никогда не жить нам в Париже, – загоревал поклонник Пруста и Короля Лира. – Never, never, never, never, never.

– Despair, despair, despair, despair, – вторил ему поклонник Хопкинса.

– Я некоторое время жил в Париже, – начертал Ленин на оконном стекле.

– Принимал активное участие в работе большевистской группы города, читал лекции в Пролетарском клубе, послал письменное обращение к участникам митинга политических беженцев. Вскоре после моего прибытия туда, состоялся Пятый съезд РСДРП, и как главный докладчик на съезде...

Все время Ленин внимательно следил за философской дискуссией, которая была основной опорой party, и принимал в ней участие с пылом молодого революционера. Он не пропускал ни единого слова и был непримирим с теми, кто не решился нанести завершающий удар общему врагу, кто мешал и тем самым подмачивал репутацию Партии.

Внезапно он перестал воспринимать обсуждающиеся идеи. Его внимание сосредоточилось на Лиле, чья преданность оказалась теперь под вопросом из-за некоторых ее поступков и замечаний. Его сознание на тысячу тончайших долек разделило ее душу; в одной из долек обнаружился образ Андрей Петровича.

Тем временем остальная часть сознания Ленина была озабочена щелями, то есть лазейками. Эта-то «беговая» – часть уже наполовину заполнилась «беговыми» – идеями, из кучи которых высывалось и словечко «сортир».

Чем быстрее я смоюсь, тем лучше. Они-то думают, что я с почтением отнесусь к этому многовековому русскому обычаю – торчать в гостях до рассвета, постепенно напиваясь и неизменно возражая против всех доводов оппонентов. Но я уйду до полуночи. Какой теперь смысл штурмовать Зимний? Ведь столица-то давно уже в Москве.

Довольно скоро представилась и возможность уйти «по-английски»: Лиля, прихватив свою сумочку, направилась в прихожую. Ленин догнал её; обменявшись выразительными жестами и то и дело подталкивая друг друга, они оказались на улице. «Ну, в чём дело? Что тебе не понравилось?», спросила Лиля. Луна присоединила их к угрюмому городскому пейзажу. Несущееся мимо такси вильнуло к их силуэтам.

Как переодетый полицейский шпик, луна преследовала их вдоль всей улицы. На перекрёстке Ленин выскочил из такси и метнулся к дверям ресторана, недалеко от которого светился красный глаз светофора. Он ещё слышал Лилины крики, но всё его внимание уже сконцентрировалось на том вышибале или сутенёре, что преградил ему путь к сортиру – заветному месту высочайшей стратегической важности. Он представил себе маленькое окошко, а за ним двор и тропинку, ведущую к свободе, а может быть, и к коммунизму.

– Ресторан закрыт, – сказал вышибала или сутенёр, но дверь сортира распахнулась и оттуда с независимым видом вышла женщина. «Ей не удалось», – подумал Ленин.

Со стоном женщина упала на гардеробщика, и тому ничего не оставалось, как привалиться спиной к барьеру, отделявшему гардероб от холла, и пребывать в сей неудобной позе целых пять минут; вышибала немного попятился и боком ударился о колонну; швейцар проговорил: «Добро пожаловать, Владимир Ильич», – и угодливо изогнулся по направлению к обеденному залу. Единым махом Ленин оказался в дверном проёме сортира.

Он сразу вляпался в какой-то поток и пересёк его под аккомпанемент ругательств, исходящих из-за огромного пятна. Тех, кто изощрённо матерился, было не видно, и казалось, что бранные слова рождаются либо самим пятном, либо потоком. На окне болталось тело серо-полосатого кота, попытавшегося, видно, проникнуть в законное пространство в поисках пищи. От сквозняка кошачье тело раскачивалось и грозило в любую минуту свалиться Ленину на голову, пока тот стоял или вышагивал, обдумывая, что же делать.

Ленин на цыпочках вышел из сортира и, наступая на чашки и тарелки поплелся по длинному и узкому проходу, заросшему плющом и мохом. Наткнувшись на вишнёвый ствол, он приостановился и услышал, как вдали рубят топорами. Задев за ноги, выскочила крыса, и он подпрыгнул, вырвав комья глины, прилипшие к подошвам. «Ведь в ресторане полно кошек, – подумал он, пытаюсь нащупать хоть одну кошку в темноте. – Неужели все они подышают под потолком? И он снова подпрыгнул, но ничего так и не нащупал. – Почему же они не жрут этих крыс? Пока повсюду шныряют крысы, не следует убивать кошек. Хотя бы – не вешать их».

Проход привёл к заднему двору, заваленному гробами и обломками устарелых механизмов. Чтобы передохнуть, Ленин уселся на пень; тот напоминал злокачественную опухоль, вызревшую в самом теле двора. Орудя как рычагом раздвоенной железкой, найденной в останках рулевой рубки, он попытался приподнять крышку старенького гроба, того, что был поближе, – просто, чтобы убедиться, что он не пуст. Ему это не удалось, и он зашвырнул железку на поленницу, громоздившуюся посреди двора подобно монументу. Затем начал карабкаться на эту поленницу, чтобы с неё обозреть округу. Хотя поленья и катились у него из-под ног, он продолжал взбираться вверх, к заброшенной железке. Наконец-то, наступив на неё, он с воодушевлением огляделся. И тотчас же с досады плюнул и проклял тот день, когда встретил Лилию: двор кругом замыкала высокая стена, и даже крысы не могли найти в ней лазейку. Он проклял и тот день, когда влюбился в Лилию; огляделся ещё раз и скатился вниз расстроенный и разгневанный.

Позади пары проржавевших коленчатых валов вдруг приоткрылась узенькая дверца, и облачко пара, вырвавшееся оттуда, на мгновение скрыло и повара, и кухонную утварь. Ленин бочком пробирался между кастрюль и половников; пар, как нимб, клубился у его чела. Швейцар поклонился ему, и светофор своим зелёным светом как бы одобрил его пробежку вдоль Садового кольца.

Он обогнал пятерых пешеходов, которые, бродя по улицам в столь поздний час, казалось, бросали вызов городским убийцам.

– Вас подвезти? А где же тот костюм для джогинга, что я пожертвовал вам прошлой весной? – Феликс высунул голову из чёрного мерседеса. Ленин продолжал свой бег вдоль Садового кольца. – Где вы намерены сегодня заночевать? Надеюсь, не в Мавзолее? Там ведь опасно, не так ли? Поедем в гостиницу! В обычной гостинице они вас и искать не станут.

– ... один, – выдавил запыхавшийся Ленин, скомкав начало своей просьбы. Перейдя на спокойный шаг, он вытащил из рукава носовой платок.

– Знаете, меня назначили вашим телохранителем, – вылезая из автомобиля, доверительно поведал Феликс. – Теперь за безопасность вашу и здоровье я несу ответственность непосредственно перед самим Всемогущим.

– Неужели Бог ещё печётся обо мне? – спросил Ленин с изумлением.

Разумеется, – ответил Феликс. – Бог печётся о каждом. И ко мне приставлен телохранитель, – он обернулся к своему шофёру и подмигнул ему; тот тут же стащил с головы кепку и закланялся – и Феликсу, и Ленину, и Андрею Петровичу, который показался на крыше соседнего дома, приветственно помахивал им рукой.

– И у меня есть телохранитель, – с гордостью сообщил шофёр. Надев кепку, он показал на мотоцикл, крадущийся вдоль края тротуара. В ответ на это мотоцикл рывкнул, зловеще взвыл, заревел-захрапел и стал на дыбы.

– Между прочим, «Всемогущим» мы называем главу нашей зоны. Поэтому вновь прибывающие к нам обычно путают его с Богом, – небрежно пояснил Феликс.

– Где эта ваша гостиница? – устало, спросил Ленин.

– Тут, за углом.

Лишённая лунного света, сублимированного Бетховеном и Дебюсси, гостиница была намного темнее, чем Садовое кольцо. Швейцар храпел так громко, что стеклянные подвески двух погашенных люстр тихо позванивали в ритме его дыхания.

– Нам на третий этаж, – сказал Феликс и вызвал лифт. Но лифт, очевидно, спал так же крепко, как и швейцар, и не откликался на мольбы кнопки.

Тогда они поднялись по лестнице, ибо лишь она бодрствовала здесь всю ночь, подобно верному стражу, и вскоре нашли некую даму, чьи полусонные глазки ещё не утратили способность отличать действительность от сновидений.

– Вы кто такие? – спросила она, всполохнувшись.

– У вас найдётся двухместный номер на одну ночь? – спросил Феликс.

– В нашей гостинице проживание гомосексуалистов запрещено, – сообщила дама и закрыла глаза.

– А два одиночных номера у вас есть? – не отставал Феликс.

– Иностранцы? – спросила она, не поднимая век.

Феликс выложил свой паспорт и принялся шёпотом насвистывать какой-то печальный мотив. Не открывая глаз, она взяла его паспорт и спрятала куда-то вниз. «А друг ваш тоже иностранец?

– Дорогуша, не надо уподобляться Фоме неверующему.

– Какой он нации?

– Немецкой, – отвечал Феликс, переходя из ми-минора в ля-минор.

– А где его паспорт?

Феликс положил перед нею ещё один паспорт.

– Что-то не похож он на иностранца, – заметила дама.

– Родился в Мюнхене.

– По-моему, я его в Москве видела.

– Он проработал здесь лет семьдесят. Или даже больше. Дайте вспомнить: один, два...

– Его профессия?

– Он – хранитель очень важного музея.

Дама сняла со стенда пару ключей, и Феликс положил их в карман. Он взял у шофера свой атташе-кейс и повел Ленина по коридору, оказавшемуся таким же длинным, как все те коридоры, по которым вождь Революции блуждал дни и ночи.

– Вот мы и пришли, – сказал Феликс, сунув указательный палец в замочную скважину. Дверь отворилась, и Ленин сразу же рухнул на единственную кровать, находившуюся напротив окна.

– Кстати, вы были правы насчет Троцкого. – Феликс сел на единственный стул. Как вы его называли? Иуда? Ненадежный товарищ. Требовал, чтобы я прислал к нему девочку из нашей турецкой бани. Говорил, что в Аду половые инстинкты исчезают. Тогда я сказал ему, в оправдание моих принципов, что Ад – не концентрационный лагерь. На это он мне ответил, что во Франции и других цивилизованных странах заключенные смотрят телевизор и вина пьют – хоть залейся. Я предложил ему телевизор и ящик «Мутона Ротшильда». Он отказался, заявив, что от вина и телевидения его половые инстинкты только обострятся, а «должного выхода – для них нет как нет. Пришлось пойти на попятную и попросить одну из наших девочек периодически навещать его шалаш. А он вдруг объявил сексуальную забастовку из-за того, что мы не дали ему выступить перед воинами Красной Армии. Девица была разочарована и обижена. Теперь она обслуживает Дзержинского и Маленкова.

Феликс достал пачку фотографий и разложил их на кровати, под носом у Ленина.

– Наши турецкие девочки во всей зоне славятся. К сожалению, до 1996 года они зарезервированы, но не стоит беспокоиться, ибо в этом отеле полно проституток! Одна из них названивала мне около часу ночи и спрашивала: «Do you speak English? May I come to your room?» Я её посылал куда подальше, конечно. По-английски. Я верен своей жене и выношу измены только в терапевтических целях. Кроме того, с медицинской точки зрения опасно иметь дело с проститутками. Они пьют слишком много и нисколько не заботятся ни о гигиене, ни о предосторожностях. Меняют клиентов одного за другим, не думая ни о болезнях, ни о вирусах. Торгуют собой, переходя, буквально, из двери в дверь. Door-to-door selling! Немудрено, что и мрут, как мухи. И их клиенты тоже! Заражают друг друга безоглядно. И умирают частенько прямо в гостинице, свернувшись калачиком на затоптанном половике или скрючившись над полупустым стаканом с водой или водкой. После тяжелой и продолжительной болезни... Без причастия, без визы в Рай, без пропуска в Чистилище. Не уверен, что проститутка, которую я упоминал, всё ещё обслуживает эту гостиницу. Сдаётся, видел её у нас, в нашем Гаити-Палас. Но не беспокойтесь, найду ей достойную замену. Вам нужен вазелин?

– Сортир, – пробормотал Ленин, роняя фотографии на ковер. – Я скоро вернусь...

Укрывшись в стенах туалета, он заперся и открыл все краны, чтобы шум воды помешал Феликсу записать на плёнку поток его сознания.

– Скажу, что принимаю ванну. Ведь в Аду есть ванны. Недавно наткнулся на куски мыла. Ещё почищу зубы и вытру голову полотенцем. В московских гостиницах нет сушилок для волос. Это – ещё один предлог. И ещё сорок минут выигранного времени. Всегда что-нибудь найдётся. А потом им надоест меня ждать, и они уйдут из моего номера. Это мой номер? Смогу ли я остаться в этом номере до послезавтра? Чтобы не ходить на чай к её бабушке. Я могу остаться прямо здесь. Если они, конечно, не взломают дверь и не вытащат меня из ванны и на руках не поволокут мокрого и извивающегося прямо в Мавзолей. Я буду брызгать им в лицо. Я им шланг направляю в глаза. Как в кино. Бросают пыль или снег в лицо. Или грязь. Чтобы ослепить противника и прикончить его, пока он протирает зенки, прочищает нос. Пока он чихает. Я сам так сделал в фильме «Ленин в октябре». Убил офицера и сбежал в Швейцарию или во Францию. А не сбежать ли отсюда во Францию? Но у меня же дочь. А она живёт в Советском Союзе. Я должен её воспитать. Отправлю её в какой-нибудь университет Лиги Плюща на северо-востоке США. Или в Женеву. А в извечной тьме московских улиц отыщу её мать. В больнице, на кладбище. А Лилию сошлю в Нижний Новгород. А что, если это она придёт сюда в гостиницу? Зачем же это они сняли крышку с бачка? Словно приоткрыли гроб. Выглядит как скелет-марионетка с верёвочкой. Сломался? А если потянуть за цепочку и посмотреть, как он работает? Не работает. Что-то сломалось в самом скелете. Интересно, через тысячу лет наши скелеты тоже станут такими? Перед Страшным Судом? По показаниям шпионов и провокаторов ангелы сфабрикуют обвинение против меня и моих последователей. Государственная измена, геноцид, голод, уничтожение храмов. И Бог приговорит меня к смерти. Или вышлет в Архипелаг ГУЛАГ. Но из-за моего ареста и ссылки среди рабочих и западных интеллектуалов поднимется волна возмущения. И на последнем съезде партии будет выражено неодобрение методам Бога. И делегаты обратятся ко мне с приветственным посланием. Но как бы то ни было, на суд я не явлюсь. Никогда я этого не делал! Спрячусь в ванной. Остаться здесь навсегда? До и после конца Времени? Жаль, что ватерклозет неисправен. Мне самому его починить? А откуда столько воды? Разве я пользовался туалетом? Краны. У меня ещё есть возможность утопиться. Поздно и бесполезно. Тихо. Феликс бродит по номеру? Она уже пришла? Но я всегда могу сослаться на болезнь. Постельный режим. Даже когда я вне саркофага и Мавзолея. Могу сказать, что я мёртв, если она будет настаивать на прогулке. Утонул в ванне. Где-то в Финляндии. Поскользнулся на кафельном полу, упал в ванну и утонул. Безвозвратно. Под водой она меня никогда не найдёт. Я ей скажу, что до сих пор не поправился, что моя болезнь неизлечима. Но я не заразен. Смерть заразна? Да, заразна. Ведь жизнь – не более как инкубационный период, сколь бы долга она ни была. Мёртвые любят живых? Они ненавидят их. Они им завидуют. День-деньской они варят яды для

них. Почему живые умирают? Потому что мёртвые травят их. Почему автомобили живых врезаются в телеграфные столбы? Потому что мёртвые сдувают их с пути. Мёртвым скучно до смерти. И они хотят, чтобы живые присоединились к ним в потустороннем мире. И поиграли с ними в кости. И потолковали о земной жизни.

Дверь открылась и вошла Лиля.

– Что это ты делаешь в моей ванной? – заговорила она, выхватывая у него полотенце. – Хотел спрятаться и подглядывать, когда я буду принимать душ? – Ленин зажмурился и отвернулся лицом к голой стене. – А ты, дорогой мой, оказывается, ещё и «глядельщик». – Она сняла юбку и повесила её на крючок. – Ладно, если тебе угодно, оставайся. Садись!

Ленин поклонился, двинулся к двери и задел за цепочку спуска воды. «Я должен идти, – забормотал он. А цепочка принялась извиваться из стороны в сторону, ударяясь о стену и Лилин локоть.

– Сядь! Как ты ведёшь себя с женщиной! – закричала Лиля, схватив его за правую стопу. – У тебя из туфель вода ручьём льёт. – Ленин сел на унитаз, и Лиля стянула с него туфли. – Вот, даже вся подкладка промокла. Ведёшь себя, как школьник. И дырка в носке. Две дыры. Совсем порвались. Не вертись! – и она зажала его плечо своими бёдрами. – Как-то на даче я пошла купаться. Поехали к нам на дачу в следующий выходной? Ты любишь ходить по грибы? Я забыла взять купальник. На берегу не было никого, да и вообще я купаюсь голышом. Я разделась... Сядь! И вдруг увидела мальчика, спрятавшегося за кустом.

– Весьма наслышана о вас от внучки, – проговорила Лилина бабушка, протягивая Ленину руку и одновременно рассматривая его с головы до пят. – Надеюсь, – вы серьёзный молодой человек и ваши намерения благородны.

– Бабуля, я же читала тебе его биографию.

– Я не в восторге от его биографии. Она несколько нелепа и даже страшновата. Между прочим, в ней полно несуразностей. В следующий раз наймите лучше профессионального биографа. Иначе опозорите нашу семью и страну.

– И ты видела его по телевидению!

– Предпочитаю лицезреть его воочию. В телепередаче он показался мне маленьким и наглым. И слишком много говорил. Надеюсь, вы вообще-то не слишком много говорите...

– Только по телевидению, бабуля.

Ленин поклонился, щёлкнул каблуками, и бабушка, высвобождая руки, ворчливо заметила:

– Вся эта чушь о кулаках...

– Бабуля, ты путаешь Ленина со Сталиным.

– А я и думала, что Ленин был Сталиным. Ну а теперь он – твой жених. И ты его любишь.

– Конечно, люблю.

– Кого же – Ленина или Сталина?

– Владимира Ильича Ленина.

– Я знала Владимира Ильича Паромского. Вы, часом, не родственники? Быть может, кузены?

– Нет, – сказала Лиля.

– А кому вы доводитеесь кузенком?

– У него нет семьи.

– Вы сирота? Мать вас бросила в младенчестве? Многих детей находили у чужого порога...

– Его родители умерли очень давно.

– Что было причиной смерти вашей матушки? Обычно дети наследуют болезни матерей, а не отцов. Такова уж наследственность.

– Его мать умерла от старости.

– Должна вас заверить, что это – не смертельное заболевание. – С этими словами бабушка попыталась встать из кресла, дабы продемонстрировать свою способность самостоятельно перемещаться; она бы рухнула под тяжестью собственного тела, кабы не зять. – Не помогайте мне, сударь!

– Видишь, какой он добрый!

Бабушка грузно осела в кресле и в отместку за свою неудачу принялась долбить клюшкой в пол.

– Никогда больше не помогайте мне! Пусть лучше упаду, если мне так угодно! Вы, что, – специалист по поднятию тяжестей? Или носильщик? Какая у вас профессия?

– Он – политик.

– Как Керенский? Я была влюблена в Керенского. Мне было тогда пятнадцать. – И бабушка положила свою клюшку рядом с яблочным пирогом.

– Да, бабуля.

– Но он не похож на Керенского. Ты уверена, что он – политик?

– Он – глава правительства.

– А не актер ли? Еще подмостков не хватало! Актеры ненадежны и неверны. И обожают проституток. Я знавала одного актера, который все свои деньги тратил на проституток и мальчиков.

– Он терпеть не может актеров, бабуля.

– И когда они умирают от сифилиса в дальних странах...

– Он уже мертв.

– А можно поинтересоваться, кто унаследовал его деньги? – спросила бабушка, подвигая к себе копилку.

Лиля пожала плечами.

– Значит, он на самом деле – актёр. Ни денег, ни завешания. На что же вы будете жить? У тебя же своих денег нет. Твой папаша был тоже актёришкой. – И бабушка отодвинула копилку.

– Он написал много книг. Будем жить на его гонорары.

– Книги, книги... На что вы существуете, молодой человек? Вы можете обеспечить семью? Я полагаю, у вас будет много детей.

– Он – Ленин, бабуля. Или ты позабыла, кто такой Ленин?

– Ленин, Сталин, Брежнев... Я спрашиваю, на какие средства он существует!

– Он может иметь... всё.

– Вот и расскажи, что он может иметь.

– Всю Россию. И Европу. Ему надо лишь привести свои воззрения в соответствие с современными обстоятельствами. Его энергия и стремление к власти...

– Вы сумеете, молодой человек, соответствовать современным обстоятельствам?

– Он всегда умел это. В конце девятнадцатого века он писал: «Мы не считаем учение Маркса чем-то застывшим и неприкосновенным. Напротив, мы убеждены, что оно является краеугольным камнем науки, которую социалисты должны развивать далее по всем направлениям, если они хотят идти в ногу с жизнью».

– Твоя мать всегда опаздывает.

И словно по мановению жезла Громовержца, чёрная завеса грозowych туч раскололась надвое, и бабушка тяжёлым взглядом уставилась на дверь.

– Кто там, твоя мать? – спросила она. – Или отец твой? Разве я приглашала твоего отца?

– Не приглашала.

– Красивый был мужчина. Но он предал твою мать. Изменил ей дважды. И в ее присутствии лгал мне. Тоже дважды. – Она схватила клюку со стола и четырежды ткнула ею в ногу Ленина, вторя громовым раскатам. – Вы тоже будете изменять моей внучке? Ответствуйте!

Ленин отрицательно покачал головой.

– Вы, что импотент? Да? – она провела палкой над его головой и вновь положила ее на стол, рядом с вишневым пирогом.

– Он любит вишню, – произнесла Лиля.

– Да?

– Еще он любит яблоки и грибы. На днях мы ходили в наш лес по грибы, и я купалась в нашей речке.

– А он вообще умеет плавать?

– Однажды он утонул у Гельсингфорса, но плавает великолепно.

– Нырять умеет? По телевизору я видел акулу...

– Он плавает теперь только у меня в ванной, бабуля.

Задребезжал дверной звонок. Ленин вскочил и бросился к окну.

– Я разве позволила вам встать из-за стола, молодой человек? Сядьте на место!

Ленин сел и вновь вскочил, когда Лилина мама ударилась об открытую оконную раму и стала извиняться, осторожно потирая ушибленную бровь.

– Ты Ленина помнишь или нет? – спросила Лиля.

– Ты всегда во время грозы открываешь окна? Долгие годы не видела вас. Я ведь хожу по магазинам и убираю квартиру. И у меня нет времени на встречи с интересными людьми. Я потеряла мужа тридцать лет назад. Он погиб в автомобильной катастрофе недалеко от Ясной Поляны. А Лиля всё рисует натюрморты и ходит по картинным галереям. Вы познакомились в музее?

Лиля закрыла окно и в воздухе руками начертила контуры Мавзолея.

– Это Ленин, мама. Ленин".

– Если я правильно помню, вы всегда увлекались искусством и литературой. Что-то сказали о Толстом, не так ли? Муж погиб вблизи Ясной Поляны, но похоронили его на Ваганьковском кладбище в Москве. Быть может, его следовало похоронить рядом с могилой Толстого. Вы верите в духов? А в телепатию? Лиля подвинула к себе вишнёвый пирог и занесла нож над ним. – В Раю каждый становится Толстым или Монтенем, заметила Лилина мама, ставя сумку на подоконник.

– И Керенским, – заявила бабушка. – Интересно, где он теперь обитает, – добавила она вполголоса.

Лиля нарезала пирог и облизнула пальцы. Взяв один из треугольных кусочков, она поманила Ленина ресницами. Он подошёл к ней, склонился над её ладонью, зубами взял кусок и быстро заглотнул его.

– Твой муж не был похож на Толстого, – говорила бабушка, обеими руками выкручивая запястье дочери. – Он больше напоминал Достоевского. Из-за бороды.

– Толстой тоже носил бороду, – произнесла Лиля и уронила кусок пирога на пол.

«И у Кости была борода, – думал Ленин, потирая подбородок и сдвигая брови. – Возможно, тридцать лет назад он и был мужем этой женщины».

– Я до сих пор ничего от вас не слышала, – сказала бабушка, беря Ленина за галстук. – Для чего, вы думаете, я вас пригласила? Ведь вы не голодны. Съешьте ещё кусочек пирога и расскажите мне то, что я хочу услышать.

Ленин проглотил ещё кусок пирога, приведя в движение свой кадык.

– Так я жду, – проговорила бабушка.

– Как насчёт чашечки чая? – спросила тут же Лиля, запихивая в дрожащий бабушкин рот ломоть вишневого пирога.

– Моя мама обожает музыку, – сообщила Лилина мама, доверительно дотрагиваясь до ленинского локтя. – Вы играете на фортепьяно? Обещали ей сыграть ноктюрн Шопена? У неё в комнате есть пианино. Мой муж восхитительно играл на фортепьяно. Ноктюрны в его исполнении я могла слушать часами. Он был ранен во время войны. Но пальцы его и ноги не были повреждены и остались такими же искусными, как и прежде. И в конце жизни его техника стала даже совершеннее. И ещё он отрастил бороду. Как-то раз играл полонез. Или мазурку? Но не вальс. Я сидела на табурете и смотрела, как его руки порхают над клавишами.

– Кого-то мне напоминает этот голос, – думал Ленин, двигая бровями. Внезапно его мозг уподобился некоему концертному залу, где зазвучали различные голоса, переговаривающиеся между собой или произносящие монологи лишь для того, чтобы быть опознанными и приписанными соответствующим людям, скопившимся за кулисами. Ленину удалось выделить из этого многозвучия голос Лилиной мамы, и вот она сама как бы явилась на сцене, сияя от удовольствия.

– Теперь я могу говорить с вами откровенно. Вы узнали меня? Узнали? – Она низко склонилась над ним и подула ему на глаза – мягко, бесконечно нежно.

– Вы мать моя?

– Конечно же нет. Вы же уже видели свою мать. Разве я на неё похожа? Или мой голос похож на – нее?

– Значит, я – ваш бывший муж. Я умер, как вам известно. И я ношу бороду, как Достоевский.

– Я тоже умерла. Разве не видишь? Но ты – не муж мой.

– Много-много лет назад я сделал вам предложение...

– Тогда в конце своего письма ты написал: «Перед тем как мы соединимся и для того, чтобы мы могли это совершить, мы прежде всего должны со всей решимостью и определённой провести демаркационные линии». Мы провели эти линии, но забыли их стереть. И в нашей жизни ничего кроме них и не было. А мир остался за ними.

– Я думал об истории, а не о мире.

– И на фортепьяно никогда не играл. Ещё в детстве отказался от уроков музыки. Уже тогда заявил, что есть гораздо более важные вещи, нежели игра на фортепьяно.

– Я был вашим любовником.

– Более, чем любовником. Лилия – твоя дочь.

– Моя дочь? Какой ужас!

– А что такого?

– Она – моя любовница! Так я – Эдип – самый счастливый и самый несчастный из людей.

– Эдип? Ты спал с матерью?

– С вашей дочерью!

– Стало быть, ты – не Эдип. Ты – Ленин!

– У тебя есть. И ты – Ленин!

– Я – Ленин?

– Ты умер в 1924 году, не так ли?

– Вы же не прочь рассказать нам историю вашей смерти, Владимир Ильич?

– Сказал Феликс, входя в комнату.

– 19-го октября 1923 года я на несколько часов заезжал в Москву. Побывал в своей кремлевской квартире, заглянул в рабочий кабинет, прокатился на машине по главным улицам столицы, посетил Сельскохозяйственную выставку и затем вернулся в загородную резиденцию. В 6 часов вечера 21-го января 1924 года моя болезнь внезапно обострилась. Что это была за болезнь? Не помню. Теперь я не ощущаю, что болен. Должно быть, смерть моя уничтожила микробы. Тогда я потерял сознание и в 6 часов 50 минут вечера умер.

– Тебя убил Сталин, – сказала Лилина мама. – В 6:45 вечера.

– Я знаю.

– Чувствуете на своей шее отпечатки его пальцев? – спросил Феликс.

– Конечно.

– Итак, вы – Ленин. Почему же не узнаете собственную дочь? – спросил Феликс.

– Она сильно выросла.

– Ты никогда не видел ее, – проговорила Лилина мама. – Я не хотела, чтобы ты знал, что у нас есть ребенок, прекрасная дочь. И от мужа скрывала имя настоящего отца. Я глубоко любила мужа. До самой смерти он верил, что Лилия – его дочь, наше единственное дитя. И всякие раз, когда ты навещал меня, я куда-нибудь отсылала ее. А теперь вот она – молодая дама. Красивая, не правда ли? И к тому же очень умна!

– Почему же ты не позвонила мне из родильного дома?

– На улице нас с нетерпением ждал мой муж с букетом цветов в руках. И глаза его были прикованы к окну, за которым должна была родиться дочь.

– Почему ты не попросила какую-нибудь медсестру передать телефонограмму, чтобы мой автоответчик зафиксировал ее?

– Как он был счастлив, когда я ему сообщила, что у нас будет ребенок! Потом все ждал и ждал – и у нас дома, и у стен родильного дома.

Ее контральто, от которого дух захватывает. Помню, как она пела старинный русский романс. На какой-то террасе. Где это было? В Алакаевке? Но в Алакаевке никого, кроме моей сестры, не было. Или Лилина мать – моя сестра Анна? Как говорят французы, невозможное – не по-французски. Но это, конечно, и не по-русски. В России после революции все стало возможным. Жены, сестры, дочери, матери...

– Оцеловал меня и свою дочь так долго, что медсестра попросила его выйти из палаты.

– Лилия – моя дочь, – произнес Ленин.

– Он заваливал ее подарками. Игрушки буквально устилали детскую! Он постоянно ласкал ее, и с такой неистовой любовью...

– Почему ты не сказала ему правду? Почему?! – и Ленин так яростно топнул ногой, что звук удара повис на некоторое время в воздухе.

– Его постигло бы такое разочарование, что он мог бы руки на себя наложить! А я хотела, чтобы жил и воспитывал нашу дочь.

– Нашу дочь!

– В младенчестве она была очень похожа на тебя. И я частенько думала: «Она похожа на человека, величайшего в истории человечества». Раз два во время семейных трапез я чуть было не выкрикнула твое имя. Но муж так ненавидел революцию, что не мог спокойно даже слышать ни твоего имени, ни отчества. Владимир Ильич Паромский был добрым приятелем моей матушки. Так муж мой чуть не убил его в кулачном бою после какого-то матча по настольному теннису. Думаю, что тогда он старался убить тебя и твои мысли. По ассоциации. Убить того, кто носил две трети твоего имени. Убить твое имя. «Австралийский абориген, – сказал он мне однажды, – никогда не откроет вам своего настоящего имени, ибо как раз через имя он может быть серьезно ранен». И тогда я твои портреты истыкала булавками и иголками.

– Зачем? – и Ленин инстинктивно прикрыл сердце обеими руками.

– Чтобы доставить удовольствие мужу. Была уверена, что моя магия нисколько не повредит твоему здоровью.

– Но в меня стреляли. Я был тяжело ранен. Империалисты и эксплуататорские классы, свергнутые революцией, изливали всю свою злобу и ненависть ко мне. Контрреволюционеры давно уже сплели далеко идущий заговор, главный целью которого было убить меня. Террористы неотступной тенью следовали за моей тенью. 30-го августа 1918 года я выступал на митинге рабочих в районе Зацепы в Москве. После митинга я шел к своему автомобилю. Какая-то женщина несколько раз в меня выстрелила отравленными и зазубренными пулями. – Ты – та самая женщина?

– В 1918 я еще и не родилась, – ответила Лилина мать. – И была очень далеко от района Зацепы.

– У каждого преступника есть алиби. А наган до сих пор у тебя?

– У меня же не было мотива. Ты был отцом моей дочери, а дочь я любила больше, чем что бы то ни было.

– Моя дочь... – Ленин перевёл взгляд на Лилю и сразу забыл, что большевики не плачут ни на людях, ни у себя в спальне или в ванной.

– Становясь старше, она всё меньше напоминает твои портреты. Муж сделал всё от него зависящее, чтобы стереть с её лица твои черты и изъять твои речи из её книжек. Он всегда высмеивал твои высказывания и философские выводы. Я так боялась, что его арестуют. Умоляла его беседовать с Лилей в лесу или в ванной при открытых кранах, чтобы голос его был приглушён.

– Его арестовали? – спросил Феликс.

– Он погиб в автомобильной катастрофе весьма распространённый вид убийства, – ответила Лилина мать.

– Почему ты позволяла ему запудривать мозги моей дочери? – и Ленин локтем оттолкнул Феликса от своей бывшей любовницы.

– Она даже стала походить на него. Порою я верила, что её отец – он, а не ты. Сходство было безошибочное.

– Так Лиля – мой ребёнок? Да или нет?

– Конечно, ваш, – ответил Феликс. – Разве она не сама пришла к вам в Мавзолей, в эту древнеегипетскую гробницу?

– В Мавзолей от 10-ти часов утра до часу пополудни приходит множество людей. Так что – они все мои дети?

– Несомненно, дети по духу, – ответил Феликс, указуя перстом в небо.

– Лиля – именно твоя дочь, – сказала Лилина мама. – Я всё ей рассказала перед смертью, до того, как поселилась навсегда в потустороннем мире.

– А где ты обитаешь?

– Меня не уполномочивали посвящать тебя в тайны географии и градостроительства. Попросили лишь побеседовать о дочери. Эка жалость – не видел ты, как играла она в куколки и с кукольными домиками возилась! А в шесть лет пошла учиться!

Она – часть души моей, мой двойник. Мир существует независимо от нашего сознания, независимо от нашего восприятия вещей, помимо нас, вне нас. Однако, она – и вне, и внутри меня. Она – я и не я.

– В школе она училась блестяще. Муж занимался с нею каждый день, давай читать ей и Платонова, и Пруста. А в девушках она была так хороша, что трое юношей из-за нее дрались на дуэли.

– *Le temps perdu*, – произнес Ленин, потирая глаза. Затем он подошел к Лиле и поцеловал ее лоб.

– Как смеете вы целоваться в моём доме? Вы не имеете права целоваться! – возопила бабушка.

– Лиля – моя дочь.

– Накануне вечером Владимир Ильич сделал мне предложение, – заявила Лиля. – Вскоре мы поженимся.

– Нам нельзя! – выкрикнул ошеломлённый и испуганный Ленин.

– Поздравляю, – проговорила бабушка. – У вас есть постоянная работа?

– Он служит экспонатом в Мавзолее.

Гроза прошла, и солнце стало пробиваться сквозь облака с явным намерением снизойти на землю. Но Ленин стоял спиной к светилу.

– Лилия – дочь моя! – всё восклицал он.

– Бойтесь кровосмесительных сношений? – наконец вмешался Феликс. – Но что есть кровосмешение? «Достопочтенны во всём брак и неоскверняемое ложе, – писал блаженный Августин. – И сие мы не называем вообще благом, хотя это благо в сравнении с блудом; иными словами, из двух грехов второй хуже: но и блуд благо, ибо прелюбодеяние хуже: ибо хуже лезть в брачные отношения ближнего своего, чем липнуть к шлюхе: но и прелюбодеяние благо, ибо кровосмешение хуже; хуже возлежать с матерью своею, чем с женою ближнего»...

– В самом деле хуже? – спросила Лилина мать. – Если бы у меня был сын, красивый молодой человек...

– Но Блаженный Августин ничего не говорит о возлежании с дочерью, – продолжал Феликс. – Как и Св. Фома Аквинский, который, однако, весьма возражал против воссоединения братьев с сестрами на том основании, что их взаимная привязанность, сочетающая в себе любовь мужа и жены с любовью брата и сестры может оказаться столь сильной, что приведет к излишне частым половым сношениям.

– Если бы у меня был брат... – произнесла Лилия.

– Кинир зачал сына своего Адониса, поимев дочь свою Мирру во время праздника богини плодородия, – заметила Лилина мать.

– А кто он такой этот Кинир? – спросила бабушка. – Артист или политик?

– Он был царем и, кроме того, жрецом Афродиты. Богатство его стало притчей во языцех, – ответила Лилия.

– Что ж ты за него замуж не вышла? Ты действительно предпочитаешь этого человека? – Бабушка воздела свою палку и ткнула ею Ленину в живот.

– Он мой отец. Неужели – я не должна предпочесть отца своего любому другому мужчине?

– Чти отца своего, что породил тебя, и не отвергай матери твоей, когда состарится она, – произнёс Феликс.

– Моя мама ещё очень привлекательна, – сказала Лилия. Она со вкусом одевается и у неё дорогие духи. На неё до сих пор обращают внимание на улице и на пляже.

– Если бы я была живой... – проговорила Лилина мать.

– И не забывайте, что вы мертвы, – Феликс вынул из атташе-кейса мозг Ленина и поместил его в греческую вазу. – Половые сношения мертвеца с живой женщиной едва ли можно считать кровосмесительными. Ни лингвисты, ни сексологи не одобряют подобного применения этого термина.

– Она – моя дочь, – повторил Ленин.

– В детях наших на нас возложена великая забота, – сказал Феликс. – Так давайте же позаботимся о них с величайшим тщанием и сделаем всё, дабы Дьявол не умыкнул их у нас.

– Кто это сказал? – спросил Ленин из чисто академической любознательности.

– Святой Хризостом. Сочетая любовь отца с любовью мужа, вы проявите величайшую из вообразимых забот о вашей единственной дочери.

– И ты не будешь излишне растрачивать сексуальную энергию и романтические чувства, что зачастую случается, когда мужчина любит одновременно двух женщин: жену и дочь, – заверила Лилина мать.

Во всяком случае, при сотворении идеального будущего я могу рассчитывать только на мои гены. Платон что-то говорил о подобном эффекте. Обильное потомство от лучших особей. Секретари Республики восхищались и делились самыми красивыми женщинами. И спали со своими собственными дочерьми, не зная о том. Лиля – это моё тело, мои гены, мои собственные плоть и кровь, мой пот и слёзы, мои радости и горести. Мы наполним всю землю, не оставив места другим. Зеркала, ничего, кроме зеркал. Зеркала повсюду: в ванной, на улицах, в лесах, на Юпитере...

Феликс вышел из комнаты и вскоре вернулся с кипящим котлом. «Трижды промякал полосатый кот, – произнёс он.

– Что вы имеете в виду? – Ленин вздрогнул и поглядел куда-то вверх. Ему вспомнились его блуждания в ресторане.

– Покажите! – закричал Андрей Петрович, свешиваясь с карниза, – Приношу извинения за своё вторжение, но я здесь по делу.

– Vous etes tout excuse, – сказала бабушка. – Покажите!

– Покажите глазам его, поразите в сердце! – закричала Лилия.

Ленин воздел руки и отскочил на несколько шагов; на него надвигалась его бывшая любовница. Он глянул на себя в зеркало, которое она держала, и узрел ее мужа во множестве отображений, уходящих в бесконечность.

– Что это будет длиться до трубного гласа? – завопил он, обессилено припадая спиной к стене.

– Я стану воздух заклинать, чтоб звук извлечь, пока вы будете нам представлять ваш шутовской обход, – проговорил Феликс, усаживаясь за пианино.

Лилия принялась танцевать.

Туман, и запотело
Стекло все лобовое.
И я тебя, любимая,
Не вижу и не чую.
Ах, где же ты, зазнобушка,
Изменница, лебедушка?
За Альпами-горами
И за семью морями.

Туман глаза мне режет,
И душу мгла полонит
Пересекаю океан,
В Атлантике плыву.

Лети ближайшим рейсом!
Не медли – умоляю!
Торчу в аэропорте.
Ни есть, ни пить не тянет
Да и ко сну не клонит.
Жить больше не хочу
Без шелковых твоих,
Без шелковых волос.

– Это ещё кто такой? – спросил Ленин. – Я, что, должен теперь спать в проходе?

– Вам не разрешается входить в главный зал Мавзолея.

– Чьё это распоряжение? Сталина? Он, что, вернулся?

– Подружки невесты делают причёску новобрачной. Они расчёсывают и заплетают её волосы. «О горе мне! – – восклицает невеста, и её глаза наполняются слезами. Вы не должны быть с ней. Вам не следует находиться вместе, в одном помещении. Таков старинный обычай. А я – ваш двойник.

– Мне не нужны двойники. Как ваше имя?

– Владимир. Можете звать меня Володя. Буду петь на вашей свадьбе песни и всякое другое делать.

– И что же вы тут распевали? Я и сам мог бы спеть.

– Да у вас же слуха нет. А у меня – абсолютный. И памяти у вас никакой.

- Но я, однако, намерен спать в своей постели.

- Вы спали в ней предостаточно. А уж теперь-то, с минуты на минуту, к вам явятся друзья ваши.

- Я никого не приглашал.

- Так это – свадебные гости. У вас сегодня свадьба.

- С кем, с Лилей? Или с её матерью? Я не женюсь ни на одной из них! Эти женщины предали меня!

- Они вплетают ей в волосы красную ленту. «В косички, в косички – волосики моей доченьки», – советует её маменька. Они вплетают ей в волосы и голубую ленту.

- Она предала отца своего родного.

- Послушаем, что они поют? – и Володя просунул руку в отверстие, прикрытое панелью.

Ах, врунишка!

Ах, плутишка!

Всё о схиме толковала.

Да о кельях рассуждала!

И при нас, и при нас

Никого не целовала –

Молодца иль молодицу –

Хоть бы раз! Хоть бы раз!

Как же было не дивиться

На бесполою девицу!

А сейчас

Мы знаем сами

(Сами мы теперь с усами):

Ты – из нас!

Ты теперь-то жаждешь-ждёшь:

Он грядёт, вот-вот придёт

И лобзать, лобзать он будет

Твои губы, твои груди

Дни и ночи напролёт.

Но коли лобзать не будет –

Бей тогда все чашки, плошки!

Вилки, ложки – все в окошко!

Рви одёжки на груди!

И ему: «Не подходи!»

Милая, зачем же в слёзы?

Ты, чай, нынче не вдова!

Веселись – ведь обнова!

Радуйся и веселись!

*Жалует жених (о, грёзы!) -
Ему в ножки поклонись,
К ласкам нежным,
Ласкам долгим
Изготовься-соберись!*

Володя вынул руку из отверстия и поднёс её к свету, словно чтобы удостовериться, что с ней всё в порядке и ничего не пропало в стенных изворотах.

— Чувствуете, какое качество звука? Для этого случая мы купили японский микрофон и парочку немецких динамиков. В проходе акустика намного лучше. А в компакт-диске с записью вашей женитьбы предусмотрено цифровое кодирование. Так что, покупатели видеодисков получают от вашей свадьбы даже больше удовольствия, чем непосредственно присутствовавшие на ней. Хотите послушать «плач невесты»? Цифровая запись!

Володя сунул руку в ещё какое-то отверстие, и на его физиономии сложилась улыбочка.

*О, матушка, свет очей,
Что же вы натворили!
Зачем взяли да подрубили
Древо Жизни моей?*

*Ведь оно мало, недюжинно,
И соки его, плоды – всё незрело.
Чем же мне накормить тело
Моего князя, моего суженого?*

*И жизнь моя, как колесо перекатное
Летит невесть куда, в преисподнюю.
Пошто не позволяешь мне, девице статной,
Остановить судьбу, каблучком притопнув?*

*За что не буду почивать я более
На ложе девственном? Ведь мне не выжить!
Ведь буду, буду истекати кровию
На простынях его бесстыжих!*

*О, матушка, свет очей,
Что же вы натворили!
Зачем вы подрубили
Древо Жизни моей?*

В проходе появилась пожилая женщина; она извинилась за опоздание и тут же принялась напевать в микрофон.

*Не, плачь, родная! Напрасно слез не лей!
Ведь будет расти Древо Жизни твоей.
А супругу своему ты – кров.
А он тебе – дождь. Такова любовь.*

- Где парилка? – спросила она, закончив пение.
- Вы – в Мавзолее, – ответил Ленин.
- Но по обычаю нам надо париться...

Володя сунул руку в какую-то дыру и достал оттуда кусок мыла. В соседнем коридоре есть туалет. Можете, если угодно, там помыться.

- Сегодня утром приняла душ, – отпаривала женщина, отшвырнув кусок мыла.

*Матерь Божья, явись, снизойди!
Матерь Божья, расчесать помоги
Золотистые кудри жениха.*

- Теперь нам можно и в главный зал, – сообщил Володя. – Они расчешут и уложат ваши кудри.

- Так он же – почти лысый, – заметила женщина.

- Таков уж старинный обычай, – сказал Володя. – Какой бритвой вы бреетесь?

*Возьми такси, возьми такси
И в центр города лети!
Там масло из олив купи
И кудри русы умасти!*

- Я не нашла ни оливкового, ни кукурузного масла, – уведомила женщина.

- Купили бы пару бутылок подсолнечного, – сказал Ленин.

Рука об руку они проследовали в главный зал Мавзолея.

- Быть может, вымыть ему голову простой минеральной водой? – предложила Лилина мать.

*Расчесать да причесать,
Потом маслом умастить*

Жениха прекрасного!

Кудри белокурые?

– А где же твои родители? – спросила Лилия. – Ты послал им приглашение?

– Зачем ты предала отца своего? Показала мне будущее...

Лилина мать перевела это замечание на язык живых.

– Отца никогда не предавала. И во время брачной церемонии не следует говорить о делах. Скажи просто: «Приведите мне волосы в порядок».

– Там было зеркало. И меня в нём не было.

– У тебя, что, монополия на зеркала? – спросила Лилина мать.

Тогда Володя вышел вперёд, взъерошил свои волосы и запел:

Приведите волосы в порядок!

Не ерошьте кудри, не взбивайте

В день моей свадьбы, в ночь моей свадьбы!

А то супруге моей буду гадов,

И брачное ложе останется холодным.

– Супруга моя шлёт вам свои поздравления, – заявил отец Ленина, появившись в дверях.

– Свои благословения, – поправила его Лилина мать.

– Доктор посоветовал ей остаться дома. За прошедшее столетие мы много с нею хворали. А от болезней становишься слабым и члены трясутся.

– Но вы-то ещё смотрите молодым да здоровым, – сказала Лилина бабушка.

Славься, отче!

Славься, мати!

Слава дочкам

И внучатам.

Что пока ещё грядут!

Слава тем, кто не родился!

Слава тем, кто уже умер!

– Мы не нашли оливкового масла, – сказала Лилина мать.

– А какая-нибудь другая жидкость не сойдётся? – спросил отец Ленина.

– А вы привезли золотой венец? – спросила Лилина мать.

– Это я-то должен был заниматься венцом? – спросил отец Ленина боязливо.

– А сын ваш или не ваш?

Холостяку пришёл конец:

Над головой его – венец!

- А как насчёт свадебных подарков? – спросила Лилина бабушка.
- Я стою в очереди на машину, – ответил отец Ленина.
- На ягуара? – спросила Лиля.
- Могу подарить вам свой Мерседес, – сказал Феликс.
- Карету, запряжённую парой, – сказал Володя.
- Карету с четвёркой, – поправили Лиля.

*На рысаков взгляните,
 Что мчат-несут карету!
 Что за мотор так рыкает
 Да под капотом этим!
 Ну и иномарка!
 Ну и подарки!*

- Здесь – что? Выставка автомобилей, лошадей или – всё-таки, свадьба?
 – ворчливо спросила пожилая женщина.

- Ты слышал что-либо о Фру-Фру? – спросил отец Ленина. Эта кобыла, по моим сведениям, должна выиграть на бегах. А бега начинаются в 5.30.

- Мы уже прокатали вдоль по Тверской-Ямской»... – сказала Лиля.

- Успею ли? Можно взять твою машину? Слишком часто у вас тут запевают. Ты когда собираешься удалиться в брачные покои? Неужели тебе не охота прильнуть к ее прелестям на пару часиков раньше? Так, часиков бы в пять? Давай-ка, подведём наши ходики. Сколько часов ты подвёл за свою жизнь?

- Что ещё у нас в повестке дня?- спросила Лиля.

- Он должен преклонить колена перед отцом своим, сказала Лилина мать.

- Грациозно, – уточнила Лиля.

*Изящно преклонив колена пред отцом
 Своим, целует ему руку он.*

- Чего же вы ждёте? – хором спросили сразу семеро.

- Сын мой, не надо тебе...

- Таков уж старинный обычай, – вмешался Володя.

- Он должен ещё поцеловать правую стопу отца своего, « выкрикнул какой-то седовласый тип, воздев свой посох.

- Это в ритуал не входит, – заметил Володя.

- Он – блудный сын, – И седой опустил свой посох с таким грохотом, что громовой раскат пронёсся по всему Мавзолею.

- Он ещё не вернулся домой, - сказал Феликс.

*Блудный сын наш - Робинзон,
Корабль его - на мели.
Во снах, в грёзах видит он
Семь пятниц на неделе.*

- Фальшиво поёте, - заметила хору Лилина мать. Возьмите камертон.

- Сколько ты им заплатила? - спросила Лилина бабушка.

Володя захлопнул крышку саркофага и, взобравшись на неё, залился новой песней:

*Отчего все двери в доме
Распахнулись и скрипят,
И скрежещут,
и грохочут?
То ли вьюга, то ли град?
То не ветер и не вьюга,
То ко мне явились други,
Поздравляют, обнимают,
Песнь заздравную горланят
Невпопад, ни в склад, ни в лад.
- Женишок у нас - счастливчик!
Ах, везунчик, попрыгунчик!
На красавицу запрыгнул!*

- Хочется есть и пить, - сказал один из дружек жениха. Вы что, голодаете в знак протеста против экономических реформ или это естественный голод?

- Прежде вы должны воздать хвалу жениху. Можете и в стихах. Только не пойте! - сказал отец Ленина.

*Смерть не осушила ни тело,
Ни мощь его половую.
Красавицу молодую
Он взял в оборот, в дело.*

*Она - гордость рода людского
Цветок на его могиле,*

*Простите, в его Мавзолее
Она с ним отправится вскоре
В путешествие за три моря,
Чтобы жить на седьмом небе.*

*Врагов, что окажутся рядом,
Она уничтожит взглядом,
В неё вселится бес.
Да здоровствует Lady Macbeth!*

– Меня уже тошнит от этой версии Макбета, – сказал Андрей Петрович. – Пьеса ведь закончилась много лет назад. Он поубивал всех, кроме Сталина. А Сталин убил его. И занавес опустился.

Да славится король Шотландии!

- А кто теперь король Шотландии? Ельцин? – спросил Ленин.
- Пожалуйста, не вмешивайтесь в ход свадебного ритуала, – обратился отец Ленина к Андрею Петровичу. – Он и без того довольно длинный.
- А почему мы не пригласили его на свадьбу?
- Кого? – спросила Лилина мать.
- О ком вы говорите? – забеспокоилась Лилина бабушка. – О Керенском?
- О Ельцине, – упрямо повторил Ленин. – Да будут ваши кони резвы и скатертью им будет пусть дорога, и полезайте-ка вы к ним на крупы. Счастливого пути!
- Ты что-то сказал? – спросила Лиля, открывая блокнот.
- Не забывай себе головку, касатка, лишними знаниями, покуда не одобришь само дело, – проговорил Ленин, отбирая у неё блокнот и пряча его под подушку.
- Но пьеса ещё не закончилась, – заметил Феликс, копаясь в одном из томов собрания сочинений Шекспира. – Бессмертен величайший бард английский.
- Ленин тоже бессмертен, – произнесла Лиля.
- «Как и члены Французской Академии, – вставил отец Ленина.

*Уж как у свет-Владимира-то кобыла!
Уж как на зорьке-то он её седлает,
Да скачет по Москве-По-граду,
На саму на Красную-то площадь,
Да уж она сигаает-то через Кремля ограду,*

Да и колен себе не зашибает,
И ржёт ретиво-то кобыла-лошадь.

Да уж у женишка с собою
Да театральный-то биноклик,
Да в тот биноклик он глядит да смотрит
Да в каждый-то домок, во всякое окошко.
Что ищет он? Чего хлопочет?
Не чаю, не пивка он жаждет-хочет:
Высматривает он себе любовь,
Хозяйку во дворец ввести желает.

А за окошками всё девицы-красавицы,
Ан нет как нет нигде его зазнобушки.
Да как же он домой пустой прискочит?

- Ничего подобного! За всеми этими окошками - только Лиля. И на улицах - только Лиля. И на его кобыле - Лиля. И в его дворце - Лиля. Лишь Лиля - в его сердце. Неужели вы не способны придумать подходящий конец этой вашей величальной? - Лиля порылась под шерстяным матрацем на ленинском ложе, выудила оттуда три блокнота и передала их руководителю хора.

- А я бы сейчас не отказался от кружечки пивка, - проговорил отец Ленина, раскрывая газету. - У тебя тут в Мавзолее бочкового пива ведь нет? Что, если я исчезну на полчаса? Руку мне ты можешь поцеловать и потом. Дома.

- А как же насчет того, чтобы попеть, поорать и поплясать на медвежьей шкуре? И кто зарежет петуха или пару цыплят? - возмутился Володя и, широко раскинув руки, встал в дверном проеме.

- Я должен спеть? - изумился отец Ленина и принялся мурлыкать мотивчик из «Свадьбы Фигаро».

- Не одному же мне за всех отдуваться! Насколько мне известно, у вас высокий тенор. А у вашей жены восхитительное колоратурное сопрано. Не она ли пела партию Королевы Ночи в прошлогодней постановке «Волшебной флейты»?

- Она играла Церлину в «Дон Жуане».

- А кем были вы? Командором или Доном Оттавио?

- Я всегда был отцом Ленина и больше никем!

- Ну, вы придумали концовку? - спросила Лиля

Лилия у него на ложе,
Лилия у него в сердце,
Да в душе тоже,
Лилия в его смерти,
Лилия в его рае,

Лиля за ним горшки убирает.

– За что ты им платишь? – спросила Лилина бабушка. Текст просто оскорбителен!

– Это – настоящая русская свадьба? – – зашептались Карл Маркс и Фридрих Энгельс. – Какая экзотическая страна, эта Россия!

– Я горжусь русским народом, – заявил Ленин. – Он создал мощную и сильную державу и защитил её от иностранных интервентов и невидимых врагов – шпионов. Я горжусь русской нацией, в которой возник самый революционный в мире рабочий класс. Я горжусь Россией, в лоне которой величайший из...

– Прекратите эту мерзость! – заорал Ретиф де ля Бретон. – И немедленно покиньте этот дом. – И он показал Ленину свои наручные часы.

– Это мой дом, – заявил Ленин.

– И он принадлежал вашим родителям, вашим дедам и прадедам? – спросил граф Клод Анри де Рувруа де Сен-Симон.

– В женитьбе исполняются желания людские! – кричал Ретиф де ля Бретон, бегая вокруг саркофага. – Не слишком ли легко? Женитьба даёт вам право на многое, включая бесконечные половые удовольствия. Ваши родители не могут же помешать вам общаться с женой ежедневно: закон на вашей стороне. Жена всегда идёт с вами в спальню, если только вы не отослали её на кухню. И ваше вожеление слабеет, становится вялым, туманным и смутным. И вы приказываете жене оставаться на кухне.

– В Мавзолее нет кухни, – заметил Ленин.

– Но жена у вас есть. Поэтому вы вынуждены будете наращивать вашу половую потенцию и сексуальную тягу к ней, отвергая лёгкое удовлетворение. Бегите! Летите ближайшим рейсом в Нью-Йорк! Если не желаете покидать свои владения, запирайтесь в ванной. Затем выпрыгните из окошка в туалете и повстречайтесь с женой в какой-нибудь таверне под вымышленным именем – чтобы сбить со следа частного сыщика, нанятого вашим отцом.

– Частного сыщика? – спросил Ленин, взглянув под саркофаг. – В России после Октябрьской революции всех сыщиков национализировали. Им теперь платит государство...

– Из-за их помех и препон ваше половое влечение будет всегда на высоте! – воскликнул Ретиф, заглядывая под саркофаг.

– А как насчёт моего влечения? – поинтересовалась Лиля. – Сколько лет этим вашим сыщикам? Или они тоже уже мертвецы?

– Вам их не увидеть, – прошептал Андропов. – Агенты незримы, – и он исчез из Лилиных мыслей.

– Я уполномочен заявить...

– А вы кто такой? – спросил Роберт Оуэн.

– Это мой гость, – заверила Лиля.

– А он вовсе не невидимка? – сказал Ленин.

– Я являюсь представителем французских энциклопедистов.

– Прошу внимания! – призвала Лиля, оглядывая собравшихся.

– Все практикующие врачи приходят к выводу, что различные симптомы ипохондрии или истеричности, от которых так ужасно страдают девы и вдовы, появляются вследствие отрешения от брака. Является также установленным фактом, что жёны, особенно те, кто счастлив в браке, не подвержены этим заболеваниям, в то время как последние широко распространены в многолюдных сообществах дев, обязанных в силу долга и положения своего сохранять девственность.

*Свят, Свят, Святой Лука!
Пусть над нами прострется
Надежду дающей десницей
Благая Твоя рука!
Разумеешь Воляпюка?*

– Здесь, в потустороннем мире следует изъясняться по-русски, – заявил какой-то бородатый. – Только по-русски. На языке Третьего Рима".

*Тебя мы приглашали!
Читал посланье наше?
А деньги получил?*

– Вы как ему деньги отправили? По почте? – спросил какой-то молодой человек. – У нас ведь в этой проклятой стране нет даже чековых книжек!

*Вестимо – любой небесной почты посланец
Не лучше любого из русских пьяниц!*

– А кредитные карточки есть здесь, в потустороннем мире?

*Ты невидим?
Ты средь нас?*

Лилина мать поставила бутылку водки на саркофаг, вытащила простынь из брачной постели и постелила её под ноги Ленину.

*Выпей водочки, зятек,
Пей её на радость сердцу!*

Только не пугай дочурку
и не три ты жёстким пальцем
Промеж нежных губ её!
Ведь она ещё не знает
О проделках гадких взрослых.

Просто поцелуй в уста
И, за белу взяв ручку,
Проведи в свои покои!

Да не суй перстов корявых
В тело хрупкое её!
Завитков не рви лобковых!
Не таскай за похотник!

Отец Ленина опустился на колени и, склонившись над простынью, попросил
дать ему лупу. «А где же кровь? Ведь – ни капли!

– Совсем забыла я о цыплятах, – сказала Лилина мать. – Прошлой ночью
посадила их на буфет и конечно же...

– Но ещё слишком рано, – сказал Берия.

– Никогда не рано пустить кровь человечку! – сказал Гитлер.

– Но никогда и не поздно пустить кровь человечку! Знаете, как надо
обращаться с девственницей? – Берия подошёл к Ленину и ущипнул его за
лопатку. – Нужно елозить по ней и вылизывать её вокруг пупка и лизать всю,
пока не доберёшься...

– Ни капли! – снова воскликнул отец Ленина.

– Полизывая и покусывая, положишь язык на неё и – ныряй-выныривай,
пока не добьёшься...

– Петуха мне! – заорал отец Ленина.

Лилия сложила простынь и передала её своей матери.

Ещё совсем не поздно!
Ни капли моей крови
Не пролилось в кровать.
Жених мой мёртвый, али
Вам это не видать?
Проверьте его пульс!
Ни сердца нет, ни чувств,
Ни вдоха, ни кровинки.
Убийца он! Убийца он!
О, мама, мама, мамочка,

*В руке у него нож!
И коль войдёт он в раж,
Что сделает с моим
Он телом дорогим?
Ведь мой упругий бюст
Пока что не обвис.
Что станется с моими
Грудями наливными?*

– Какой ещё нож? Что ты несёшь? – заверещал Ленин.
– Кушать подано! – объявила всё та же пожилая женщина.
– Ещё не поздно: ещё ни кусочка ветчинки не проглотила, сказала Лиля.
– Тебе не хочется ни есть, ни пить? – спросила Лилина мать. – А я-то думала, ты беременна.
– А не прогуляться ли нам перед обедом? – предложил отец Ленина. – Прогулка улучшает аппетит.

Агенты КГБ и солдаты стояли шеренгами вдоль всего пути свадебной процессии. Почти восемьсот партийных секретарей приветствовало новобрачных выкриками и выстрелами. Восточные мужчины и женщины, разодетые в свои экзотические национальные костюмы, выглядели особенно живописно.

По Красной площади Лилия шла под балдахином, который несли шестнадцать высокопоставленных членов зарубежных коммунистических партий.

Толпы народа, привлечённые раздачей дармовой самогонки – это было гвоздём программы – заполнили Красную площадь ещё накануне вечером. Массовое стремление лично при сём поприисутствовать свелось к естественному результату невообразимой давке: те, кто падал, уже не могли подняться, и на них накатывали неумолимые волны людского прибоа.

*Упал мой
Стаканчик
С винцом
И разбился –
Друзья
Убеждённо
Вскричали:
– На счастье!*

*Что ждёт
Новобрачных,
Коль гости
На свадьбе
Затопчут,
Притопчут,*

*Прикончат
Друг друга?*

*Лишь счастье!
Лишь счастье!*

*Удачи и благ
Жениху и невесте!
Подошли все гости,
А вам, знать, жить вечно!
Кому-то ведь должно
Гулять по Земле
По траве-мураве!*

– Почему? – спросил Самюэль Беккет. Он сунул руку в вещмешок, вынул оттуда несколько жестяных банок, опорожнил их в грязь, затем одну за другой снова упрятал в мешок, но, передумав, опять достал и разбросал единым широким жестом, будто раскидывал колоду карт. И они упали, не издав ни звука.

*Чтоб землю нашу матушку
От ворогов инопланетных.
Навеки уберечь!*

С берегов Москвы-реки грянул залп тысячи орудий, возвестивший городу, что свадебная церемония началась.

Люди ликовали и колокола звонили не только в Москве – по всей необъятной России катилось громогласное «ура».

В 7 вечера был салют из 50 орудий.

– А где же ваш отец? – спросила Лилина мать.

– Наверное, очоурился в этой давке, – ответил Ленин.

– Обед простынет, – посетовала пожилая женщина.

– А кто согреет ложе новобрачным? – спросил Володя.

– Для такого дела кандидатов с избытком, – сказал Феликс. – Ричард Третий, Генрих Восьмой. Ещё тот, кто убил царя Николая Второго... Несколько часов тому назад и Сталин был в списке.

– Так что же случилось? – спросила Лилия. – Мне лично нравятся его усы и военная форма.

– Он не нашёл бы ваше ложе. Сегодня днём он ослеп.

– Он, что, страдал от глаукомы? – спросила Лилина мать.

- Герцог Корнуэльский вырвал глаза ему? - спросил Ленин.

- Я так надеялся, что он будет шафером,- вздохнул Андрей Петрович. -
Никакой демократии в этом Потустороннем мире!

*Бокалы наполним,
За здоровье выпьем
Пары сей ясной,
Невесты невинной -
Лили прекрасной!*

*Друзья дорогие!
Возьмём вилки в руки
И пищу нежной
Утробы набъём!*

Почти полчаса Ленин был так занят пищей, которую горою навалил себе на тарелку, что не замечал ничего вокруг себя. Покончив, наконец, с едой, он поднял глаза и, взглянув на лица присутствующих, резко выделявшиеся на фоне голых стен, вдруг ощутил, что у них всех и у тех кусков мяса, что жевал и проглатывал, сидя во главе стола, есть нечто общее, а именно: они недвижны. «Или я сам им велел замолчать? - изумился он. - Или это опять проделки Сталина? Правда ли, что он ослеп? Но не оглох же... или оглох?»

Тут Феликс приоткрыл свой атташе-кейс, и невидимый хор разразился песней:

*Что не пьёте, гости дорогие?
Что не едите, гости золотые?
Что же не уважите
Дома их уютного -
Гнёздышка покойного,
Гнёздышка сокрытого,
Бархатом обитого?
Мебель-то потрясная!
Лилей лично выбрана.
Лилею Прекрасною!*

*Или жёстко наше мясо,
Как те сапоги у Кости?
Ох, не ценят милы гости
Наших кулинаров класса!*

- В самом деле, почему они так? – возник Андрей Петрович. – Ведь наш шеф-повар славится во всех южных зонах Ада.

- Как его зовут? – спросил Феликс.

- Титус Андроникус. «Повар, Вор, Его Жена, Её Любовник».

- Вы это видели?

- Знаю: вы в восторге от Питера Гриневея.

- Вора принудили съесть свою собственную жертву – любовника его жены".

- А в какой партии состоял любовник? – поинтересовался Ленин, втыкая вилку в еще один ломоть мяса.

- Он принадлежал к партии прелюбодейников, – отвечал Андрей Петрович.

- Вы тоже пожирали свои жертвы. И в данный момент на вашей вилке – часть одной из них.

Ленин уронил вилку в соусницу и зажал рот обеими руками.

- А разве он убил лишь четверть одного человеческого существа? – спросил Берия, пересчитывая куски мяса на огромном блюде.

- Четвертовал его, – сказал Пугачев.

- О, это – еще только закуска. Как говорится, чтоб «червячка затравить». Сие пиршество будет длиться еще с десяток тысяч лет.

Внемлите жениху!

Иль вы оглохли?

В глазах его

Страсть не потухла!

Иль все ослепли?

Желаю в ложе.

Колотит ложкой

По дверям спальни.

- А что невеста там глаголет? – спросила Лиля.

Невеста докучает жениху

Вопросами практичными своими:

- Не холодно ль, не узковато ль ложе?

И сколько человеческих тел в нём может

Одновременно вместе лечь валетом?

- Только двое, – ответил Володя.

- Я должна благословить их на медвежьей шкуре, – заявила Лилина мать.

- Подошёл бы обычный половик, и было б дешевле, - сказала Лилина бабушка.

- Ослепли вы? Или оглохли? - - спросил Володя, уставившись на дверь спальни.

- Я думаю, пора, - сказала Лилия. - Не будем ждать, пока он разделается со своей закуской.

Гости и родственники невесты уселись на скамью перед дверьми опочивальни. Ленин встал.

- К чему спешить? - сказал Андрей Петрович. - Как находите наше красное вино?

- Растяните удовольствие, - присоединился к нему Феликс.

Володя на руках внёс Лилию в спальню и захлопнул дверь.

- Видите ли, ваш двойник будет вас повсюду заменять до тех пор, пока роль не выучите, - пояснил Андрей Петрович. - Кстати говоря, он тоже из партии прелюбодейников.

Дружка жениха приник к замочной скважине.

Что увидишь - Расскажи,

Что увидишь - не таи

И подробно опиши,

Аккуратно и безо лжи!

Тело-то разоблачила?

Женишку его всучила?

А власы пораспустила?

Распустила, раскидала,

И они взвились, плывут

В негу томную зовут?

- Расскажу вам всё, обещаю, - заверил дружка жениха.

Нежно голову склоняет,

К его чреслам приникает...

- Что дальше, дальше-то что?

Так вы слушайте же - вот

Ваша доченька не ждёт:

Чуть приоткрывает рот.

Кончик язычка упруго

К члену шлёт лихого друга...

– Ну, а он-то что? – спросил Костя.

*Хоть медленно, но верные
Ее прикосновения
Произведут волнение.
Пока он мягковат,
Но губками слегка
Она головку нежит:
Покуда она лижет,
Как плод он набухает.*

– В самом деле, набухает?

Как сталь, он закаляется...

– Она – мне жена и дочь мне!

*Изгибая губы нежно,
Двигает туда-сюда...*

– Не обращайтесь с ней, как с проституткой!

– Что это за бредятина о том, что Лилия – его дочь? – обеспокоено спросил Андрей Петрович. – Видения, что ли, его преследуют? Привидения?

– Это моя вина, – признался Феликс.

– Вы сказали ему, что она его дочь? Внучка?

– Мне хотелось пробудить в нём отцовские чувства...

– Зачем?

– Он был отцом Революции, – вмешалась Лилина мать.

– Он забыл о любви и предался вновь революционному разгулу.

– Она – действительно моя дочь, – настаивал Ленин. – Её мать была моей любовницей.

– Какая там дочь! Какая любовница! – и Андрей Петрович подтолкнул Феликса к Ленину. – Неужели вы не понимаете, что мой помощник просто разыграл, вас? – Ленин закрыл глаза, затем широко раскрыл их и уставился на Лилину мать. – А она – его помощница и любовница. Понимаете?

Ленин вскрикнул и рухнул у двери спальни. Его похлопали по щекам и опрыскали лицо ему кока-колой. Придя в себя, он снова закричал.

– У тебя нет затычек для ушей? – спросил Андрей Петрович. – Этим хорошо. Они его не слышат. И у живого мира есть свои преимущества. Что же это мне напоминает? Ты видел «Голубого ангела»?

– Эмиль Яннингс? Его крики?

– Профессор превратился в клоуна. Кукареку! Кукареку! Кукареку!

– Он увидел Марлен Дитрих в объятиях любовника.

– Кукареку! И попытался задушить её. Кукареку!

– Она скончалась несколько месяцев тому назад.

– Какой жуткий крик! Кукареку!

– Где петух?

– А он нам ещё нужен?

Предъявите нам кровь,

Невинности кровь!

Прикончил жених

Невесты невинность?

Прорвался ли он

Сквозь девы кордон?

– Кукареку! Кукареку!

– Да, он кричит, как Эмиль Яннингс.

– Кукареку!

– И даже похож на него.

– Не удивительно, ведь он – профессиональный клоун!

– Дягилев хотел ангажировать его на роль Петрушки в одноименном балете Стравинского.

– Никто всерьёз и не принимал его в 1917-ом. Иначе бы они сумели постоять за себя.

– И за Россию.

– И за демократию.

– И за свободу.

– Кукареку! Кукареку! Кукареку!

– Шут гороховый!

– Возмутительно. Я вызову полицию.

– Разбейте об его башку яйцо! Хочу поглядеть, как оно будет стекать по его багровому носу.

– На кухне больше нет яиц.

– Пусть стечёт ему на брюхо.

– А ну-ка стащите с него портки!

– Точно – петух.

- А говорит, как Ленин. Знаете, его последняя болезнь...
- Вы перешли границы дозволенного...
- С двумя желтками!
- Кукареку! Кукареку!

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Уважаемые аджигитаторы! Приветствуем вас из нашей студии и надеемся, что вы уже приникли к экранам своих телевизоров в ожидании поучительной программы передач. Сегодня вечером вы сможете с упоением следить за успехами и промахами любимой вами героини Наташи, обвинённой в двойном убийстве: её падчерицы, бывшей на восьмом месяце беременности, и внутриутробного ребёнка, наследника её пятимиллиардного состояния. Наташа предпочитает наложить на себя руки и плывёт прямо в пасть всемирно известной акулы. Однако, в последний момент она теряет самообладание и, выскочив из воды, как ошпаренная, целый час носится по калифорнийским пляжам. В конце предыдущей серии мы оставили её обнажённую – в чём мать родила, как говорится – в объятьях окружного прокурора. Не пропустите же 156-ую серию «Красного и Белого"! А сейчас я предлагаю вам посмотреть, что происходит в пределах Ада и за ними – в так называемой «обители живых".

- Выключи! – сказал Сталин.
- А ты слышал выстрел? – спросил Берия.
- Ну, звук оставь, – согласился Сталин.

... напомнить страдающим потерей памяти, что живут они в демократическом обществе, где уважаются их свободы и личные устремленья. Наша конституция гарантирует свободу слова, а наши туристические агентства предлагают разнообразные челночные туры, включая посещение Юпитера и Марса. Вас благосклонно просят предъявлять свои номера нашим служащим...

- Никогда не разденусь перед этими типами, – проговорил Сталин.

...убедиться, что вышеупомянутые планеты находятся в области, предписанной вам нашими официальными лицами, и тем самым вас же и уберечь от неприятностей и лишения заграничного паспорта. Билеты вы можете приобрести только в свои выходные дни...

- Никогда не бывал в Америке, – сказал Сталин. «Но ты же далеко бывал, даже в Сибирь ездил, « напомнил Берия.

...скверная репутация у умирающих, которые думают лишь о том, что им придётся испытать за чертой смерти и каются, каются в грехах своих, предпочитая мёд и молоко раскалённым докрасна сковородкам и сере. Они черпают сведения главным образом из средневековых книг, не имеющих никакой научной ценности – или из рассказней так называемых пророков, кои прямо заявляют, что знают с ангелами и другими иностранными шпионами. Но мнение умирающих наверняка изменится после того, как они преставятся и предстанут у наших пограничных застав...

- Они по телевидению такого никогда еще не говорили, – сказал Сталин.
- Интересно, что же случилось... Ты что-нибудь видишь?
- Диктора, – ответил Берия.
- А что слышно от твоих информаторов?
- Никаких новостей из зарубежья.

... и Сад Эдема. Обитатели Ада любят свою страну и не сожалеют о грехах, содеянных ими в земной юдоли. Они уважают и любят Сатану, уверенно ведущего Свой корабль сквозь бури истории и прихоти Божьих настроений.

- Разве Бог – больше не персона нон грата? – изумился Берия.

... и жестокость. В период, последовавший за смертью Иисуса Христа, наши фермы и фабрики несли огромные потери; наш Вождь выдерживал непрекращающиеся атаки, инспирируемые Отцами Церкви, которые охотно повторяли любую клевету и всякие сплетни и никогда не заботились о достоверности используемой ими информации. Промышленность, транспорт и сельское хозяйство были в состоянии разрухи. Голод и полное измождение посеяли недовольство среди некоторых рабочих, которых пришлось казнить во имя процветания и растущего благосостояния всех наших граждан. Тем временем наш Вождь разработал план реорганизации нашей экономики, поставив обитателям Ада задачу гигантских масштабов, беспрецедентную по смелости, размаху и научной логике. Сатана уверенно взирал в будущее, полагаясь на наши способности осквернять священные сосуды...

- Ты там не видишь танков и парашютистов? – спросил Сталин.
- Нет, – ответил Берия.

... любит шутку и всегда смеется от души...

– Что-то там неладно, – отметил Сталин.

– Я знаю это наизусть, – сказал Берия.

– Что? – спросил Сталин.

– Биографию Сатаны.

– Учил ее в школе?

– И дома сживал над нею. «Сатана проявил отеческую заботу о здоровье и благосостоянии детей и принял специальные меры для улучшения снабжения их молоком и маслом».

... лучший друг малых и мертворожденных детей. Он проявляет отеческую заботу о правильном воспитании молодого поколения, всегда помогая...

– К чему они клонят? – спросил Сталин.

Сатана необычайно скромн в проявлении своих вкусов и привычек. Его жилище, стол и одежда совершенно простые. Ему чужда роскошь. Он носит только чернй костюм, а его брюки-дудочки коротковаты. Уже многое столетья он носит один и тот же галстук: чернй, в мелкий белй цветочек...

– Им нужна наша моральная поддержка, – гордо заключил Берия.

... превосходит Бога в понимании современности. Подобно опытному садовнику, он пестует и холит новую поросль...

– Восстание? – предположил Сталин.

– Заговор? – предположил Берия. Он встал на колени и заглянул под кровать. – Примешь участие?

Под знаменем Сатаны наш народ разобьет и уничтожит орды иностранных интервентов: ангелов, архангелов, святых, Отцов Церкви...

– Ты что-нибудь слышал? – спросил Сталин.

– Хочешь – открою окно? – и Берия растворил окно. – Слышу: танки лязгают по мостовой. Генерал...

– Какой генерал? Генералиссимус?

– Слушай!

В эти суровые времена, когда наша страна вовлечена в смертельную схватку с Богом, великий образ Сатаны воодушевляет наш героический народ на бессмертные подвиги во славу нашей матери-родины. Все как один мы встанем в строй и будем сражаться в этой Патриотической Войне против оккупантов, вероломно напавших на нашу мирную...

– Что ты там видишь?

– Генерала. А вот – два танка.

– Я так и знал, что должно что-то случиться. Ещё когда ослеп. Они же хотели вывести меня из игры.

Сатана отдыхал у себя на вилле. Но продолжал поддерживать оперативную связь с обоими мирами, живых и мёртвых, с помощью целой батареи телефонов. Они звонили круглые сутки. Старший советник Сатаны несколько дней назад уволился по собственному желанию, предвосхитив тем свое неизбежное изгнание. Он предупреждал, что религиозные фанатики собираются вместе, чтобы попытаться свести на нет завоевания сатанинской Революции.

– Заговор, – сказал Сталин.

– Восстание, – сказал Берия.

... и начальник отдела его личной охраны из КГБ вошёл в комнату. Он сообщил, что тринадцать неожиданных посетителей были пропущены в сад. Сатана снял телефонную трубку. Линия не работала. То же было и с другой, и с третьей, и со всеми следующими. Внутренняя связь тоже...

– Отлично сработано! – произнёс Берия. Снял телефонную трубку. Линия была отключена.

Сатана вызвал к себе жену и сына, и вскоре они собрались на кухне, чтобы обсудить создавшееся положение. Наш корреспондент Юрий Левитан ведёт репортаж с места событий, из кухни Сатаны:

– Я нахожусь сейчас непосредственно у того алтаря, на котором супруга нашего Вождя обычно в это время готовит для семьи вкусный обед. Но в данный момент очаг холоден. Наш Вождь занят беседой со своим сыном и наследником, который ловит каждый звук, произносимый его знаменитым отцом. Давайте прислушаемся к их разговору:

– Пойдешь со мною против Бога?

– Мой конь поскачет бок о бок с твоим в авангарде наших войск".

– В битве с таким врагом прежде всего необходимы военная дисциплина и бдительность. Отсутствие бдительности или внезапный испуг могут привести к потере всего. Выступать против Бога очень опасно. Я могу погибнуть в сражении. В школе ты, наверное, учил наизусть «Потерянный Рай – Мильтона?

– Учил.

– Холодна сегодня печь.

– А сейчас вы услышите голос супруги Сатаны – Сатанеллы.

– Пока вы будете вдали от дома сражаться против батальонов Бога, я испеку вам кулебяку.

– Что они там делают? – спросил Сталин. – Я ничего не слышу.

– Не слышишь их шагов? – спросил Берия, прибавляя звук. – Опять этот диктор.

Итак, наш Вождь вернулся в гостиную и принял делегацию, что пробралась к нему без предупреждения.

– Меня так убили, – вспомнил Берия.

...ультиматум: или он визирует указ, или передает всю полноту власти архангелу Гавриилу. Сатана справедливо заметил, что революция в Аду приведёт лишь к возврату «кровавого круга»... Поэтому он предложил сыграть партию в шахматы и решить все проблемы на шахматной доске, заявив, цитирую: «Я не

хочу, чтобы мои подданные опять умирали. Вполне достаточно им одной смерти». На что глава делегации возразил, цитирую: «Откройте ваши ворота, ваши вечные врата. И Царь Света внидет». Тогда Сатана сказал своему телохранителю, цитирую: «Охраняйте бдительно и строго ворота медные, железные решётки, внимательно следите за засовами моими, будьте начеку и за всем смотрите в оба; ибо горе нам, если войдёт Он сюда».

- Кто такой Царь Света? – спросил Сталин.
- Господь в силах и могуществе, Господь непобедимый в битве, – сказал ангел через дырку, проделанную им в потолке.
- Пойдём в уборную, – прошептал Берия.
- Почему? – прошептал Сталин.
- ЦРУ, – прошептал Берия.
- Бог собирается присвоить себе нашу территорию? – спросил Сталин, восседая на краешке раковины.
- И весь Потусторонний этот мир превратится в Сад Эдемский, – проговорил Берия, включая телевизор.
- Мы свергнем власть Сатаны.
- А разве он не наш союзник?
- Бога легче подавить. В России мы его подавили. Подавим и в Потустороннем мире.
- Каким образом? Оскверняя церкви? Или сжигая оставшиеся экземпляры Библии? Или убивая епископов и попов?
- К 1939 году из 163 епископов, действовавших в 1930-ом, только 12 оставались на свободе, – похвастался Сталин.
- Или продавая иконы марсианам?
- Сатана хитёр и коварен. А Бог наивен. Мы Его рано или поздно проведём. Кроме того, я недоволен и нашими бытовыми условиями.
- Они же разрешают нам наслаждаться в компании турецких проституток.
- Они меня ослепили.
- Ты не можешь видеть этих девочек. Но плотские желания.
- Мы посражаемся за Рай. Но жить останемся в Аду. В Раю слишком изнеженная обстановка. Его сады и плоды придуманы для ленивых.
- И легче, Рай сделать Адом, чем...

Посланцы Бога собрались на пресс-конференцию в Дворце Гармонии, который был построен к открытию первых Олимпийских Игр Мёртвых в 1982 году. Наш корреспондент Александр Невзоров ведёт репортаж из этого Дворца:

- Я веду репортаж из Императорской ложи Дворца.
- Группа невзрачных архангелов, возглавляемая Михаилом...

- А похож на Гавриила.
- А где ты встречал Гавриила? В Крыму?
- Однажды мы его арестовали. Но он сбежал из Таганской тюрьмы.

- А Господь сейчас занят установкой в центре Ада Креста, который является символом победы и останется там навеки.

- Чей это голос?
- Михаила.

- ... зоны Ада более не будут ни голыми полостями, ни сточными подземными канавами мира, но станут обширным и глубоким пространством в недрах земных, превратятся в укромные уголки, упрятанные в самое чрево её.

- Но Ад не расположен внутри земли, — заметил Берия.
- Да Ад везде, — сказал Сталин. — На земле, на Марсе, на Юпитере.
- И в этой уборной.
- Надо отсюда выбираться!
- Их танки рыскают вокруг нашего дома.

...смертельно уставший от всё продолжающейся конференции. Архангел Михаил, дав весьма неточное описание внутреннего устройства Ада и его топографии, заявил, что заговорщики готовы донести идеи Бога всем жертвам тиранического правления Сатаны и незамедлительно восстановить законность и порядок, положив конец порнографии и кровопролитию.

- Я узнаю этот голос.
- Да? Но это — уже кто-то другой, — проговорил Берия.
- Надо выбираться отсюда!
- Ленин!
- Что — Ленин?
- Выглядывает из танка.
- А почему они не стреляют? Кончились патроны?
- Он — на стороне Бога. Вылезает. Стоит на башне.
- В 1917-м он говорил с броневика.
- Надевает свою кепочку.
- И эту речь я знаю наизусть. — Сталин поднялся: «Пролетариат, прежде всего, должен свергнуть буржуазию и взять власть в свои руки, а затем,

используя эту власть — диктатуру пролетариата — как мощное классовое оружие, завоевать симпатии трудящихся и удовлетворить их экономические потребности революционным путём за счёт эксплуататоров...

— Много лет тому назад Всемогуший и коммунисты объединили свои усилия против их общего врага — богатых. Воистину, «многочисленные дома будут пусты, большие и красивые — без жителей». И отобрали мы страну у богатых и отдали её бедным. Все земли, принадлежавшие ранее помещикам, государству, церкви и прочим, не занятым трудом в сельском хозяйстве, были конфискованы безо всякой компенсации и розданы крестьянам. Земля должна принадлежать тем, кто трудится на ней своими собственными руками и кто обильно поливает её своим потом. Зажиточные крестьяне — кулаки — были ликвидированы как класс ещё в начале тридцатых годов благодаря непоколебимой революционности моего ученика и продолжателя моего дела — Иосифа Сталина.

— Я и его убил, — похвастался Сталин, усаживаясь вновь на раковину.

— ...угнетателей. Ибо сказано: «И воздаст он бедным, и спасёт он чад нужды, и разнесёт угнетателя в клочья». И мы разнесли угнетателей в клочья! И рассеялись останки их по всей земле. И эти жалкие кусочки их вы можете увидеть в наших музеях и в выставочных залах. И также — вне стен их. Весь мир теперь — музей нашей революционной страсти. И в мозгах у вас — лишь осколки того, что мы разрушили в двадцатом столетии. Мы разрушили тот старый мир, где угнетатели угнетали угнетённых. Мы строим новый лучший мир, где угнетённые угнетают угнетателей и угнетённые же угнетают самих себя. Мало убить только самих угнетателей, ибо у них — дома и дети. И мы сжигаем их дома и убиваем их отпрысков. Порою мы вынуждены уничтожать всё вплоть до домов и детей угнетённых. Они отравлены угнетателями, и потому должны быть стерты в лица земли. Мы обязаны оберегать будущее от буржуазной заразы. Мы обязаны не допускать, чтобы прошлое разрушало наше настоящее. Пршлое — враг наш, потому что живём мы в будущем. И тот, кто не живёт в будущем — враг будущего и должен быть уничтожен в настоящем. И он навсегда останется в прошлом, станет частью его. Ибо сказано: «Вот, в стыде и посрамлении останутся все, раздраженные против тебя, будут как ничто и погибнут препирающиеся с тобой». И они погибли. Только будущее непобедимо. Многие годы мы вместе с Богом боролись против общего врага и вместе построили царство, «которое вовеки не разрушится... а само будет стоять вечно». Наш коммунистический режим пребудет в веках. Так сказал Бог. Так говорим мы. Любое решение нашего правительства отражено в Библии. В 1918 году мы решили произвести реквизицию излишней крестьянской продукции. Все, кто сопротивлялся конфискации зерна представляли перед Революционным трибуналом и

расстреливались на месте. У кулаков мы отобрали не только излишки пшеницы и ржи, но и семенное зерно. Ведь сказано: «Ныне ваш избыток в восполнение их недостатка... чтоб была равномерность». И я писал тогда: «Тот, кто не желает чистосердечно и преданно помогать Красной Армии, должен быть безжалостно уничтожен». Приведу ещё один пример. Мы всегда презирали и подвергали гонениям интеллектуалов. В период с 1928 по 1931 годы была целая серия поучительных, хорошо освещаемых в средствах массовой информации судебных процессов над интеллектуалами и так называемыми спецами. Они обвинялись в саботаже.

– По этому поводу и я писал: «Разруха, учиняемая буржуазной интеллигенцией, есть одна из самых пасных форм сопротивления развитию социализма, – проговорил Сталин, придвигаясь поближе к телевизору.

– ...их освистывали на лекциях. «Ибо написано: «погублю мудрость мудрецов, и разум разумных отвергну». Где мудрец? где книжник? где совопросник века сего? Не обратил ли Бог мудрость мира сего в безумие? – И в самом деле, где их писания? где эти радетели? где интеллектуалы и спецы? В октябре 1917-го я превратил в ничто все домыслы осмотрительных. Я писал: «Большевики должны взять власть немедленно. Промедление есть преступление против Революции». Каменев и Зиновьев пошли против партии, возражая против какого бы то ни было вооружённого восстания в октябре или в ноябре. Они считали, что незамедлительное выступление скомпрометирует Революцию. Они были излишне осмотрительны, и я заклеил их как предателей.

– А сколько времени сейчас? – спросил Сталин, беспокойно заерзав.

– ... до смерти надоело. Ленин продолжал в том же духе еще с полчаса...

– Диктор и пара офицеров, – сообщил Берия.

– Слышу голос Сатаны.

– Выступает с балкона. Твой небоскреб! Сатана в Москве!

– ...внимание на то, что Ленин говорил вам! Он – ваш заклятый враг. Он думает, что религия возникает из-за угнетения трудящихся масс, из-за их беспомощности перед слепыми силами капитализма. Выражение Маркса – «Религия – опиум для народа» – он усовершенствовал, назвав религию сивухой. В январе 1918-го патриарх Тихон предал большевиков анафеме. Он призвал всех верующих сплотиться воедино и оказать сопротивление коммунистическим выскочкам.

– Первые станут последними, а последние первыми – процитировал Сталин.

– ... сравнение Библии с советской историей неуместны. Библия всех охватила. В ней говорится даже о крови, пролитой большевиками в Советском Союзе и в других странах.

– Во всеуслышание Патриарх всея Руси назвал меня «Отче Наш», – сказал Сталин.

– Сатана и сын его – живодеры. Они – эксплуататоры, кровопийцы...

– Опять Ленин, "– сказал Берия.

– ... эти пауки разжирили за счёт крестьян и рабочих – наших отцов и матерей, наших братьев и сестёр! Эти пиявки выпили кровь...

– Он перепутал дьяволов с вампирами, – заметил Берия.

Сталин отвалился от раковины и наощупь нашёл ухо Берии:

– Ты когда-нибудь пил человеческую кровь?

– А ты?

– Случалось. Но она не лучше грузинского вина".

– Не оскверняйте чести русского оружия, не орошайте его кровью своего же народа, кровью ваших умерших друзей и близких, кровью предков ваших, кровью Достоевского и Толстого...

– Снова Сатана.

– И Толстой – в Аду? – спросил Сталин. – Он же верил в Бога?

– Он был отлучён. А Достоевский обожал азартные игры.

– Записались в армию Сатаны или состоят в каком-нибудь партизанском отряде?

– Один танк врезался в баррикаду из автобусов.

– Они стреляют? Почему они не стреляют? Ленина уже убили?

– Они набрасывают на танки брезент.

– Для чего?

– Для того, чтобы водители танков не видели.

– И я уже не вижу. Мне бы – в танк!

– Умеешь управлять танком?

– Даже автомобилем не умею.

– Керенский нас мог бы подвезти.

– Мы с ним три недели как в ссоре.

– А как насчёт велосипеда?

– Среди танков и баррикад? Я лучше бы пошёл пешком.

– А Москва откуда далеко?

– В двух часах езды на машине.

– Так было неделю назад.

- Но мы ведь - в том же самом доме, или нет?
- Нет.
- Но ты-то дома не видишь, или видишь?
- Я чувствую. Здесь - другой воздух.
- Ты имеешь в виду запах.
- Воздух. Надо сматываться отсюда. Где мой пёс?
- Я буду твоим псом.

Они вышли, и воздух мгновенно изменился. Сталин потянул носом и сразу узнал его.

- Неделю назад мы были в этом дворе.
- Это - не двор.
- А что?
- Дорога.
- Пойдём по дороге.
- Куда?
- В штаб-квартиру Сатаны.
- Можешь танки учуять?
- Учують?
- Как земля под ними дрожит...
- Нет. А ты?
- Ни одного не вижу.
- Они же - в Москве. На берегу Москвы-реки.
- Шагай осторожно.
- А, что, тут - лестница? Мы - во Дворце правосудия?
- Мы - в замке.
- В каком таком замке?
- Мы были здесь в прошлом году.
- Дорога привела нас к замку?
- Там было ответвление от главной магистрали...
- Зачем же ты пошёл не тем путём?
- Думал - тебе охота посетить замок.
- А Сатана здесь?
- Нет.
- А его приверженцы стоят уже лагерем вокруг рва с водой?
- Нет. Но мне говорили, что каждый стремится добраться до этого замка.
- А трон Божий здесь? Где тронный зал?
- Кого мы с тобой ищем - Бога или Сатану?
- Не всё ли равно? Разве они - не одно и то же, словно сиамские близнецы?
- Один мужчина или женщина одна.
- Здесь темно?
- В соседнем зале горит свеча.
- Пошли отсюда!

Мавзолей — чернее ночи, что окутывает город траурными одеяньями скорбящей женщины. Мавзолей — чернее тьмы и лишь вблизи можно различить его очертания, постичь его громаду и узреть нездешнее мерцанье мраморных глыб, чей хладный пламень известен всем и всех страшит, пугая даже привидения тех неисчислимых жертв, что были казнены на Красной площади. Мавзолей печётся о теле, что покоится в его стенах и часто бродит по его коридорам, сотрясая пол и потолок с такою силой, что часы у дверей роняют свои ружья, от испуга руками зажимают уши, удирают прочь. И погибают как дезертиры под пулями специальных взводов. Побродив по Мавзолею, ложится тело снова в саркофаг: оно утомлено и не вполне ещё пришло в себя после Революции и Гражданской войны, когда оно напрягалось и перекорёживалось, стараясь мир перевернуть вверх дном. И мир перевернулся вверх тормашками, в конце концов; человеческие головы поисчезали куда-то вниз и там мотались и болтали что-то, в то время как людские ноги, нижние конечности людей, оказались на виду, на высоте, и пустились вышагивать в неумолимом марше к горизонту, который непрерывно отступал, удалялся. Те ноги на своём пути сметали всё и скоро в мире не осталось ничего, кроме живых джунглей из нижних конечностей; пересекать те заросли никто не мог решиться, боясь запутаться и заблудиться навсегда.

Кичась тем телом, Мавзолей защищает его от стужи и жары, от убийц и хулиганов, от микробов и распада. Мавзолею страшно оставаться пустым и он горюет, когда тело покидает его и ночует в обыкновенных домах, населённых обывателями, которые не соблюдают должной тишины в присутствии тела и громко разговаривают при нём, не осознавая его важности и неповторимости. И саркофаг одиноко тоскует в отсутствие тела и только тешит себя мыслью, что вне Мавзолея ничто не дарит комфорт мертвецам.

Так что и Мавзолей, и саркофаг знают безусловно: как бы долго не блуждало где-то тело, оно непременно вернётся в родные пенаты и заполнит пустоту своими шагами и вскриками. И ещё им известно, что тело не бывает слишком далеко от них, ибо оно самую пуповиной связано с Мавзолеем.

Мир продолжает творить свою историю; и выстрелы звучат, и танки грохочут вдоль улиц, и люди ложатся на мостовые принося жизнь в жертву неподвижности и тишине. Тело страшится шальных пуль и подростков. Зачем же душа тела бродит по городу, а не спит, не дремлет, не храпит? Что же она все вопит, заставляя своих подчинённых раболепствовать и ползать на карачках перед ней? Почему так много душа марширует по Москве? Что это — шоу, какая-нибудь выставка? Или в России кто-то снимает очередной фильм ужасов? Преданный Лилей и свадебными гостями, среди которых были и родной отец, и

некоторые его верные последователи, Ленин теперь верен Мавзолею, на который вполне можно положиться и во время ночных кошмаров и в часы бдения. И сквозь мраморные глыбы к нему, казалось, теперь не проникают ни переменчивые настроения Бога, ни насмешки ангелов, играющих в кости на крыше Мавзолея; даже отголоски песен и лицемерных приветствий звучат сейчас так тихо, что он слышит лишь успокаивающий, всё заполняющий собою один голос.

— Мама, — произносит Ленин, протягивая руку и отверзая рот, будто ожидая конфетки.

— Спи, спи, — говорит мать.

— Не пускай её ко мне, мама.

— Её нет и не будет. Она уж больше не предаст тебя.

— Она предала меня?

— Забудь её! Отзвук голоса её умолк вдали. Или ты его ещё слышишь?

— Слышу.

— Это ты мой голос слышишь. Разве не видишь, кто я?

— Я ничего не вижу вообще.

— Но ты же не слепой. Открой глаза.

Ленин открывает глаза и видит, как мать кладёт ему на лоб полотенце, смоченное холодной водой.

— Я болен, мама?

— Ничего особенного. Просто озноб.

— Кто-нибудь в меня стрелял? Я ранен?

— Спи, спи.

— Я был на митинге в окрестностях Петербурга. Кто-то заметил кавалеристов, обычно разгоняющих демонстрации, и закричал: «Казаки!» Я бросился бежать. Испугался, что убьют. Хотел сберечь свой мозг для Революции. Прыгая через балюстраду, потерял и котелок, и трость. Потом упал, а когда поднялся, она стала кричать мне в спину: «Я-то думала, что ты герой! А ты, оказывается, трус! Ты страшный и противный! Ты — лысый! Твой голый черепок потеет! Блестит на солнце. Твои брюки слишком коротки! И галстук у тебя всмятку!»...

— У тебя просто — длинные ноги, и ты в праве ими гордиться. Женщины поэтому завидуют тебе, а мужчины злятся.

— Из-за моих ног?

— Конечно. Ты в этом сомневался?

— Отрубить бы эти ноги! Лучше жить в кресле-каталке, чем сносить их ненависть и издёвки. А Бог, что, тоже завидует мне? Меня ведь больше, чем Его, чтут в этой стране и во всей Восточной Европе. Они же не Его, а меня поместили в Мавзолей!

— Бог отказался бы ступить в него. Ему не нужны людские гробницы.

— За что она меня так ненавидит? За что смеётся надо мною?

— Ты слышишь до сих пор её голос?

— Я повсюду её вижу. Никогда не прощу им! Эту свадьбу... Ты знаешь, что они там вытворяли?

— Ты женился, Володя? Поздравляю! Жаль, что не смогла приехать. Я тогда хворала.

— У меня нет жены! Я разведусь с ней!

— Ты никогда не сможешь аннулировать свой брак. Папа Римский...

Нет обручального кольца. Спрятал под подушку? Быть может, потерял. Корону тоже потерял. Во времена минувшие я был царём. Пирром. Одержал победу. Где же моё кольцо? Драконом был. Зигфрид. Володя. Он — ещё в спальне? В конце концов, это — моя свадьба. Всё знаю наизусть. Мои песни, мои поцелуи. Она — не дочь мне. Не родня. Жена, возможно. «Не нравится мне твоя рыжая бородёнка и твои брючки. Ненавижу твои монгольские скулы. Ты — не герой. Почему не бросился на казаков? Где меч твой? Почему не убил дракона? Трус! Трус!» Да, я — не герой. Но я победил. А героев убивают. И враги мои все погибли! Их ради меня убивали другие. Какой-то француз сказал, что я был мыслящей гильотиной. В начале столетия я думал о многом. Всё время мыслил. Я — величайший мыслитель во вселенной. Я мыслю, следовательно другие не существуют. О чём я думаю сейчас? Отомсти за себя! Бог это все придумал и организовал. Больше никто не способен состряпать подобную махинацию. Она — женщина. Андрей Петрович — посланец Бога и Его помощник. Он был там. Подстрекал их. Я был посмешищем для всех. Клоуном Андрея Петровича. Лилиным клоуном. Клоуном Бога. Несу ли я ответственность за то, что сделал? Афиши в Петрограде. Россия — не морская свинка для опытов — Ленина над нею. А сам я — не морская ль свинка для Бога? Ужели Ему скучно в Его бесконечности и извечности? Не ради ли своей забавы Он Россию создал? И Лилию сотворил, чтоб покарать меня? И нет у неё своей жизни. Просто мой палач. Моя палачиха. Моя гильотина. И своих мыслей нет у неё. Это Бог действует через неё. А как с моими мыслями и деяниями? Клоун Бога. А сколько всего у него клоунов? Нижинский, Ленин, вся Россия. 200.000.000 клоунов. Я преуменьшил их число. Бог рассердился на меня. Сломал некоторое количество Его игрушек. Голоса, голоса. Что они здесь делают? Или эхо? Иль атмосфера до сей поры оглашается звуками Революции? На земле исключительная акустика. Для убийств. Я выполнял приказы, Его приказы. За что же мне такое наказание? Несправедливо. А против несправедливости существует только одно средство, как и против всего остального. Даже против цирроза печени. Убийство. Военный переворот. Послать к Богу делегацию? Заставить Его подписать декрет? Какой декрет? Надо перерезать ему все телефонные провода. Ножницами. Где линия внутренней связи? Во рву? В подземных ходах? Ножницы. Костя арестует нескольких архангелов. А наручники у него есть? Костя когда-нибудь меня предавал? И часто ли беседует он с Богом? Танки, танки. Танковые дивизионы, катящие по степям от Казахстана до Кавказа. От Рая до Ада.

— Ну, как вы сегодня? — спросил Андрей Петрович.

— Ещё недельку или пару... — заметил Феликс.

— Не признаёте свою жену? — и Андрей Петрович извлёк откуда-то книгу.

— Лилия. Её имя появляется в последней главе вашей биографии.

— Он начал бракоразводный процесс.

– В самом деле? Не хотите иметь сына или дочь? Плоть от плоти и кровь от крови вашей? Малюсенькое существо...

– Хотите, чтобы они родились внебрачными? – Феликс посмотрел на Лилю.

– Возжелав иметь детей, мужчина впадает в своеобразный транс, размягчаясь и поддаваясь радостям воспроизведения себе подобных, как во сне; нечто, извлечённое из плоти его, из его тела, формируется в другого человека. Ибо гармония тел, растревоженная объятьями любви...

– Нас объятия не тревожат, а возвышают, – вмешалась Лиля.

– ... и все ответственные за воспроизводство части крови, связанные непосредственно с костным мозгом, стекаются воедино, подобно сжиженному костяку, из всех членов тела и, соединяясь, образуют пенистую массу, которая свёртывается...

– Как шампанское, – прибавила Лиля.

– Как йогурт, – поправил Феликс.

– ... и истекает через органы воспроизводства в живую плоть женской особи...

– Из мёртвой плоти мужской особи, – дополнил Костя.

– ... так что отец вновь может быть явлен в сыне своём.

– Или в дочери, – сказала Лиля.

– Ты – не дочь мне! – возразил Ленин.

– Да будут брачные отношения в почёте не только среди молодых, но среди тех, кто в летах...

– И среди мёртвых, – продолжил Костя.

– ... дабы жгучая похоть не стала терзать нашу церковь, подобно моровой язве, проявляясь в распутстве и прелюбодеяниях. Ибо Бог более всех других грехов ненавидит злой сатанизм прелюбодеяния, поелику он разрушает не только того, кто грешит им, но и тех, кто делит трапезу и общается с грешником. Воистину подобен грех сей бешеной собаке, и он передаётся от одного к другому споро, как при причастии безумием самим.

– А мы его приглашали на чай. И он съел у нас целых два куска пирога с вишней, – заметила Лилина мать.

– Три куска, – поправила Лиля.

– Как муж, посеявший семя в благодатную почву, ожидает урожая и больше уж не пашет свой надел, так мы обязаны вести себя: зачатие детей должно быть мерою, сдерживающей наши плотские аппетиты, – продолжал Андрей Петрович.

– Протестую, – заявила Лиля.

– Танки, – сказал Ленин.

– Опять? – спросил Феликс. – Снова путч?

– Заприте дверь, – проговорил Андрей Петрович. – Ну, собственно, всё. Тема брака исчерпана.

– Вы о Гегеле забыли, – напомнил Феликс.

– Он пришёл с женой?

– Она у нас в родильном доме.

Гегель приблизился к саркофагу и развернул лист бумаги.

– Жена ваша есть объект вашей бережливости и хранилище вашего семени, необходимого для воспроизводства вашего потомства, коему вы и доверите ответственное дело – нести факел вашей Wille в грядущем.

– Похож на Гегеля, а говорит, как Шопенгауэр, – отметил Андрей Петрович.

– Ему очень нравится Шопенгауэр, – объяснил Феликс. Как подарок ко дню рождения...

– Кроме того, супруга призвана целить ваш дух, который, несмотря на славу вашу и богатство, страдает от психического недуга, именуемого на современном профессиональном языке «le mal de vivre». Жене вашей дарована способность согласовывать аутентичную внутреннюю сущность с вашим отношением к внешнему миру, находящемуся перед вами, позади вас, слева от вас, справа от вас; она также будет стараться привлечь ваше внимание к духовному миру, распростёртому над вами, подобно куполу. Я уверен, что того количества любви, что вы бережно храните и лелеете в своей груди, будет вполне достаточно, чтобы постоянно снабжать вашу супругу средствами производства, необходимыми в её труде. Брак есть первая и самая главная из религиозных уз, коя наиболее удачно дополняет чувство любви, ибо, дабы стать полной и благотворной, любовь нуждается в чём-то ещё более возвышенном, чем она является сама по себе, в себе и чрез себя. Полное удовлетворение вашего эго, в просторечии называемое «счастьем», не может быть достигнуто вне религии и без чувства долга, ибо только с помощью религии и постоянно ощущая чувство долга вы сможете успешно избавить от всех специфических особенностей свою преходящую сущность, которая в сей момент так неуклюже развалилась в некоем подобии саркофага, не лишённого геометрических достоинств.

– А вот теперь он и говорит, и выглядит, как Гегель, – сказал Андрей Петрович.

– И любит он, как Гегель, – добавила Лиля.

– Ваша временная сущность – прославляема и боготворима. Тем не менее, у нее есть тенденция расшатывать устои вашего разума и вносить разлад в вашу реальность. В некотором смысле, всякая реальность – как бы «незавершенна» – и не может рассматриваться как окончательная версия космической оратории.

– И разум Ленина такой же незавершённый, – посетовал Андрей Петрович.
– Вы знаете, что одно полушарие его мозга совсем усохло и никогда не функционировало?

– Сифилис? – предположил Костя.

– Врождённая идиотия? – предположила Лилина мать.

– Тем не менее, именно в реальности, то есть в том, что перед вами, позади вас, слева от вас, справа от вас, и пребывает так называемое земное счастье.

Ленин был большим поклонником Гегеля, хотя и не сходились они в некоторых деталях. Он слушал речь Гегеля внимательно и несколько раз даже согласно покивал – из вежливости и чувства уважения. Но делал это почти

машинально: мысли его где-то витали. И они не были ни перед ним, ни позади него. Они были над ним. Уселись у него на темени. Думал о Боге.

Он изыскивал извинения и оправдания тому путчу, который был намерен возглавить в Аду и в преддверье Ада – в Москве. Какое же деяние Бога он счёл подходящим для нападения? С детства он не читал Библию и потому должен был полностью положиться на память, на собственные мысленные образы. Вспомнил о Древе Познания и удовлетворённо ухмыльнулся про себя: и этой толики информации было достаточно, чтобы погнать коммунистов на штурм райских чертогов, вдохновить их на захват Сада Эдема и конфискацию плодов просвещения и ягод познания.

Бог запретил нам рвать яблоки с Древа Познания, ибо вознамерился поработить нас, пользуясь нашими невежеством и безграмотностью. Но мы проникли в тайны вселенной и познали, что мир суть материя в движении и что природа существовала до появления человека, и будет существовать после его исчезновения. Даже после моей смерти цветы ведь цветут. И ещё мы выяснили, что всё существует объективно, помимо нашего сознания, за пределами его – так сказать, в Потустороннем мире. Наши открытия привели Бога в неистовство, и Он изгнал нас из Сада Эдема, прославившегося своими фруктами и овощами. Ныне же в связи с критическим положением в деле снабжения населения продовольствием, перед угрозой всеобщего голода, вызванной спекуляциями и саботажем капиталистов и бюрократов, равно как и предшествовавшим хаосом, необходимо принять экстраординарные революционные меры и немедленно завладеть всем, чем можно завладеть.

– Агенты вашего бывшего КГБ не оправдывают своей репутации, – попенял Ленину Андрей Петрович.

– Они же – мёртвые, – вставил Костя. – Опустились.

– Да и живые-то они, в добром здравии, во время последнего путча вели себя довольно вяло, – сказал Феликс. – Более того, имеются сведения, что один генерал и двадцать высших офицеров вообще сбежали.

– Преобразования, происшедшие в Советском Союзе за последние несколько лет, повлияли на КГБ, как и на всё остальное, – рассудил Андрей Петрович.

– Неужели и на наше КГБ влияет то, что происходит на земле? – недоверчиво спросил Костя.

– Что наверху, то и внизу. Происходящее на земле должно произойти и в Аду, и в Раю.

– Современная техника, – пояснил Феликс. – Телевидение, телефон, сверхзвуковые самолёты, спутники связи... Мир в двадцатом столетии стал меньше. И Ад теперь не далёк от Рая – рукой подать.

– Разве Потусторонний мир не безграничен в пространстве и времени? – спросил Гегель.

– Почему ты бросила меня, желанная моя? – с этими словами Володя схватил Лилину ручку и принялся покрывать её поцелуями.

– Вечность подчинена Времени. Ваша свадьба закончилась, – назидательно произнёс Феликс. – Вы великолепно справились со своей ролью и удостоились

высоких похвал наших театральных критиков. Однако, отныне ваша невеста – жена Ленина.

– Я люблю её! Я даже написал стихотворение, посвящённое нашей любви.

Как ты сжимаешься, когда я прижимаю,
И страсть во мне вскипает, поднимаясь снизу,
Трясёт, рыча и ухая, мне тело. Изнываю!
И бьёшься ты, небесное создание! Истекаю.
Когда уж, кажется, совсем иссяк, и надеваю ризу,
Вновь крепнет плоть моя, и вождельням тризну
Справлять не собираюсь...

– Он, правда, великолепно справился со своей ролью, – согласилась Лиля. – Можно, он будет моим любовником? Революционеры ведь всегда были за свободную любовь и даже отстаивали ее как прототип...

– Женщины, склонные к прелюбодеяниям, – заговорил Андрей Петрович.

– Готовы даже к убийству своих мужей.

– И не на один, не на два, а на добрый десяток тысяч убийств они могут осмелиться. И такому трагическому ходу событий свидетельств предостаточно. Ибо такова уж природа распутства.

– Вы хотите, чтоб я убила Ленина? – спросила Лилия.

– Люблю её. Люблю её тело, люблю жестокость. Люблю все её штучки-дрючки. С ней моя жизнь стала поэмой. Без неё я – как ветряная мельница без ветра, как Дон Кихот без ветряных мельниц или как Сервантес, не способный «Дон Кихота» написать. Я бы оглох и онемел, не будь её речей и песен. Её ласки мою кожу греют. Тело моё – неоконченная симфония, сердце моё, словно усечённый конус...

– Только через мой труп! – закричал Ленин.

– Зачем вы отдали её за этого мясника, за этого невежду? При жизни он ведь никогда не ходил ни на концерты, ни в театры. Даже теперь он способен рассуждать лишь на единственную тему: «Революция». Он же ничем больше не интересуется и ничего интересного не может сказать ни о чём.

– Он будет её смешить, – сказал Андрей Петрович.

– У нас дома будет свой цирк и собственный театр, – вступила Лилина мать.

– Он был блестящим Ричардом III, – сообщил Феликс. – Только у него вместо «Всё царство своё за коня отдаю!» всегда само собой выходило: «Всю кобылу свою за царство даю!»

– И он получил царство. Так, ни за что, – сказал Андрей Петрович.

В этот момент обсуждение было прервано появлением посланца Сатаны; он вручил Андрею Петровичу лист бумаги, в центре которого чёрными чернилами был начертан крест.

– Символ капитуляции? – спросил Андрей Петрович.

– Да, – отвечал посланец.

– Так скоро?

– У вас всемогущие танки.

– Не танки, а наши идеи.

– Не ваши, Ленина идеи. Он говорил с ними. Выступил с речью.

– Кто? Бог?

– Ленин.

– О Новой Духовной Политике?

– Я болен, – заговорил Ленин. – Месяц уже никуда не выхожу. И говорить я буду только в присутствии моего адвоката.

– У него есть адвокат? – удивился Феликс.

– Он заявил, что они с Богом – союзники. Сказал, что в прошлый выходной Бог приглашал его на обед.

– Ещё один Ленин, – проговорил Феликс.

– Как они размножаются? Клеточным делением? – поинтересовался Андрей Петрович.

– Он же – девственник. Ни разу ни с кем не переспал. Даже с женой, – вступился Костя.

– Я бы отклонил такое приглашение, – решительно произнёс Ленин.

– Вас никто не приглашал, – съязвила Лилина мать.

– Я Богу руки б не подал. Его руки испачканы кровью рабочих. Это Он создал феодализм, капитализм, рабство, крепостничество и попустительствовал...

– А как насчет свободы воли? – спросил Андрей Петрович. – Свободы вашей воли, к примеру? Вы казаков боитесь, а восстаете против Бога. Уж не доказательство ли это Его милосердия и снисходительности? Ленин вас давно уже приговорил бы к смертной казни.

– Я никогда не подпишу перемирия с Богом. Никогда не прощу Ему шуточек над моими отцовскими чувствами. – Душа Ленина покинула его брненное тело и подошла к посланцу. Тот отковырял ей. – Вы сделали все, чтобы помочь своему Господину? Недостаточно подорвать изнутри режим Бога. Нам надлежит с корнями выкорчевать его и полностью разрушить.

– Но как? – спросил посланец.

– Вызовем такси. Это далеко отсюда? Летать умеете?

– Рукой подать, – сказал Феликс.

Андрей Петрович потянулся к телефону и снял трубку.

Что выставлено в Мавзолее? Тело мое, а не душа. Что забальзамировали после моей смерти? Что я должен уберечь от вечного огня? Душа болит. Душа влюбляется. Пусть ее убьют! Она не нужна. Кто боится нематериальной субстанции? Можно ли напугать людей нематериальным пистолетом? Нематериальные пули разве дырявят сердца людей? Кто-нибудь подчиняется нематериальным приказам? Махисты и фашисты пытались опровергнуть материализм с помощью «неопозитивизма», «философии современной натуральной школы» и тому подобного. Рассматривая мир как «комплекс ощущений», они, в действительности, просто повторяли устаревшие взгляды субъективных идеалистов. Моя душа – комплекс ощущений. Слова и бомбы у меня в уме. В моем уме они намного эффективней, ибо у моего ума тесные контакты с моим телом. Он связан с телом посредством жил и мускулов. Бомбы из ума соскальзывают в тело по системе трубопроводов, и мои руки мечут их во врагов.

Ленин всё время проводил в Мавзолее и уходил лишь иногда – если жене в очередной раз приспичивало вытащить супруга к своим высокообразованным друзьям, которые постоянно насмехались над его внешностью и нередко награждали пощёчинами. Лёжа в саркофаге, он непрестанно глазел в потолок и не смежал век даже в демонстрационные часы; и оттого туристы исподволь склонялись к мнению, что он всё ещё жив, но только очень болен. В подтверждение этой гипотезы объявились и зловещие признаки: он стал бледнее, чем раньше, и перестал спонтанно бубнить.

Всё это напомнило его друзьям последнюю прижизненную болезнь, в течение которой бывали столь тяжёлые приступы, что он даже требовал у своей сиделки цианистый калий или мышьяк. Но она ничего ему не дала, и он продолжал тяжело страдать, кусая губы и неотрывно глядя на канделябр, доставшийся от какого-то расстрелянного дворянина.

– В 1922 году его пригласили на международную конференцию в Геную. Ллойд Джордж собственноручно написал ему письмо, в котором уверял, что его личное участие весьма желательно, ибо может привести к достижению экономического равновесия в Европе. Накануне отъезда...

- У него случился удар. Парализовало правую сторону руку и ногу.
- И он утратил способность членораздельно говорить.
- Другам запретили вести с ним беседы на политические темы.
- Да он и не мог беседовать.
- Забыл свой родной язык
- Будь добр, скажи нам что-нибудь по-русски.

Ленин произнёс несколько слогов по-русски, потом по-немецки, и ему облобызали руки и с воодушевлением поздравили.

Одним из первых уединение Ленина нарушил Сталин. У него восстановилось зрение, и он теперь зыркал взглядом вокруг себя гораздо чаще, чем прежде.

– Тебе повезло. Можешь немножко отдохнуть от непрерывных тяжёлых сражений. Даже посвежел! – разразился Сталин комплиментами столь громогласно, что Ленин достал откуда-то из-за головы затычки для ушей. – Но пока ещё видно, что перетрудился и устал.

– Оставь меня.

– На этот раз тебя не парализовало?

– Уйди.

Ленину не давали газет. И потому он всё время вычитывал что-то из тех немногих книг, что ему предоставили; подчёркивал слова и выражения, бормотал метафоры и понравившиеся мысли. Ощущая пустоту в самой сердцевине своего эго, он, чтобы её хоть чем-то заполнить, порою глубоко вздыхал.

Зашёл к нему и Андрей Петрович.

– В течение нескольких часов в день вы можете принимать своих коллег и заниматься делами. Была у вас сегодня философская беседа с Лао-Цзы? Всё ещё сердитесь на меня? Но я должен был поступить именно так. Полагаю, следует всё объяснить вам. *Noblesse oblige*. Гласность – тем более. Сначала я не возражал против того, чтобы вы наслаждались всеми преимуществами свободы воли. У нас было очень много возможностей и предостаточно благоприятных обстоятельств, чтобы изловить вашу душу. Пользуясь тем, что наши компьютеры вышли из строя, она по ночам, когда вы спали, бродила здесь по округе. Скажите, по утрам у вас часто болела голова?

– Часто.

– Потому что душа ваша уставала после ночных походов. Теперь голова не болит, не правда ли? Она же продиралась сквозь толпы других душ.

– Они, что, все по ночам странствуют?

– Воздушный трафик весьма уплотнился. Уж очень много трупов накопилось за всю историю человечества.

– А ночной поезд для душ существует?

– И ночной поезд, и много ночных авиарейсов.

– Почему вы её арестовали?

– Ваша душа беспрестанно побуждала население к гражданскому неповиновению, но мы решили не обращать внимания на её губительные наклонности. Мы даже помогали вам удерживать её в теле. В день отбытия Сталина из Мавзолея мы заткнули вам ноздри замшей, дабы помешать ей последовать за вашим дружкой.

– Она бы и сама не пошла.

– Каждый раз, когда мы слышали комариное зуденье её крылышек, мы загоняли её обратно вам в затылочную часть. Однажды мы её буквально схватили за ногу, когда она уже почти нырнула в свечение, отбрасываемое душами мёртвых.

– Лунное?

– Сумеречное. Души мёртвых входят в преисподнюю и выходят из неё...

– За что вы её арестовали?

– Разве с Гермесом Трисмегистом не говорили прошлой ночью? То, что пребывает вне, пребывает и внутри. Убив Ельцина, вы бы произвели полный беспорядок в моих бумагах.

– Ельцина?

– В недавнем интервью он говорил: «Они жестоко ошиблись, не застрелив меня в то утро».

– В чём ещё вы её обвиняете?

– Мы должны наказывать не только виноватых. Как говаривал ваш Комиссар юстиции. Казнь невинного действует на массы даже больше.

– Неужели?

– Кроме всего прочего, ваша душа лезла даже в мои частные дела и однажды выкрала у меня секретные планы и пару тысяч долларов.

– Где же они теперь? Моей жене очень нужны доллары.

– Их конфисковали...

– Дайте их моей жене!

– Боюсь, что это не подлежит обсуждению, – сказал Андрей Петрович. – Обвинения, выдвинутые против вашей души, были такие всеокрушающие и неопровержимые, что...

– Всесокрушающие?

– Знаете, что мы обнаружили внутри у неё? Для этого не понадобилось даже микроскопа, – Андрей Петрович положил на живот Ленину четыре листа. Почитайте сами.

Ленин сел, сунул руку под подушку и сокрушённо произнёс:

– Раздавил свои последние очки.

– Возьмите мои.

Все надежды на мирное развитие Потустороннего мира исчезли без следа. Объективная ситуация такова: либо полный триумф диктатуры Бога, либо окончательная победа рабочих в решительной борьбе.

Я многое могу рассказать вам о Ельцине. Почему вы не консультируетесь со мной? У меня великолепный слух и я летаю дальше и быстрее, чем материальные объекты. Ельцин подписал декрет о приостановлении деятельности Коммунистической партии России. Он развалил Советский Союз и почти полностью расформировал КГБ. В январе 1992 года были введены свободные рыночные цены. В прошлом году произошёл путч. Москвичи заблокировали здание, где работал его штат, и танки не прошли.

Мы можем выступить одновременно в трёх местах: в Санкт-Петербурге, в Москве и на Балтийском флоте.

Цель восстания захват власти. Политические и духовные цели прояснятся после того, как власть будет взята.

Ленин положил листы поверх одеяла и откинулся на подушку. Андрей Петрович забрал свои очки и открыл атташе-кейс. – Где вы её держите? – спросил Ленин.

– Вашу душу? Ее сейчас перевоспитывают. Пагубное влияние вашего тела и ума...

– В «Архипелаге ГУЛАГ?»

– На Ривьере. Она живёт теперь в пятизвёздочном отеле и загорает на частном пляже. Разве вы не получили от неё открытку?

– Какую открытку?

– Рождественскую. Она послала вам ещё и фотографию отеля и книгу.

– Какую книгу? «О положении рабочего класса в Англии»?

– Выглядит она совершенно безобидной. Даже без грима. Очень довольна занятиями шейпингом...

– Кто я теперь? – спросил Ленин.

– Простите, не понял.

Ленин отвернулся к стене, и листы упали с одеяла на пол.

– Она сегодня придёт?

– Кто, ваша жена? Откуда мне знать.

– Вы всё знаете.

– Придёт после полуночи.

– Я уже буду спать.

– Не будете.

Андрей Петрович уложил очки в атташе-кейс, закрыл его и вышел. И тишина стала растекаться, уподобляясь той пустоте, которую Ленин недавно стал ощущать повсюду. Тишина отвечала его желанию остаться одному в Потустороннем мире, агрессивность и чудовищная враждебность коего были сродни тем порядкам, которые он, Ленин, установил на заре Советской власти, потрясая весь мир и всё живое в нём. Но об уходе Андрея Петровича он пожалел: уже не сможет увильнуть от вопросов жены, касающихся только денег – неизбежной темы всех их разговоров в течение почти целого года.

Ленин изумлялся, как сильно влияла на жену её бабушка, которая, колеся теперь по квартире на новехоньком электрическом кресле-каталке, то и дело вопила из ванной, из окна, ещё откуда-то: «Продай его мозги!», «Продай его тело!», «Продай его пиджаму!», «Продай его Мавзолей!»

– Неплохая идея! Можем продать твои мозги, твои...

– Мозг мой давно уже по частям разобрали. Почему бы тебе не подойти поближе к постели?

– Эксклюзивное интервью для какого-нибудь западного журнала... Или ещё лучше – книга. Почему бы тебе не написать мемуары и не продать их американцам?

На следующий день Ленин записал в огромной тетради: «Моя мать, урождённая Мария Александровна Бланк, была дочерью врача. Прекрасно образованная, высококультурная, она обладала блистательным умом и великолепно знала русскую и иностранную литературу. Она тонко чувствовала

музыку: по выходным и во время гроз она всегда играла Fur Elise. Она всю себя посвятила воспитанию детей, стараясь внушить им высокие идеалы»...

– Все это слишком напоминает смехотворные ваши биографии, – объявила назойливая старуха, и кресло-качалка смачно врезалась в саркофаг.

– Сам воздух пропитан ядом его биографий и штампованных фраз, – заметил на это Андрей Петрович. – Быть может, ему следует прекратить дышать...

Мемуары, которые Ленин писал в уединении, однако, существенно отличались от официальных биографий, подготавливаемых и издаваемых Институтом Маркса-Энгельса-Ленина в Москве. Он повествовал, в основном, о своей матери, цитируя целиком её колыбельные, рассказанные ею сказки, и стараясь при этом как можно лучше передать тончайшие интонации её голоса. Жена прилагала все силы, чтобы заставить его изменить стиль и направленность создаваемой книги, но он оставался непреклонным и продолжал упиваться подробностями причуд и одеяний матери. Описал также цветочные клумбы и кусты, среди которых катал свои – им же искорёженные – игрушки; не преминул упомянуть и о громаде дуба, что помогла ему однажды победить в наиважнейшей игре.

Жена напомнила ему, что у него был и отец, типичный представитель прогрессивной советской элиты, беззаветно отдававшийся в Чистилище делу народного образования. «Усердный, упорный и требовательный к себе и остальным, он ставит интересы работы превыше всего».

Но Ленин всё писал о птичках и вкусе матушкиной губной помады. Порой саду своего детства он придавал некий японский колорит, помещая в центре его вишнёвое деревце или каменную глыбу, «которую ценили как самый желанный в стране камень. Я обтянул тот камень шёлком, украсил цветами и внёс в мой садик под звуки флейты, барабана и пения тружеников».

– У него, должно быть, галлюцинации, – заметил Андрей Петрович.

– Найми биографа-профессионала! Отдай ему десятую часть гонорара! – кричала с крыши старуха.

– Ты в пять лет уже умел читать! Любил те книги, где герои – с твёрдым, упорным характером! – советовала из спальни жена.

– Четвёртого декабря 1887 года вас арестовали на квартире в Казани! – верещал и Володя. – По дороге в участок пристав вам задал вопрос! Какой?!

А Ленин продолжал строчить о мелодичном бормотании водяных каскадов.

– Он сказал: «Что вы, сударь мой, всё суетесь? Не видите, что перед вами стена?» Так что вы ему на это ответили?

– Что я – вьюн? – спросил Ленин.

– Вы ответили: – Стена-то трухлявая. Трухлявая. Только тронь – развалится. Раз-ва-лит-ся.

Вскоре от идеи издания «Les Memoires d'outre tombe» пришлось отказаться, и Ленин вновь принялся изучать потолок. В центре главного зала Мавзолея он водрузил некий камень и обсадил его кустиками роз. Старуха больше не изводила его своими выкриками, и он пребывал в неведении относительно того, какую часть его тела она выделила для предстоящего

аукциона в Санкт-Петербурге. Он даже забыл, что где-то пребывает его мозг: настолько был озабочен жизнью и изгнанием души.

Поэтому он глубоко изумился, когда один баварский журналист, побывав в Московском Институте Мозга, написал статью о мощи его убеждений и предвидений.

– Двадцать лет назад директора Института, доктору Грюневальду, удалось выделить субстанцию вашего гения, – заявил журналист.

– И что она из себя представляет? Твердое тело, жидкость или газ? Выглядит как перистое облако? – спросил Володя.

– Она хранится в шкафу. Мне посмотреть не разрешили. Говорят, она красная.

– Похожа на мою душу? – спросил Ленин.

– Вы уже посетили Институт Души? – перевел Володя, разворачивая карту Ривьеры.

Ленин потянулся за своей записной книжкой.

Через пару дней журналист явился в Мавзолей снова; прикатил на джипе, набитом кинокамерами, фотоаппаратами и микрофонами.

ЖУРНАЛИСТ: Добрый день, товарищ Ленин.

ЛЕНИН: Добрый день.

ЖУРНАЛИСТ: Мы все обеспокоены вашей болезнью. Как вы себя чувствуете сегодня?

ЛЕНИН: Почерк уже стал лучше. Понимаю, что пишу в этой записной книжке.

ЖУРНАЛИСТ: И я понимаю.

ЛЕНИН: И то, что говорю самому себе тоже понимаю.

ЖУРНАЛИСТ: Вы были мертвы почти семьдесят лет. Отразилось ли ваше небытие на ваших работоспособности и моральном состоянии?

ЛЕНИН: Пытаюсь жить – вот и всё. Два года тому назад начал писать мемуары. Моя мать была очень милой женщиной, а наш японский садик славился на всю округу.

ЖУРНАЛИСТ: Когда казнили вашего старшего брата, вы будто бы сказали сестре: «Нет, мы пойдём иным путём. По этому пути мы не пойдём». Каким путём вы идёте теперь? Куда он приведёт вас?

ЛЕНИН: Я мёртв, а все мёртвые идут одним и тем же путём. Толпы людей пробираются по улицам града молчания, а в конце – ничего, нет даже тупика. Ничего на горизонте нет.

ЖУРНАЛИСТ: Ваше пребывание в Потустороннем мире расширило ваш горизонт? В ваши воззрения входит Бог? Другими словами, теперь вы верите в Бога? Находится ли Бог в конце вашего пути, на вашем горизонте?

ЛЕНИН: Бог существует.

ЖУРНАЛИСТ: Была ли у вас возможность обсудить с Богом крушение коммунистического режима в России и в странах Восточной Европы?

ЛЕНИН: Так ли это важно? Та же шекспировская трагедия играется всюду, на протяжении всей истории человечества.

ЖУРНАЛИСТ: При жизни вы, кажется, не разделяли философских взглядов Шопенгауэра.

ЛЕНИН: Макбет сокрушает своих врагов, и сам погибнет пред тем, как занавес падёт. Но занавес не падает. Кинжалы мечутся меж нами и нашими жертвами. Убийства могут вновь начаться, и на сей раз наши жертвы непременно отомстят за себя.

ЖУРНАЛИСТ: Как вы поступите, если в России будет восстановлена монархия? Руками агентов КГБ вы опять убьёте нового царя и его семейство?

ЛЕНИН: Зачем убивать царя? Зачем убивать Макбета, Дункана или Банко? Они и так все помирают. И никогда не умрут. Они бессмертны. Никого невозможно убить. Мы устали, но должны двигаться вперёд. У нас нет никакого выбора, никакой альтернативы. Быть или не быть – это вовсе не вопрос. Мы есть! Даже не рожденные живы и с трудом тащатся по той же улице.

ЖУРНАЛИСТ: Но Дункана-то вы убили. Установлено, что окончательное решение ликвидировать – царское семейство принимали лично вы. Когда 8 августа 1918-го Троцкий спросил Свердлова, что с царем, тот ответил «Покончено». «Кто вынес это решение?» – спросил Троцкий. «Владимир Ильич, – отвечал Свердлов. – Решил, что нельзя оставлять белым живое знамя»...

ЛЕНИН: Я был тогда молод и не вполне понимал структуру вселенной. Я был наказан за свои грехи. Смертью наказан.

ЖУРНАЛИСТ: Вы верите в метемпсихоз? Кем бы вы хотели стать после следующего рождения? Опять Лениным? Революционером? Царем?

ЛЕНИН: Пианистом. И поэтом.

ЖУРНАЛИСТ: А не хотелось бы вам стать каким-нибудь животным? Домашним, например? Или диким? Хищной птицей?

ЛЕНИН: Я бы хотел стать камнем в собственном саду.

ЖУРНАЛИСТ: Сталин однажды сказал о вас: «Больше всего поражает в товарище Ленине жажда знаний и страсть, неодолимая страсть к работе. Он набрасывался на работу, как голодный на хлеб». Не вступит ли в противоречие ваше существование в виде камня со сталинской оценкой вашей личности? Думаете, мы можем так меняться в течение вечности?

ЛЕНИН: Не извечно разве мы влачим свою карму? Разве не следует она за нами неотступно? Я от себя устал. Отдохнуть бы. Забыть о людях. Теперь меня больше интересует история камней.

ЖУРНАЛИСТ: Разве история камней не связана с историей людей? Мы подбираем камни и мечем их в наших недругов. И скульптуры делаем из камня. А в этих скульптурах отображаются наши лица.

ЛЕНИН: А этот камень напоминает о людях? Вам нравится мой мавзолейный садик?

ЖУРНАЛИСТ: Красиво.

ЛЕНИН: Быть может, я уже – камень сей. Быть может, садик этот – уже в грядущем. Мы пребываем в параллельных временах.

ЖУРНАЛИСТ: Не возражали бы оказаться памятником самому себе, хотя бы бюстом? В Советском Союзе их – тьма.

ЛЕНИН: Многие из них сбросили и разбили на мелкие осколки. Не возражаю быть одним из осколков.

ЖУРНАЛИСТ: Не слишком ли вы скромны? Или скромность – ваша маска? Существует даже теория, что современный тиран, в отличие от тиранов былых времен, не слишком-то выделяется благодаря личным достоинствам на фоне своих подданных. Напротив, он старается, и выглядеть, и выразаться, как его подданные, непрестанно подчеркивая, как много общего меж ними.

ЛЕНИН: Малому да незаметному легче спрятаться. Желал бы притаиться в чьем-нибудь кармане.

ЖУРНАЛИСТ: В кармане Бога?

ЛЕНИН: У Бога нет карманов.

ЖУРНАЛИСТ: Когда вы внезапно пробуждаетесь среди ночи, то, что вас беспокоит? Какие проблемы?

ЛЕНИН: К чему, вообще, какие-то волнения? О прошлом сожалеть не стоит. Будущее непредсказуемо и неуправляемо. А как только мы начинаем заботиться о настоящем, его уж в помине нет.

ЖУРНАЛИСТ: А звезды вас тревожат? Ведь в наши дни из-за загрязнения верхних слоев атмосферы они не так уж и яркие.

ЛЕНИН: А я их вижу ясно. Надо просто смотреть на них.

ЖУРНАЛИСТ: Здесь, в потустороннем мире, люди умирают от голода?

ЛЕНИН: Они не едят. Возможно ли лучше решить проблему питания?

ЖУРНАЛИСТ: Есть у вас друзья или сторонники в потустороннем мире? Вас здесь любят?

ЛЕНИН: А вы знаете людей, которые бы не мечтали вас прикончить? Людям нужно жизненное пространство. Вас никогда не убивали?

ЖУРНАЛИСТ: Пока еще жив.

ЛЕНИН: Живы? Как знать. После моей смерти я нередко думал, что жив. Люди толкуются подле вас. В упор смотрят на ваше горло. И кинжалы мечутся вдоль улиц. Но мне все равно. Еще одна капелька крови в реке вечности. Еще одна смерть может принести мне множество благ.

В конце интервью Ленин посветлел лицом и даже улыбнулся, когда телевизионная группа снимала его садик и мостки, ведущие через окно на крышу и «дальше на небо», как заметил Володя. Появилась и его супруга, одетая в платье от Готье, и помогла ему ответить на последние вопросы.

– Думаем провести медовый месяц во Франции. Муж хочет показать мне Париж, а я мечтаю попробовать устриц и лягушек. А жить будем в Нью-Йорке или в Калифорнии. Зависит от того, какие заключим деловые соглашения. К Рождеству всё будет готово и подписано. Я люблю Соединённые Штаты, хотя никогда не бывала за пределами России. Много читала об американском образе жизни. Американцы живут в будущем, порою в далёком будущем. А я сыта по горло двадцатым столетием, особенно русским двадцатым столетием. В России

невозможно жить комфортно – даже если имеешь миллионы долларов. Допустим, вы купили Кадиллак и пригнали его в Москву или Санкт-Петербург. Кто там вам будет его ремонтировать? Кроме того, за пределами Москвы и Петербурга вы нигде не найдёте бензина с нужным октановым числом. И в России ужасные дороги. Нет настоящих автострад. И какой вам прок от роскошной машины в подобной стране? Вы можете обставить дом французской мебелью восемнадцатого века, но что вас ждёт за порогом? Грязь, выбоины, ухабы. Изголодавшиеся псы носятся по улицам. Какой же прок от вашей мебели? Что снаружи, то и внутри.

– Мы уезжаем за границу? – написал Ленин после отъезда журналиста и телегруппы.

– А ты намерен остаться в России? Стал патриотом? При жизни ты не очень-то пёлся о России и её обитателях. Считал русских ленивыми, безвольными и довольно глупыми.

– Но почему? Неужели не позволишь здесь умереть?

– Потому что живём мы лишь единожды – на земле, по крайней мере. И не умираем дважды. Я пригласила танцевальную труппу из Мулен Руж.

– Что? Когда?

– Сегодня вечером. Обычное представление. С ужином. Я заказала пятьдесят бутылок французского шампанского.

– Где?

– Что – где?

– Где они будут танцевать?

– В Мавзолее.

– Где?

– Вокруг твоего саркофага. На саркофаге. Поставим несколько столов вдоль стен.

– Зачем?

– Затем, что это – не *cocktail party*! И лично я не люблю сидеть с тарелкой на коленях.

– Почему?

– Потому что нам нужны деньги!

Ленин усталился в потолок и задумался об отношениях жены с Володиёвым. Про себя он предпочитал называть это дружбой, несмотря на бессчётные доказательства противного, которые обнаруживал, роясь у себя под подушкой или в памяти, с готовностью преподносившей самые невыносимые образы и звуки, когда он пребывал в мазохистском настроении. Ленин любил жену. Женился он не по расчёту: у неё не было ни денег, ни возможностей устроить его в одну из вновь объявившихся совместных фирм, чьи служащие катались за границу и получали зарплату в твёрдой валюте. Она была просто необычайно красива, и он любил её на старый манер, поднося ей букеты роз из своего садика и сочиняя стихи и песни в её честь. Утром он мог оказаться перед дверью спальни с гитарой в руках; тогда неслышная серенада слетала с его губ и плыла, исчезая и тая в далёких райских небесах.

Его неотступно тревожила мысль о необходимости оставить Мавзолей и поселиться в стране, куда он и ногой не ступал ни при жизни, ни во время выходных в Аду. Это ни в коей мере не указывало привязанность к родине: не вернулся бы из Швейцарии в Петербург, если бы не отречение царя, сделавшее престол России вакантным и доступным. «Трон – твой, садись на него», сказала его тогдашняя жена, и он упаковал греческую вазу в солому.

Это посредственное, скверно разрисованное подобие вазы Сосия, была единственным бесполезным – предметом его дорожного скарба. Почему? Или он в каком-то предыдущем рождении был греком? Был он самим Сократом или Китсом? Или одной из древних ваз, разбитой варварами? И копыта их коней втоптали его осколки в землю.

Кем был он – одухотворенным человеком или красивым изделием до рокового рождения в России? Ленин перевел взор на вазу, и медленно расстроила улыбка врожденную жесткость его черт. С отъездом – размышлял он – удастся окончательно избавиться от соперника, занимающего какой-то важный пост в московской зоне Ада. Ему, как и советским атомщикам, не разрешается выезжать за рубеж.

Наконец-то мы будем одни. На земле и под землей предостаточно спальных мест. И каждый дом – Мавзолей. Только она неповторима и несравненна.

К нему приблизилась молодая женщина и спросила, где находится туалетная комната. «To change, – объяснила она по-английски. «Est-ce qu'il y a des loges quelque part? Je ne suis pas une stripteaseuse». Вскоре она ушла, возмущившись его молчанием. Затем в Мавзолей проникла еще какая-то молодая женщина и принялась танцевать у саркофага; ноги она задирала так высоко, что Ленин невольно вспомнил картофельную бабу.

В восемь вечера приехали дипломаты и другие гости; Ленин закрыл глаза, притворившись окончательно умершим или крепко спящим. Некие дамы пришли в полный восторг от его вида и одолели его персональную макиершу досужими вопросами и личными просьбами. Затем его попросили подняться и сделать несколько шагов – всего лишь до голландского посла, который поздравил его с бессмертием и спросил, не смотрел ли он фильм «Маленькая Вера».

– Они там много и долго тискаются. А она – с обнаженной грудью, что совершенно неслыханно для советского кинематографа.

– Теперь во всех советских фильмах – сплошной секс, – заметил португальский министр культуры.

– Леди и джентльмены! Добро пожаловать в Мавзолей! – произнёс Володя. – С момента основания, в 1924 году, этого музея одной персоны никто, кроме обычных туристов, не пересекал сего порога, дабы созерцать останки величайшего человека в советской истории. Как вы знаете, советская история – дело прошлое, но образ человека, по заветам которого создавалось Советское государство, и в наши дни продолжает возбуждать горячий интерес и непримиримые дискуссии во всём мире. Многих людей волнует вопрос – что было бы с нашей страной и вообще со всей нашей планетой, если бы Ленин прожил дольше. Был бы уничтожен человек как вид? Пришёл бы конец власти Бога? Но

Ленин не пережил своего 54-летия, и всё, чего бы он ни старался добиться после своей смерти, контролировалось, упорядочивалось и обуздывалось нашими докторами и компьютерами. История приносит нам страдания, но заставляет и забывать о них. Ленин больше не представляет собою угрозы ни нашим жизням, ни нашим развлечениям. Через несколько месяцев он будет выставляться в музее мадам Тюссо в Лондоне. Он уже выставлен в музее человечества. Он бессилен и далек. Не может вышвырнуть нас из своей гробницы. Даже едва одетые девочки из Мулен-Руж теперь не могут быть арестованы и расстреляны за неблагоприятное поведение. Ныне мы избавились от его идей и пресекли его жестокость. В начале столетия мы проиграли сражение. В конце столетия мы восторжествовали. Ныне он мирно погуливает среди нас, попивает шампанское и улыбается, когда мы говорим ему, что все его планы рухнули после мучительно долгих лет воплощения их в жизнь, когда непомерно множились физические и моральные страдания миллионов и миллионов людей в Европе и Азии.

– И в Латинской Америке!

– Разумеется, и в Латинской Америке. Ленину удалось частично изменить мир, и мы теперь живём, так сказать, в ином мире. Но мы не станем гнать от себя этот мир, ибо мы всё же можем общаться и беседовать, пить шампанское и наслаждаться красотой и изяществом танцовщиц кабаре. Ленин позволил нашим бабушкам иметь детей – наших родителей. И наши родители жили достаточно долго, чтобы пережениться и дать нам возможность родиться в этой доли печали и слёз. Наша история могла сложиться и получше. Могла и похуже. Ленин не уничтожил нашу планету, и я глубоко признателен ему за эту непредвиденную оплошность. Мы должны жить с надеждой – покуда живы! Благодарю за внимание!

Потом было второе шоу, а за ним ещё одно – в течение недели. Ленин отвечал на вопросы, поедая зернистую икру, пил шампанское в компании немецких бизнесменов, зазывавших его к себе в Мюнхен и алкавших его автографов на снимках: Ленин в саркофаге, Ленин на броневике, Ленин на своих похоронах, Ленин и дети у новогодней елки, Ленин и Сталин, Ленин и Гитлер, Ленин и его новая жена, Ленини его дочь...

Однажды, выйдя из Мавзолея он остановился у храма Василия Блаженного. Вспомнились слова, нечаянно услышанные во время последнего посещения Троицко-Сергиевской Лавры: «Вы когда-нибудь изучали анатомию радости? В этом монастыре вы найдете самые разные ее очертания и оттенки».

– Можете объяснить свое нетерпимое отношение к церквям? – спросил какой-то прохожий. – Почему городские величественные храмы и скромные сельские церквушки были приговорены к разрушению и полному уничтожению, хотя они так гармонично вписывались в русский пейзаж?

– Потому что он анатомию радости подменил анатомией убийства, – ответил Андрей Петрович, снимая перчатки. – Видели этот фильм?

– О Ленине?

– О нем больше не снимают. Даже убийства совершают другие и не обязательно в его честь.

– Коротка людская память. Долга и нудна человеческая история.

Ленин подошел к Москве-реке и осознал, что больше уже никогда не увидит ее. «Вода везде одинакова, – бубнил он про себя, все повторяя эту фразу. – Какая разница между Сеной и Темзой? Только наяды отличаются одна от другой. Только эти дивы водяные красивы».

– Покайся, покайся! – воскликнул еще один прохожий. – Стань на колени и вымаливай у нас прощение!

Ленин опустился на колени и тут же поднялся, не ведая, что должен сказать.

– Разве не виноват? Не чувствуешь вины за все что сотворил? Иди на Красную площадь и там бей челом перед каждым – перед всей страной, перед всей нашей историей – и умоляй о прощении. Сколько срубил рождественских елок? Лобызай землю русскую! Ты супротив нее столько нагрешил!

Ленин поплёлся опять на Красную площадь, стал посреди неё на колени и поцеловал брусчатую мостовую; потом, встав на ноги, отбил низкие поклоны трём прохожим и одному милиционеру, а затем и Мавзолею, в который протискивались иностранцы и русские нувориши: показ мод шёл полным ходом и фотоаппараты щёлкали затворами чаще, чем обычно.

– Пожалуйста, простите меня, – выдавил из себя Ленин.

– Погромче! – посоветовала школьница.

– Простите меня!

– Не знаете, что там такое в Мавзолее? – спросил студент.

– Показ мод, – ответил милиционер.

– За валюту? – спросила старушка.

– Конечно, – сказал милиционер.

– Надеюсь, теперь ему купят приличный костюм.

– Это вы о ком?

– О Ленине. Его нельзя хоронить в таком виде.

– В каком – таком?

– Могут потратиться на выходную одежду!

– Его собираются продать.

– Они бы больше заработали, если бы сначала приодели его.

– Нельзя же его в советском костюме – да в западный музей!

– Им не нужен джентльмен. Они покупают русского революционера.

– Местный колорит!

– А почему бы им не продать его голышом? На Западе его помыли бы и одели с головы до ног. Почему мы-то должны тратиться на этот труп?

– Он на нас тратился?

– Сжечь его у столба!

Ленин опять опустился на колени.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ: Итак, господа, следующий пункт на повестке дня – вынос тела Ленина из Мавзолея. Полагаю, вы все знакомы с этой проблемой и её сложностями. Думаю, мне следует довести до вашего сведения, что мы получили несколько заманчивых предложений от наших американских друзей в размере от 1.000.000 до 27.000.000 долларов. Едва ли стоит напоминать вам, что любое соглашение подобной значимости может быть подписано только на том условии, что будущий владелец тела нашего вождя обязуется содержать его с должным вниманием и уважением. Кроме того, нам не мешало бы удостовериться с какой целью потенциальные покупатели намерены приобрести тело нашего бывшего вождя, и будет ли оно использовано в благих целях.

ДЕПУТАТ: Мы должны судить его в соответствии с нашей новой конституцией. После суда тело должно быть сожжено у столба перед Мавзолеем.

МАТЕМАТИК: Ленин был самым жестоким человеком за всю мировую историю. В 1968 году, во время вторжения советских войск в Чехословакию, какой-то житель Праги написал краской на стене дома – «Ленин проснись! Они сошли с ума». А что бы произошло, если б он на самом деле проснулся? Прага с лица земли была бы сметена. Наш бывший вождь не был даже садистом. Он был настолько безразличен к человеческим страданиям, что даже не радовался, когда под его окнами казнили людей. Он никогда и головы не повернул в ту сторону, откуда прозвучал выстрел или крик о помощи. Он числа писал, груды бумаги, таким образом, исписывал. У его кровати всегда лежал чистый лист, а в карманах он постоянно носил пару блокнотов. Он вечно пользовался счетами, а позже – арифмометром. В 1911 году он заявил – «Нам надлежит убить сотню Романовых». Ему следовало присудить Нобелевскую премию по математике. Давайте действовать его же методами. 27.000.000 долларов представляется приемлемым числом.

АЛЬФРЕД БЕРНХАРД НОБЕЛЬ: «Трупы считать не следует», – сказал он в одном из своих внутренних монологов.

БИЗНЕСМЕН: Почему бы не организовать аукцион? Вы связывались с Кристи? Можно бы выручить больше, чем за автопортрет Ван Гога.

ХУДОЖНИК: В настоящее время картины ценятся гораздо больше, чем тела людей, выставляемые как произведение искусства. Во всяком случае, мода на «живую скульптуру – пошла еще в начале семидесятых. Думаю, что англичане Джилберт и Джордж придумали это выражение: «living sculptures». Они произведением «Поющие изваяния» прославились во всем мире. Два исполнителя, с позлащенными руками и лицами, стоя на плинте, изображали пантомиму под звуки песни мюзикла «Underneath the Arches».

КОМПОЗИТОР: А Ленин что будет петь?

УЧИТЕЛЬ ПЕНИЯ: А он умеет петь?

ДЕПУТАТ: Дайте ему несколько уроков.

ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬ, СПЕЦИАЛИЗИРУЮЩИЙСЯ НА ПТИЧЬИХ ГОЛОСАХ: А как насчёт свиста?

ДЕПУТАТ: Вы сказали, что эти англичане на плинте стояли. А Ленин в саркофаге лежит.

БИЗНЕСМЕН: Мы его поставим. Прислоним к стенке.

ДЕПУТАТ: Привяжем к столбу у Мавзолея и сожжём.

БИЗНЕСМЕН: Прах не имеет коммерческой ценности. Продав тело, мы скомпенсируем...

АДВОКАТ: Он должен оплатить убытки.

ПАТРИОТ: Он должен сделать хоть что-то для России.

МОРАЛИСТ: Но Ленин — не проститутка. Он не может торговать своим телом.

СТАРЫЙ КОММУНИСТ: Он не должен продавать своё тело капиталистам.

ЖЕНЩИНА: В России его тела никто не жаждет.

ВОЛОДЯ: У него есть жена. Она его любит.

ТИБЕТСКИЙ МОНАХ (Ленину): Не пугайся того, о чём они говорят. Не обращай внимания на то, что происходит на земле. Ты пребываешь в промежуточном состоянии. Ты зришь туристов, иноземных дипломатов и русских чиновников — как во сне. Ты говоришь с ними, но они тебя не слышат. Ты обращаешься к ним, но не получаешь никакого ответа. Они смотрят на тебя, говорят: «Он мёртв. Продадим его останки. Подзаработаем на них». Ты думаешь — Я мёртв. Что мне делать? — Ты ощущаешь глубокую скорбь, как рыба, вытщенная из воды и брошенная на раскалённые угли. Такую скорбь ты чувствуешь сейчас. Но в этой твоей скорби нету проку. Обратись с молитвой к Божеству Охраняющему, Сострадающему Божеству. Зачем ты все держишься за дела мирские? Ты больше не живёшь в миру. Ведь ты не можешь возлежать с женой твоею в одной постели. Не можешь касаться её губ ни губами своими, ни языком своим. Ведь губы её далеки. Они в краю живых. Они говорят с живыми, они целуют живых. А ты — в промежуточном состоянии. Не держись за неё! Молись Сострадающему Божеству, и у тебя не будет ни печали, ни страха, ни боли. Когда ты влеком извечно движущимся ветром кармы, твой ум подобен лёгкому перышку, несущемуся на скакуне дыханья. Непрестанно и невольно ты блуждаешь. Страшными порывами лютый ветер кармы тебя толкает в спину. Не бойся его. Он — лишь твоя иллюзия. Тяжёлая, пугающая тьма стучится перед тобой постоянно. Из этой тьмы доносятся крики и вопли — «Бей!», «Убей», «Убийца», «Берегись», «Убить его!», «Продать!», «Он — наш раб!», «Он — наш заключённый!», «Он — громила!», «Джек Потрошитель!», «Он — Гитлер!», «Воинствующий марксист!», «Основатель русской коммунистической партии!», «Вождь большевистской революции!», «Основатель Коммунистического Интернационала!», «Посмешище России!» Порождённые кармой, вооружённые до зубов демоны маячат в этой тьме и гонят твоё тело на край земли. И горы не выдерживают — рушатся. Ты мечешься из стороны в сторону, спасаясь бегством, не ведая ни куда ты

несёшься, сломя голову, ни что тебя несёт. Путь преграждают три жуткие пропасти: белая, чёрная и красная. Они так глубоки, что порождают ужас. Они суть Гнев, Похоть и Глупость. Это – Сидпа Бардо. Заклиная именем Сострадающего, взмолись тогда так: «О Сострадающий Господь, и Гуру мой, и Сиятельная Троица – не дозволяйте, чтоб я ниспал в миры несчастий!»

ПАТРИОТ: Не продавайте его американцам! Продайте лучше нашим нуворишам. Они способны заплатить побольше, чем 27.000.000 долларов.

БИЗНЕСМЕН: Но не за Ленина. Такую сумму я бы заплатил лишь за Елену Прекрасную.

СЕКСУАЛЬНЫЙ МАНЬЯК: А где она? Тоже – в Мавзолее?

ЖУРНАЛИСТ (*вынимая блокнот*): Она – новая жена Ленина?

МУСУЛЬМАНИН: Когда человек умирает, то из этого мира переходит в Барзах. Тело его кладут на носилки и несут на кладбище. Если умерший был благочестивым и набожным, то просит нести его как можно быстрее. Если же был неправедным грешником, то он клянёт уготованные ему несчастья и спрашивает, куда его тащат. Ленин и задал такой вопрос, а в ответ услышал: «В Ад!» Тогда он приказал носильщикам остановиться и подождать, пока соберётся с мыслями. Они поставили носилки посреди Красной площади и засекли время. Подождали полчаса. Ленин не сказал ничего. Они подхватили носилки. «Опустите меня и подождите ещё десять минут!» закричал Ленин. Они послушались и снова уселись вокруг носилок. Прождали час, другой. Ленин ничего не говорил. Они встали. «Ещё десять минут!» прокричал Ленин. Они снова сели. И ждали два дня и две ночи. Ожидание их очень утомило. Тогда они построили Мавзолей и установили в нём несколько лежанок. Через несколько лет они все умерли, и их похоронили у Кремлёвской стены. Ленин же остался в Мавзолее. И забрать его оттуда, где он лежит, и продать его тело американцам невозможно. Он будет орать: «Опустите меня!» и вам придётся ждать у саркофага год за годом.

ЖУРНАЛИСТ: Когда он спросит носильщиков, куда они его несут, те хором ответят: «В Рай!» И он поторопит их на пути через Польшу и Германию. Ведь многие русские считают Соединённые Штаты раем на земле.

ПРАВОСЛАВНЫЙ СВЯЩЕННИК: Нельзя ли похоронить его на каком-нибудь отдалённом кладбище? Без службы, без отпевания, без толпы..

ЛЮБИТЕЛЬ ФРАНЦУЗСКОЙ МУЗЫКИ: Тело Моцарта бросили в канаву. Разве Ленин лучше Моцарта? Давайте положим его нагим на Красной площади, и пусть наши музыканты играют около него «Пробуждение птиц» и «Каталог птиц» Оливье Мессиана, дабы привлечь гарпий к трупу.

ОРНИТОЛОГ: Зачем же вольных птиц травить? Чем они хуже людей? Им надо дать труп уважаемого человека, достойный их органов пищеварения и музыки Мессиана.

ДЕПУТАТ: Лучше – сжечь его на костре, прах положить в контейнер, а контейнер утопить в болоте.

КАТОЛИЧЕСКИЙ СВЯЩЕННИК: Дайте ему покаяться с миром.

КИТАЙСКИЙ БУДДИСТ: Буде убийца достигнет состояния высочайшего напряжения духа и искренне возжелает очиститься, тогда ему лучше всего

возбудить в себе Дхияна. Ищи для этого открытое и спокойное место. Красная площадь – открытое место, но она далеко не спокойна. На ней всегда полно туристов, а зачастую по ней громяют танки и пушки. Поищи местечко поспокойней. Когда найдёшь его, сядь там, соберись и сосредоточься до предела и читай сутры Махаяны. И постепенно ты избавишься от чувства вины и достигнешь обычного экстаза Дхияна и самоуглубления Самадхи.

ЛЕНИН: Состояние духа моего взыскует потенциально бесконечного ряда чувственных существований. Даю обет выявить их всех и сослать подальше – в Архипелаг ГУЛАГ. Даю обет подавить все пагубные страсти в душе моей и в моём теле, хотя они и кажутся неиссякаемыми. Даю обет познать духом моим все бесчисленные системы Дхармы. Даю обет достичь в духе моём положения Высочайшего Будды.

РАВВИН: Бог ждёт, что нечестивцы покаются, а они не делают этого. В конце концов, они уже жаждут покаяться, но Бог тогда лишает их своей поддержки. Даже когда хотят вернуться в лоно Божье и стараются вознести молитву и мольбы свои, они всё равно не могут покаяться, ибо Бог закрывает двери пред ними. А после смерти никакого покаяния и быть не может.

ГНОСТИК: Когда души людей грешат и покидают тела их без покаяния, то кара таким людям мучительнее всех других кар. Наказание тем людям сурово и беспощадно, даже если души их впервые явились в мир сей, не имея опыта предыдущих жизней. С того часа им нет возврата к телесным перевоплощениям, и они уж не способны что-либо предпринять. Они исторгаются во внешнюю тьму и исчезают и пребывают несуществующими всегда.

РАВВИН: Сказано: «Нечестивец не может сделаться праведником, как безысходная нужда не может быть удовлетворена». Нечестивец может стать праведным лишь в этом мире, но не в грядущем. (Ленину) Разве тебе не ведомо, что мир сей подобен Субботе, а мир, откуда ты явился – не более как канун Субботы. Если человек не подготовился в шестой день, то чем он станет питаться в день седьмой? Иначе, можно уподобить мир сей морю, а тот, откуда ты пришёл – суше земной. Если человек не запасся всем необходимым на суше, то чем он будет кормиться в море? Иначе, мир сей, подобен пустыне, а тот, откуда ты пришёл – земле обжитой. Если человек не добыл себе провизии на земле возделанной, то, что он станет есть в пустыне? Что он тогда делает? Заламывает руки и пожирает плоть свою.

МАВЗОЛЕЙНЫЙ ПОВАР: Теперь он очень редко ест. Всего пару картошек в неделю. Обожает картошку.

КИТАЙСКИЙ БУДДИСТ (Ленину): Подобно великим наставникам с высоких гор, ты должен питаться только травами и плодами по сезону. Должен просить подаваний пищи, как странствующий монах.

ХРАНИТЕЛЬ АМЕРИКАНСКОГО МУЗЕЯ: Уверен, он полюбит и Биг-Максы, и Кинг-Бургеры, и жареные цыплята по-кентукски.

МЭР САНКТ-ПЕТЕРБУРГА: Давайте оставим его тело у нас в стране. Не следует историю сводить только к книгам и документальным фильмам. Молодёжи нужно прикоснуться к телу Ленина и самим вдохнуть поганый воздух его жизни.

ЗИГМУНД ФРЕЙД: Гнилостный воздух его подсознания! Одного из моих пациентов – русского мальчика, которого я не подвергал своему анализу, пока он не достиг двадцатилетнего возраста, – постоянно преследовал сон, где главной фигурой был волк. Вследствие этого сна у мальчика развилось чувство страха, что его сожрёт реальный волк – как семерых козлят в известной сказке. Как оказалось впоследствии, отец его во время игры изображал волка, готового сожрать сына. Подобный страх, которому есть параллели даже в мифологии, например, в мифе о Кроносе, принимая форму регрессивного психоза, находит себе выражение в пассивном, нежном импульсе быть любимым своим же отцом в сексуальном смысле. Русские любили своего царя и называли его «царь-батюшка». Но одновременно они боялись его и ненавидели, что и кончилось отречением Николая Второго. Ленин, как русский, разделял все эти чувствования. Он не мог не любить царя и у него были все причины его ненавидеть. Его старший брат был казнён царской властью, а сам он был зарегистрирован в списке «неблагонадёжных – и находился под надзором полиции. Он был отчислен из Казанского университета, и у него не было будущего. Он впал тогда в отчаяние и даже склонялся к самоубийству. И у него развилось неуёмное чувство ненависти к «царю-батюшке». Считал, что царь сожрёт его: тот уже пожрал его старшего брата. В своей тетради он записал: «Царь – волк, пожирающий русский народ». Эта мысль, прочно угнездившаяся в глубине его страха, была искаженной подменой мысли о том, что родной отец может его кастрировать. И единственным способом воспротивиться волку и сохранить свою мужественность было – самому сожрать своего отца – Царя-батюшку. И он его сожрал!

СЕКСОЛОГ: А зачем ему было сохранять свою мужественность? Он же ею никогда не пользовался – ни до, ни после смерти!

ДАОСИСТ: Тот, кто осознаёт безрассудство страстных порывов, всегда сосредоточен и спокоен. Реки текут в долинах, потому что те становятся всё ниже; скромный и кроткий, совершенномудрый возвращается к простоте малого дитяти. Тот, кто жаждет захватить власть и переделать империю по своему усмотрению, никогда не достигнет успеха. Ибо империя – дело духовное и не может меняться по чьему-либо плану. И того, кто стремится осуществить такое, ждёт самый жалкий провал. И тот, кто пытается сохранить её, потеряет её. Поэтому совершенномудрый не ищет власти и не старается переделывать империю.

АДВОКАТ ЛЕНИНА: Надо было остаться дома. Я бы так и поступил, будь у меня свой дом или своя квартира. Бог водит компанию с теми, у кого размеренная семейная жизнь и кто изменяет жене лишь время от времени, раз в месяц, в какой-нибудь командировке. Но у меня сейчас нет семьи, а следовательно, и семейной жизни. И Бог далек от меня. И не посиживает он со мною у камина, ибо нет никакого камина в этой моей глухомани. Мне даже костер не разрешают разводить, по каким-то непонятным причинам. Холодно на Красной площади.

ЭКОНОМИСТ: В годы, предшествовавшие Первой мировой войне, экономика России бурно развивалась. Невероятно возросли урожаи сельскохозяйственных

культур в центральных областях России. По сравнению с началом столетия удвоилось производство чёрных металлов и угля. Так же произошло удвоение экспорта и импорта. Рубль стал одной из самых твёрдых денежных единиц мира. В 1912 году французские экономисты предсказывали: если России удастся сохранить и далее такие темпы экономического развития, то к середине двадцатого века она будет доминировать в Европе.

ФИЗИК: Он рассматривал мир как некое магнитное поле, в пределах которого множество сил вовлечено в перманентное противоборство. Одной из этих сил был род Романовых. Он обозначил эту силу числом «100».

МОНАРХИСТ: Еще маленьким ребенком будущий Император был трогательно кротко боголюбив. Он очень любил изображение Божье Матери, эту нежность руки, объявшей Младенца. Он увлекался пением птичек в своем дворцовом саду, и, заслушавшись, мальчик как бы уходил из этого мира; он преображался, как бы замирал, а выражение его глаз было настолько неземное, что другие дети, заметив это настроение в Нике, просили его: «Ну, Ник, еще раз послушай пение! – И Ника, застенчиво краснея, возвращался к обыденной жизни. Доброе сердце Николая Александровича общеизвестно. Широко известны и все стремления к улучшению жизни людей. Государь готов был всегда услужить всем, без различия положения. В Дармштадте, во время прогулки инкогнито, он подбежал, поднял и подал потерянный пакет кучеру почтового фургона и тем спас почтальона от служебных неприятностей. Таково было смиренное христианское сердце юного Русского Государя.

МОГИЛЬЩИК: За три дня до злодеяния была последняя служба в помещении, занятом Царской Семей. По чину обедни положено в определенном месте прочесть молитву «Со святыми упокой». Почему-то на этот раз О. Дьякон, вместо прочтения, запел эту молитву. Стал петь и я... Но едва мы запели, как я услышал, что стоявшие позади меня члены Семьи Романовых опустили на колени. Так подготовились они сами того не подозревая, к своей смерти, принимая погребальное напутствие.

КРЕСТЬЯНИН: Энтот мужик не может лежать в землеице нашей. Ежели вы его в ней схороните, дак она его выкинет обратно. И он будет валяться на ей, но зверье и воронье его не тронет. И воздух сам от него изыдет. И будет он валяться там нетронутый да нешелохнутый.

СТАРЫЙ КОММУНИСТ: Живой!

КРЕСТЬЯНИН: А нам надобно будет чрез него перешагивать. Пошто ж нам перешагивать через евойные телеса?

ДЕПУТАТ: Я не согласен с мэром Санкт-Петербурга. Даже лишённая ленинского трупа, наша молодёжь не потеряет возможность прикоснуться к истории и действительности. Последствия дел его окружают нас всюду. Мы соприкасаемся с ними каждый день. Мы дышим ими каждую секунду. Зачем хранить его тело и статуи в каком-то захолустном музее? Зачем беречь его одежду и игрушки? Его каждодневная жизнь не заслуживает места в истории. Когда мы судим убийцу, мы же не интересуемся, любил ли он собачек. Нам необязательно знать, что в начале Первой мировой войны Гитлер пошёл добровольцем на фронт

и получил там «Железный крест за храбрость». Одежда Ленина не дает никакой информации о революции и её бедах. Скульптурные изображения Ленина не являются произведениями искусства. Они – настолько одинаковы, что даже не отвечают стандартам коммунистического китча. Но нам следует знать, в какие игры играл Ленин со своими жертвами. Он лично принимал их родственников и даже подписывал прошения о помиловании, адресованные Дзержинскому – человеку, который был его правой рукой. Ниже подписи он всегда пририсовывал крестики – и приговор проводился в исполнение. «Слишком поздно, – сетовали охранники. – Увы, пришли слишком поздно. Но какое замечательное письмо! Какой великодушный у нас вождь! – Где теперь эти письма? Где эти крестики? Молодежи следует потрогать эти крестики и двойственные подписи.

АРХИВИСТ: Большая часть писем была уничтожена.

БЫВШИЙ АГЕНТ КГБ: Ленин делал все, чтобы его имя не было связано с террором. Он подписывал множество ложных писем о помиловании, но ни разу не поставил своей подписи под смертным приговором или под приказом об истреблении.

КОМИССАР ЮСТИЦИИ: Ленин сказал мне однажды – «Вы действительно верите, что мы могли бы победить, не прибегнув к жесточайшему революционному террору?» Я тогда ответил: «В таком случае, зачем вся эта возня с каким-то Комиссариатом юстиции? Давайте назовем его Комиссариатом социального истребления!» Лицо Ленина просияло и он сказал: «Отменно... Таковым он и должен быть... но мы не можем говорить об этом открыто».

БЫВШИЙ АГЕНТ КГБ: Ленин рассуждал о терроре только абстрактно и так старательно держался от него подальше, что родилась легенда, будто он был совершенно непричастен к убийствам.

СТАРЫЙ КОММУНИСТ: Ленин ни о чем не знал. Он никогда не спускался в подвалы Лубянки. Кроме того, террор начался в 1937-ом и кончился в 1938-ом.

КРИШНА: Мудрецы не печалуются ни о мертвых, ни о живых. Мы искони пребывали в сем мире и никогда не прекратим пребывать. Душа входит в тело сие в детстве, в юности и в преклонном возрасте. Так же душа войдет и в другое тело. То, что наполняет собой мир, неистребимо. Никто не убивает, никто не убит. Мы никогда не были рождены, мы никогда не умираем. Мы суть не рожденные, вечные, неизменные и первородные. Мы не убиты, когда тела наши убиты. Оружие не ранит нас, огонь нас не сжигает. Мы те же навсегда.

АДВОКАТ ЛЕНИНА: Это моя квартира? Ключ наконец нашел? Или это туалет, громадный туалет? Слишком много народу в туалете. Почему все на меня уставились? Ах, вот оно что – очередной зал суда. Как жаль!

ФРАНЦУЗСКОЙ ИСТОРИК ЛЕВОГО ТОЛКА: Никто не отрицает, что Ленин совершал ошибки и дал ход той цепной реакции, которая в конечном счете привела к сталинским судилищам и геноциду тридцатых годов. Но Ленин был первопроходцем и вынужден был пробираться наощупь вдоль темного коридора истории, освещаемого мерцающими огоньками Французской революции, из которой он извлек некоторые плодотворные уроки. Благодаря Французской революции, бывшей, на самом деле, единственным предтечей Русской революции во всей

истории человечества, у Ленина и появилось некоторое представление о тех проблемах, с которыми он впоследствии столкнулся на пути к коммунизму. Он неуклонно продвигался в новые, неизведанные, области человеческой мысли, ступая по целинным землям истории. Порою он и сам не знал, где он, так сказать, находится в данный момент и что следует предпринять для улучшения жизненных условий рабочих и крестьян. Зачастую он действовал необдуманно и импульсивно. Однако ему ничего другого не оставалось, как только применять главный принцип стратегии Наполеона: «On s'engage et puis on voit». Успехи его были величественны и никакие жертвы не были слишком велики для их достижения. Во время Гражданской войны вряд ли кто-то мог отличить сотоварища от недруга и поэтому неудивительно, что передозировка, так сказать, ленинских лекарств уничтожила не только заядлых врагов Революции, но и тех, кто мог бы еще долго способствовать ей, связав по рукам и ногам все сталинские начинания и изолировав тирана в мирке его навязчивой мании преследования. С некоторыми оговорками можно признать, что Ленин справился с задачами, стоявшими перед ним, и вручил свое наследие Троцкому, которого как человека честного и, следовательно, неискушенного в науке надувательства и местных интриг, Сталин легко перехитрил и затем сослал сначала на юг России, а потом уж и в Мексику. И не вина Ленина в том, что его наследие досталось не по назначению и беспринципно использовалось во вполне земных политических целях кучкой лизоблюдов, сгрудившихся вокруг Сталина и почти тридцать лет верноподданно исполнявших все приказы этого беспощадного умалишенного. Вплоть до начала Русской революции коммунизм представлял собой лишь набор возвышенных идей и идеалов. Ленин придал этим отвлеченным понятиям ощутимые, гармоничные и красивые формы. Его останкам приписывается чудотворная сила, а книги и лозунги его продолжают вдохновлять рабочий класс в Азии и Европе. Кроме того, коммунистическое движение вовлекло в свою орбиту великое множество выдающихся европейских творцов: Луи Арагона, Ромена Роллана, Ива Монтана, Жана-Поля Сартра, Симону де Бовуар, Жака Превера, Пабло Пикассо, Луиджи Ноно, Федерико Феллини, Лючино Висконти... Ленинизм стал неотъемлемой частью их личностей. Их произведения и достижения были бы другими или, возможно, вообще бы не существовали, живи они вне коммунистической орбиты или умри задолго до того, как разразилась Русская революция. Даже такой реакционер, как Черчилль вынужден был склонить голову перед фактами и признать, что наше современное общество еще далеко от совершенства и справедливости. «Демократия есть наихудшая политическая система, за исключением всех остальных», писал он. Почему мы должны удовольствоваться демократическими структурами, чьи недостатки заметны даже тем, кто готов защищать их любой ценой? Неужели, в действительности, не существует иных решений наших проблем? Нет избавления от бед и бедности?

СТАРЫЙ КОММУНИСТ: На Первом Всероссийском Съезде Советом в июне 1917 года лидер меньшевиков заявил, что без союза с буржуазией Революция обречена. Он сказал, что в России нет политической партии, способной в одиночку взять на себя бразды правления. Ленин, присутствовавший на Съезде,

поднялся со своего места и воскликнул: «Есть такая партия!» Эти слова прозвучали как гром среди ясного неба.

ФРАНЦУЗСКИЙ ЛЕВЫЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛ: Должна же существовать политическая система, наиболее отвечающая нашим представлениям о справедливости и красоте. Стремление человеческой мысли к совершенству неостановимо. Сталин, Брежнев и другие советские идеологи исказили учение Ленина и дискредитировали коммунизм в глазах рабочих и интеллигенции. Индустриальные и сельскохозяйственные провалы, к которым приучил нас Советский Союз в процессе своего развития, посеяли сомнения в жизнеспособности плановой экономики. С другой стороны, сбитые с толку всякими безделушками и коммерческим телевидением, западные рабочие забыли о своих справедливых требованиях и устремлениях, обуржуазившись даже более своих работодателей.

ФРАНЦУЗСКИЙ ПРАВЫЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛ: Разочаровавшись в Советском Союзе, вы возложили свои надежды на Китай, восторгаясь Большим Скачком, дворовыми плавильными печами, Великой Пролетарской Культурной Революции и одами Мао Цзэдуна. Разочаровавшись в маоизме, вы возложили свои надежды на Кубу, восторгаясь гаванскими сигарами. Что дальше? Возложите свои надежды на марсиан?

АДВОКАТ ЛЕНИНА: Я не возражаю против того, чтоб мне напоминали, где я заночую и как найти ключ от квартиры. Карманы мои полны всякими ключами, но все они, сдаётся, готовы впасть в дружеские объятия замочных скважин не тех дверей, не тех ящиков, не тех буфетов. А я не вор, не злоумышленник, не убийца. Поэтому выуживаю их из карманов и разбрасываю куда попало, пока бреду своим путем, подсвечиваемым какими-то скудными светильниками. Они все-таки обозначают, куда мне идти, но, несмотря на мою зевоту и точку по любовной ласке, нисколько не подсказывают, где мне уготована постель. Ведут меня вдоль каких-то столов, каких-то роялей, и я то и дело залегаю на их гладких горизонтальных поверхностях, закрываю глаза и затыкаю уши большими пальцами. Но, к сожалению, только в постели я могу спать и грезить о женщинах.

Понятия не имею, куда я плетусь или ползу и где конец моих странствий, хотя любой из моих соседей, которые вечно меняются и все куда-то переезжают, считает, что Судный День есть последний акт человеческой трагедии. Очевидно, других судилищ потом не будет. Могу, конечно, успокоиться на мысли, что и до моей смерти и после нее было много всяческих судебных разбирательств, так что денег у меня собралось вполне достаточно, чтобы обеспечить себя и детей. Я не вижусь с ними ежедневно, но каждый день обнаруживаю их следы там и сям – в грязи, на снегу. Вероятно, мне запрещено смотреть им в глаза из-за какой-то оплошности, совершенной мною на Земле или во время отпуска на Луне. Наверное, у них есть и мои ключи. Надеюсь, они ими пользуются, и каждый вечер проводят с матерью, сидя у камина или за обеденным столом. Моя жена всегда великолепно готовила и саму себя превзошла бы, если б у нее под рукой были необходимые ингредиенты.

Мы не признаем себя виновными. Мой клиент никого не убивал. Он заслуживал награду: Железный крест или звание Героя Советского Союза. Он был «самым земным из всех прошедших по земле людей», как сказал поэт Маяковский. Мой клиент жил очень скромно; спал на железной кровати в комнате, где не было ни ковров, ни японских гравюр. Он неизменно раздавал все продукты, что присылали ему крестьяне во времена голода. Он съедал одну картофелину в день и выпивал два стакана воды.

СТРУВЕ: Если воспользоваться новым популярным немецким психологическим термином, то основой ленинского Einstellung`a были ненависть и жажда разрушать. Этот Einstellung присущ и философии Маркса. Доктрина классовой войны – безжалостной, беспощадной, заканчивающейся полным уничтожением противника – оказалась по духу своему вполне отвечающей ленинскому восприятию действительности. Он ненавидел не только царя и бюрократию, не только беззаконие и полицейский произвол, но и антитезу их – «буржуазию» и «либералов». В этой ненависти было нечто отталкивающее: она была почти животной и то же время абстрактной и холодной, как сам Ленин.

АДВОКАТ ЛЕНИНА: У вас есть какие-либо свидетельства? Даже если вы и представите свидетельства в поддержку вашего теоретизирования, то ваши замечания не будут приняты к рассмотрению на данном суде. Вы явно предубеждены. Вы были врагом моего клиента. Когда один из членов социалистической партии предупредил моего клиента, что его словесные нападки на вашу персону могут побудить некоторых рабочих убить вас, то мой клиент ответил: «Его и следует убить». Вы не можете быть объективны по отношению к вашему потенциальному убийце. Кроме того, ваше обвинение ни на чем не зиждется. Мой клиент – человек с отзывчивым сердцем и обостренной чувствительностью. В Париже он ходил на «Даму с камелиями» и заливался слезами, когда Сара Вернар испускала последний вздох на руках у Альфреда Жермона.

МАКСИМ ГОРЬКИЙ: Никогда не встречал я на Руси, где неизбежность страдания расценивается как главный путь к спасению, никого и не слышал ни о ком таком, кто так бы ненавидел, не любил и презирал все беды, горести и страдания, как Ленин.

ДИРЕКТОР ЦЕНТРА ЗАЩИТЫ РЕБЕНКА: Лишь один раз в жизни у Ленина была вспышка раздражения. Он рассердился на отца ребенка, который сказал, что его здоровый отпрыск не умеет ходить, не держась за руку. Ленин слез с велосипеда и помог ребенку взобраться на крутой холм. А затем гневно сказал отцу: «Таким людям, как вы, непозволительно вообще иметь детей».

АДВОКАТ ЛЕНИНА: Что касается вклада моего клиента в дело процветания и прогресса, то не может быть никаких сомнений в том, что СССР продемонстрировал на практике и доказал – социализм способен творить чудеса даже в отсталой стране. А советская однопартийная система явила высокоразвитым индустриальным странам единственную возможность разрешения конфликта между экономическим планированием и политической свободой.

Абсолютная свобода частного предпринимательства несовместима с правом среднего гражданина на свободу желаний и на свободу от страха.

СОВЕТСКИЙ ЭКОНОМИСТ: Достижения рационального планирования, полное отсутствие безработицы, универсальная материальная защищенность...

СВИДЕТЕЛЬ ЗАЩИТЫ: В Советском Союзе вам не надо бояться вооруженного человека. Когда я пошла в лес за дровами, то появился человек с ружьем. Но вместо того, чтобы отобрать у меня хворост, он помог мне собрать еще больше.

СВИДЕТЕЛЬ ЗАЩИТЫ: В Советском Союзе не надо бояться человека с ружьем. Когда я была в лесу, передо мной вдруг вырос человек с ружьем на перевес, но вместо того чтобы забрать мои дрова он помог мне собрать хворост.

АДВОКАТ ЛЕНИНА: Нужны ли еще какие-либо доказательства о происшедших преобразованиях в самой структуре государства? Власть теперь используется для защиты масс.

ЛЕНИН:

Я был среди врагов, в их самой гуще.

Они очнулись вдруг и на меня пошли гурьбой.

Они меня хулили и дразнили. О, как смеялись надо мной!

Они меня преследовали всюду – в лесах, полях и на воде.

Материя и сыновья ее меня промеж собой делили.

Они пытались утопить меня в их море.

Они мне легкие пробili.

Я харкал кровью, но упорно дальше шел.

Затем набрел на чужаков, и те вкусили

Всю сладость плоти, кровушки моей

И упивались каждым словом, что произносил.

И стал для них я самой жизнью, а они мне – смертью.

Под гнетом их я истомился.

Они меня носили как покровы.

Потом меня сорвали, разорвали.

Однако, я – во всем, и небеса несу.

Я – основание, держу и согреваю землю.

Я – свет, который освещает.

Я – мира жизнь. И мир – лишь смерть моя.

Я – сок, текущий в деревьях.

Я – млеко, что в сосцах у самок.

ВОЛОДЯ: Вы же не намерены равнять себя с самим Христом!

ЛЕНИН: Всю жизнь я сравнивал себя именно с ним.

БЫВШИЙ СЕКРЕТАРЬ ЛЕНИНА: В пятницу, 30 августа 1918 года, в Ленина два раза выстрелили. Несмотря на пробитые легкие, он отказался от помощи, и сам дошел до автомобиля. Только Богом отмеченные способны оправиться от подобных ран. Он тогда напомнил мне европейскую картину «Снятия Христа с Креста». А распят он был попами и первосвященниками, богатеями и контрреволюционерами.

АДВОКАТ ЛЕНИНА: Мне было велено стать его адвокатом и сопровождать его до самого Дворца Страшного Суда. И на всем этом пути я оберегаю его от

клеветников и убийц. Но они все равно его убивают и мне то и дело приходится извлекать пули из его сердца. Оно сильно кровоточит, и я собираю истекающую из него жижу, равно как и пули. Думаю – накоплю побольше ко дню открытия Музея Возмездия. Каждый знает о неминуемом возмездии Божьем и страшится его. Нерожденные и мертвые тоже мстительны и злорадны.

КОСМОНАВТ: Почему бы не отослать его к селенитам? Если они его не купят, то мы просто закопаем его в одном из кратеров. Ведь Луна далека от Земли.

АСТРОНОМ: А не взбредет ли ему в голову пропагандировать марксизм и на нашем спутнике? И установить контакты с рабочим движением?

СТАРЫЙ КОММУНИСТ: И потом он там соединит разобщенные марксистские кружки и сформирует организацию, связанную общими целями и методами борьбы.

АСТРОНОМ: А что если он убедит селенитов положить конец власти Великого Лунника? Что если большевики взорвут наш прекрасный спутник?

СОВЕТСКИЙ ИСТОРИК: Нет никакой причины полагать, что Ленин взорвет Луну после захвата. В сентябре 1917 года, накануне военного переворота, он сказал, что большевики сохраняют то, что он называл «аппаратом русского государства», который выполнял немалое количество работ по учету и регистрации: банки, синдикаты и тому подобное. «Этот аппарат не может и не должен быть упразднен. Мы просто выведем его из подчинения капиталистам. Мы оборвем все нити их влияния и подчиним его пролетарским советам». Так что же может произойти, если мы захороним нашего бывшего вождя на Луне? Военный переворот, роспуск Учредительного собрания, гражданская война, голод, Военный Коммунизм, колхозы, сталинские процессы, война с обитателями земли, Хрущев и десталинизация, Оттепель, Великий Космический Занавес, эпоха застоя, Горбачев, крах коммунизма, развал Советского Союза, голод..

ИСПАНСКИЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛ: Я не симпатизирую коммунистам, но думаю, что развал Советского Союза приведет к всемирной катастрофе. Две супердержавы всегда создавали некое квазиустойчивое равновесие, гарантирующее «холодный мир», основанный, большей частью, на страхе перед ядерной войной. Это мирное состояние омрачилось локальными конфликтами и Кубинским кризисом, который, несмотря на его подобие некоему гигантскому фильму ужасов, лишней раз доказал невозможность новой мировой войны. Советский Союз не атаковал флот США, преградивший путь советским ракетам, потому что советские генералы, сколь бы нетерпимыми и тупоголовыми они ни были, не смогли решиться на уничтожение Земли. Теперь благословенная эра «холодного мира» позади, и нам бы не мешало попросить политическое убежище на Венере.

ДАТСКИЙ КИНОРЕЖИССЕР: Советский Союз то и дело надевал смиренную рубашку на манию величия Америки. Ныне же американцы навязывают всему миру свое единообразие: свои едальни-на-одной-ноге, голливудские подделки... Власти денег следует что-то противопоставить.

РУССКИЙ МИНИСТР ФИНАНСОВ: Что?

ДАТСКИЙ КИНОРЕЖИССЕР: Верные и ошибочные идеи, беспричинный энтузиазм, красоту.

АДВОКАТ ЛЕНИНА: Уповаю на то, что Рай – это постель, где мог бы улечься, растянуться во весь рост и забыть о своих кровоподтеках и ссадинах. И ничего мне там больше не надо, и никого: две, три женщины и прекрасно. Мои земные родственники, что пользуются услугами медиумов и мозг мне волнуют своими дурацкими домоганиями, частенько спрашивают меня, каков из себя Ад. Стоит ли приобретать удобную кровать и теплое одеяло, если тебя все равно разбудят племяннички со своими неугомонными женами? Они еще хуже того будильника, что был у меня в Москве: их невозможно заставить умолкнуть. Жму на все кнопки, что под руками, но неизменно слышу их голоса. Быть может, в Раю я перестану их слышать? Откуда мне знать, каков из себя Ад? Люди ведь не знают тех городов, в которых живут, ибо по музеям ходят только во время отпусков или командировок. Побывать бы в Раю хоть в качестве туриста да побродить бы по его картинным галереям! Занятно было бы увидеть полотна Рембрандта в Саду Эдема!

СУФИЙ: Если мир сей полон наслаждений, и в мире ином небеса, а в остальной вселенной лишь страдания, то этот мир надо оставить гедонистам, иной с его небесами отдать праведникам, а нам избрать себе страдания. И будем мы счастливы, когда нам не достанутся желаемое и желанные, ибо освободимся от всех уз и привязанностей. И весьма скромным достоянием – одеялом да грубошерстным рубищем – мы удовольствуемся так же, как иные целым миром.

РУССКИЙ ИНТЕЛЕКТУАЛ: Аскетические доктрины можно с успехом проповедовать в развитых странах, где некоторые люди, предрасположенные к суровым методам индивидуального спасения, извлекают из них пользу. Жителей же бывшего Советского Союза насильно принуждали к аскетизму нехваткой товаров и продуктов. Их хроническое недоедание не ведет к Богу.

ИСКУССТВОВЕД: Разве вы не разделяете мнения, что страдания способствуют созданию литературных и музыкальных шедевров? Ахматова, Мандельштам, Шостакович...

РУССКИЙ ИНТЕЛЕКТУАЛ: Ахматова и Мандельштам создали много шедевров до Революции и их послереволюционные невзгоды только мешали им, досаждали. И миноры Шостаковича навеяны не страхом перед КГБ или Сталиным, а страхом смерти.

СОВЕТОЛОГ: Так, вы не считаете, что русские склонны пострадать?

РУССКИЙ ИНТЕЛЕКТУАЛ: Они попросту привыкли к страданию.

СОВЕТОЛОГ: Во всяком случае, у них было мало надежд «обогнать США по производству мяса, молока и масла на душу населения», как выражался Никита Хрущев. Русские ленивы и нерасположены к риску. Такие люди вряд ли могут построить государство с мощной экономикой и стабильным демократическим укладом.

РУССКИЙ ИНТЕЛЕКТУАЛ: Упомянутые вами свойства вовсе не присущи русскому характеру. Наш народ приобрел их при советском строе и они должны исчезнуть в процессе развития свободно-рыночных отношений.

АДВОКАТ ЛЕНИНА: Ещё одна лестница. Внизу меня ждёт Ленин. И так машет руками, так месит воздух и молотит по нему, что тот взвивается воронками и что-то бормочет, пока я на коленях сползаю вниз. И поздно прятаться от него, скрываясь за поленницей или под письменным столом. Стоит ему только в потёмках, среди каких-то обломков, обнаружить письменный стол, как он усаживается за него и вытаскивает из кармана авторучку. А чем больше он строчит, тем тяжелее моя задача. Потому я вмешиваюсь и выпихиваю его из-за стола. Кресло его ударяется о стену и катится обратно, скрипя, как тормоза той старой машины-развалюхи, что после моей смерти досталась жене. И Ленин вновь принимается за свой революционный труд. То и дело он притопывает ногой, и я уже слышу звуки разрушительной инерции русских толп. Покорно падают и рушатся дома и памятники, и облака пыли возносятся всё выше и выше, заставляя самих архангелов кашлять и чертыхаться. А Ленин продолжает лихорадочно писать, кивая головой в такт словам. Слова вспыхивают, возгораются ярким пламенем. Огонь охватывает сначала письменный стол, потом всю комнату. Ленин выползает из пожарища и умоляет меня спасти ему жизнь. Он – мой подопечный, и считается, что я должен защищать его во всю меру таланта. А я бы приговорил его к смерти. Но мне сие не позволено. В каждом городе, что мы проходим, есть свои прокуроры, и они требуют его смерти. И всякий раз смертный приговор приводится в исполнение, несмотря на прошения о помиловании, которые приходят в резиденцию Вседержителя. Трусами Ленина завалены наши тюремные дворы, и над ними падальщики кружат стаями. Но они не отваживаются притронуться к этим трупам. Скверным духом пахнет, что ли?

РУССКИЙ ПОЭТ:

СООБЩЕНИЕ ИЗ РОССИИ ДВАДЦАТЬ ПЯТОГО ВЕКА

*Сейчас в России нашей – благодать,
Никто не знает, что такое «голодать».
Слова угрюмые, как «гнев – да «злоба»,
Навеки скрылись, как под крышкой гроба.*

*Нам гром теперь симфонией звучит.
Не шлют солдатиков мальчишки в бой.
В психушках некому бить в стенку головой.
И даже ужас смерти – попритих, молчит.*

*Он прежде нас тиранил, как злодеев черти.
Случается, однако, что порою кто-то где-то
Необоснованно страшится и боится смерти
И портит тем веселье всему свету.
Такого – на Лубянку и под ствол: к ответу.*

СТУДЕНТ: На Лубянку? В двадцать пятом веке?

СТАРЫЙ КОРЕННОЙ МОСКВИЧ: До Революции в этом здании из красного камня помещалось Всероссийское Страховое Общество.

СТУДЕНТ: В штаб-квартиру КГБ? Опять? И в двадцать пятом веке?

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ: Это больше не называется КГБ. Восстановлено первичное наименование учреждения: Чрезвычайная Комиссия по Борьбе с Контрреволюцией и Саботажем.

СТУДЕНТ: Почему?

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ: Вероятно, в честь Дзержинского. Он его создал.

СТУДЕНТ: А памятник ему? Они поставили ему новый памятник? Мы его свалили.

Свалили? Когда?

СТУДЕНТ: Я был на площади. В толпе. Мы его свалили. Измазали краской. Я пнул его в черепушку.

БЕРИЯ: Я видел это по телевидению.

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ (студенту): Вы тоже это видели по телевидению?

СТУДЕНТ: Я сам там был. И пнул его в черепушку.

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ: Вы все это видели по телевизору двадцать пятого века? Изображение было четырехмерным?

СТУДЕНТ: Ельцин приостановил деятельность Русской Коммунистической партии.

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ: Когда?

СТУДЕНТ: Спустя пять столетий! Как это могло случиться?

АДВОКАТ ЛЕНИНА: Сколько раз я упрасивал его успокоиться и вести нормальный образ жизни. Почему бы снова не заняться садом? Мне так нравился его садик и особенно тихий доверительный шепот водопада. Ленин боится скрытых микрофонов. Или то был водяной каскад? Как подобные вещи называются на земле? Неважно. Я уж никогда не буду жить на земле. Надеюсь, проживу в земле. Внутри нее. Снаружи – холодно.

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ: Было множество различных студенческих кружков «вредной направленности», как писалось в докладах ельцинской тайной полиции, У них был вожак. Революционно настроенный, энергичный, начитанный, он излагал свои взгляды настойчиво и убежденно. Находился под специальным негласным надзором жандармерии и руководства Московского университета.

СТУДЕНТ: Кто был этот вожак? Где он теперь? Почему его не арестовали?

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ: При правительстве Ельцина кафедры Московского университета заполнила реакционная профессура, и студенческие организации сурово преследовались. Все студенческие кружки и сообщества, даже общества взаимопомощи, подозревались в подрывной деятельности. Студентов, отваживавшихся высказывать оппозиционные взгляды, отправляли в университетские карцеры. Эти полицейские меры вызвали резкие протесты.

СТУДЕНТ: Когда это происходило?

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ: В конце девяностых годов. И потом в течение всего двадцать первого столетия.

ФРАНЦУЗСКИЙ ЛЕВЫЙ ИНТЕЛЕКТУАЛ: А что происходило в двадцать втором столетии? Исступлённые толпы студентов заполнили Москву? В России всё делается со скоростью черепахи. Мы-то в 1968 году все высыпали на улицы ещё до того, как узнали, что же на самом деле творится. On s'engage et puis on voit.

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ: В двадцать втором столетии великий князь Николай венчался на престол в Москве. В двадцать третьем веке царь Александр Четвёртый был убит революционером, а шестьдесятю годами позже его праправнук отрёкся от престола в космическом корабле Венера-Юпитер.

МОНАРХИСТ: Враги Православия, противники единой, твёрдой и политически здоровой власти развернули свою подрывную деятельность ближе к концу двадцать третьего столетия. Население городов и индустриальных центров, состоявшее, в основном, из рабочих, было введено в заблуждение шквалом пропагандистской шумихи, в которой сулились и несбыточное равенство, и абсолютные свободы. Тогда оно выразило свою неудовлетворённость существующим политическим строем демонстрациями, забастовками и террористическими актами. Верхний слой населения – аристократия – уже давно начал свой отход от Церкви и Веры, всё более теряя свой моральный авторитет и, тем не менее, внутренне лелеющий мысль о принятии на себя всей полноты власти и устранения царя.

СТУДЕНТ: Кто возглавил это революционное движение? Ленин? Троцкий?

РУССКИЙ ИСТОРИК: Троцкий был последовательным сторонником перманентной революции и, вероятно, поэтому продолжал и здесь, в Потустороннем мире, борьбу против капитализма и монархии. В 1937 году он призывал к новой революции в СССР, дабы восстановить власть рабочих. Он призывал к ещё одной революции и в двадцать четвёртом столетии и вновь был смертельно ранен колуном в 2640 году.

Русский поэт:

*Мне ничего не изменить, никогда.
Мой голос не инструмент, а струна,
На которой играют тревоги, мученья.
И руки тянутся к соломинке спасенья.*

*Что бы я ни сказал, ни выткал,
Акулы и львы будут пасть разевать,
А поэты – с голоду умирать.
Толпа из могилы извлечёт Гитлера,
Не дав ему всласть подремать в земле.
Сталин уж скачет на белом коне.*

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ: Поэты России – это как бы совесть русского народа. Они и по сию пору всё читают свои стихи у памятника Пушкину на Пушкинской площади, у могил Ахматовой и Пастернака.

АДВОКАТ ЛЕНИНА: Было бы хорошо, если б я мог бродить только по лесу, избегая лестниц и болот. И Мавзолея. И Красной площади. Я не против сделать лишний крюк в обход, если он необходим и полезен. В своих блужданиях нередко ломаю ноги и тону. Ничего не имею против жизни в одном и том же помещении, сколь бы долго Вечность не терзала мою плоть и дух мой. Уж лучше лежать на одном месте и созерцать свои кошмары, чем смотреть их телевизионные программы или наблюдать, как Ленин скандалит. Но я до сих пор так и не могу обрести какую-либо постель уж не говоря о простынях и подушках. А у Ленина – и саркофаг, и жена. Справедливо? Что же, мне самому защищать себя в их Суде? Умолять и ползать перед ними на четвереньках?

СТУДЕНТ: А Сталин тоже жив?

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ: Никто не умирает. Никто никогда не рождается.

СТУДЕНТ: Историю творят герои. Они внимательно следят за ней и выжидают подходящего момента. Нет, Толстой был неправ.

ГУСТАВ ЛЕ БОН: Как только вы вливаетесь в толпу, вы тут же теряете своё имя, своё лицо, воспоминания свои и связь с семьёй. Ваши личные свойства растворяются в особенностях того или иного коллектива, который ведь обладает собственной психологией. Толпа не рассуждает. Она ощущает себя непобедимой. Ей нужно активно действовать и она просто рвётся к тому, чтобы ею управляло некое, предположительно высшее, существо, пред силой коего она трепещет и чьи догматы она и не способна обсуждать или оценивать, но, тем не менее, готова насаждать и утверждать их всюду. Толпа всегда чего-то ждёт, на что-то уповает, и потому ей очень легко внушить, что угодно и наставить её совершить что угодно. Так чего же ждёт она, чего так жаждет? Ей подавай призыв. Песню. Одного слова ей достаточно. Свобода! Демократия! Родина! Heimat. Иностранцы! Счастье! Мир! Смерть! Враги! Кровь! Смерть! Словесные повторы, заклинания. Толпа весьма отзывчиво реагирует на речи фанатиков, оперирующих грандиозными и туманными образами. И неприемлющий всего этого – ей враг. Возбуждённая толпа ведёт себя одинаково повсюду, будто упразднили географию. Коммунизм. Нацизм. Ленин и Гитлер за счёт индивидуума воздвигли своим толпам монументы. И благодарные толпы, воздвигли монументы Ленину.

СТУДЕНТ: Ленин создал Советский Союз по образу своему и подобию. Если б не он, Россия стала бы как Франция или Германия. Или стала бы другой Россией. Ведь Коммунистическая партия была тогда совсем не такой. Внутри Коммунистической партии России тогда было, на самом деле, много разных политических течений. Но Ленин навязал ей свою волю, свою однопартийную систему, своё единоначалие, театр одного актёра. Неправ был Толстой. Массы следуют за героями. Ведь Наполеон и его Франция были как две капли воды. А Третий Рейх...

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ: Без вашего покорного слуги совсем иной был бы Потусторонний мир.

АДВОКАТ ЛЕНИНА: Изучаю его жизнь. И чем больше я этим занимаюсь, тем меньше хочется мне защищать его от общественных обвинителей и перед Богом. Ибо зрю я перст, указующий на него с осуждением без права апелляции. А я пытаюсь отвести сей перст в сторону. Таковы мои обязанности и долг мой. Такова кара мне. Я не жалуюсь и стараюсь сохранять достоинство и чувство юмора. Веду себя, как солдат. Порою не могу сдержать горестных восклицаний, но эхо моих вскриков звучит столь громко, что я зажимаю уши и даю себе клятву хранить молчание впредь как можно дольше. Вчера невозможно было удержаться, и я вскрикивал вплоть до полуночи, заткнув уши большими пальцами.

СТУДЕНТ: Не продавайте его тело! Уничтожьте его!

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ (студенту): А вы бы убили Владимира Ильича колуном?

СТАРУХА (перстом указуя на Ленина): Он – Раскольников.

СТУДЕНТ: Но Ленин – не старуха!

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ: Неужто нет? А вы поглядите на него получше!

СТУДЕНТ: Ну, просто Ленин. Старый Ленин. Мёртвый Ленин.

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ: Не поздновато ль убивать его? Убийства после смерти не бывает.

СТУДЕНТ: Почему не убить его в прошлом? В 1917-ом? В Швейцарии?

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ: Отчего бы не убить его ещё в детстве?

СТУДЕНТ: Мертворождённое дитя!

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ: У вас есть водительские права? По Парижу он обычно ездил на велосипеде.

СТУДЕНТ: Просто ещё одно убийство.

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ: И вы бы стали спасителем всего человечества.

СТУДЕНТ: Нет, это не убийство. Людей убивают в настоящем, а не в прошлом. Но если вы убиваете преступника в прошлом, то вы спасаете будущее от коммунизма, фашизма, нацизма...

ГИНЕКОЛОГ: Быть может, нам переговорить с его матерью? Она бы могла проглотить пакет-другой противозачаточных таблеток. Или сделала бы аборт.

СТУДЕНТ: Почему она полюбила его отца? Он же не был красавцем. Каков отец, таков и сын.

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ: Его отец дослужился до дворянского звания.

СТУДЕНТ: Почему его бабушка полюбила его деда?

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ: Она не любила... Но её родители считали...

АДВОКАТ ЛЕНИНА: Во время судебных разбирательств я говорю о том, насколько царское правительство было деспотично и продажно. Говоря о Первой мировой войне, упоминаю о потерях России и о том, что русские войска были вконец измотаны. Они были едва одеты, плохо вооружены и не кормлены. Потому и было свергнуто царское правительство. А Ленин тут не причём. Он был в Швейцарии, когда разразилась Февральская революция и её волны прокатились по стране, смыв несколько монументов. До сих пор спотыкаюсь об их поверженные останки по пути к Дворцу Последнего Суда. Я произношу много нелепостей во время его процессов, Возвышаю голос – и имя Распутина разносится под сводами

того или иного дворца правосудия. Присяжные зажимают уши и на цыпочках выходят из зала. Ленин хохочет и подпрыгивает от радости. Затем встаёт прокурор, и присяжные возвращаются, ритмично кланяясь. Приговор вынесен и Ленин казнён. Беру свой атташе-кейс и направляюсь в следующий зал суда или в другую тюрьму. Кто-то сказал, что жизнь – тюрьма. Смерть – тоже тюрьма.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Что же нам делать с его телом? Захоронить? Или сжечь и развеять прах над Чёрным морем? Или продать какому-нибудь американскому музею?

СТАРЫЙ КОММУНИСТ: Так у американских рабочих появится возможность лицезреть основателя первого социалистического государства во вселенной. В отличие от европейских рабочих, у наших американских друзей плохое политическое образование и они не ведают, что коммунистическая партия является единственным защитником их интересов. Им необходимо подняться до более высокого уровня классового сознания, добиться большего единства.

Несмотря на тяжелую экономическую ситуацию, класс капиталистов всё ещё собирает богатые урожаи прибылей. А убытки и потери тяжким бременем ложатся на беднейшие слои населения. Американские рабочие не осознают, что они бедны и угнетаемы. Но как только они узрят его на Тайм Сквер, как только соприкоснутся с ним и услышат его...

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ: Сдаётся, вы запомнили, что Ленин нем.

СТАРЫЙ КОММУНИСТ: Необычайная мощь убеждённости, простота и ясность обоснований, краткие и легко усваиваемые речения, отсутствие показухи, ошеломительных жестов и громких театральных фраз, неотразимая сила логики...

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ: Вы, что же, глухой?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Заплатят ли они нам 27.000.000 долларов за немую мумию?

БИЗНЕСМЕН: Говорящие куклы обычно дороже немых.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: А потенциальный покупатель знал о немоте Ленина, когда цену за него предлагал?

РУССКИЙ КОММИВОЯЖЕН: Да, он ведь способен произнести хоть что-то... сказать...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Что?

РУССКИЙ КОММИВОЯЖЁР: Хотя бы несколько слов. Например, «Нет, Революция не завершилась, она продолжается. Мы не должны опускать рук. Напротив, нам следует действовать ими ещё энергичней! – Этого было бы вполне достаточно.

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ: Он не в состоянии выговорить даже «мама».

СТУДЕНТ: Хуже попугая!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Он способен произвести хоть какой-нибудь звук? Не важно какой...

РУССКИЙ КОММИВОЯЖЁР: Вопль угнетённого рабочего. Вопль угнетённого русского рабочего.

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ: Спросите его сами!

РУССКИЙ КОММИВОЯЖЁР (Ленину): Можете завопить?

КАТОЛИЧЕСКИЙ СВЯЩЕННИК: Позвольте ему завершить своё покаяние!

АДВОКАТ ЛЕНИНА: Зачастую они забывают, что в России было много революций. Была революция в феврале 1917 года. Была революция в 1905 году. Утверждая, что Ленин был за границей во время Революции, я рассчитываю на их невежество и безразличие. Они считают русских покорными, ленивыми и не способными на бунт. Полагают, что была только одна революция. Точнее – военный переворот. Путч, организованный всего несколькими людьми, включая Ленина. Остальные, мол, пили или спали или предавались эротическим утехам. Лишь немногие передвигались походным порядком или тайком Санкт-Петербургу, остальные спали, а Ленин был в Швейцарии, заявляю я громогласно. Они согласно кивают и подписывают ещё один смертный приговор. Что я делаю в этих судах? В прошлом году один офицер сказал, что во время Революции Ленин был в Санкт-Петербурге. Этот офицер был русский. Он был казнён в 1918 году по приказу Ленина. И что же я сказал на это? Появление Григория Распутина при Дворе и его влияние на знать знаменовало начало упадка русского общества и падение престижа трона и самого царя. Вот что я ответил тому офицеру, но он-то знал, что я говорю о Февральской революции. Я рукоплескал, приветствуя убийство Распутина, сказал он. И все присяжные тут же зарукоплескали с какой-то истеричностью. Но что вы скажете относительно Октябрьской революции? – спросил он. – Ведь до захвата власти коммунистами в России была демократия». «А как быть с войной? И с поражением русской армии?» парировал я. Но в этот момент в зал вошёл Черчилль. «В мире нет другой нации, к которой судьба была бы более безжалостна, чем к русским, – заметил он. – Корабль России пошёл ко дну на рейде её порта. Шторм уже кончился, когда случилась катастрофа. Отчаяние и тирания возобладали в тот самый момент, когда главные трудности были уже позади. Сжимая победу в руках, Россия пала наземь и, как некогда Ирод, была заживо пожрана червями». Так он сказал, и присяжные опять истерично захлопали в ладоши. «Ленин – червь», – заявил прокурор. «Ленин – людоед», – сказал офицер. «Это – мой суд и мой процесс, – сказал Кафка, появляясь в дверях. – Что вы все тут делаете?» Быть может, я никогда больше не повстречаюсь с Кафкой, но я до сих пор хорошо помню его улыбку. Возможно, он ждет меня во Дворце Последнего Суда.

ПРАВОСЛАВНЫЙ СВЯЩЕННИК (обращаясь к американскому народу): Христиане! Восстанем супротив ига Красного Антихриста! Некие лукавые мультимиллионеры вознамерились купить мощи антихристовы, желая тем преумножить свои богатства. Воспрепятствуйте же всеми силами сией сделке коммерческой! Не внимайте тем, кто утверждает, что Ленин умер! Не внимайте и тем, кто уверяет, что он есть достояние истории и может посему быть выставлен в некоем музее! Ленин жив. Антихрист завсегда жив. Взирая на мощи его, вы смиритесь с ним. Однако, несть мира между Христом и Сатаной. Ибо мощи его источают из себя злодеяния и разрушение. И частицы мелкие мощей его злостных станут рассеиваться по всей вашей отчизне. Ибо Ленин опаснее всякой атомной электростанции. И мощи его суть водородная бомба замедленного действия. А сам он действует всегда быстро. И я благословляю все длани, поднятые супротив Красного Антихриста, ибо сам Господь наделил мя сиим полномочием. И

именем Господа отпускаю аз грехи всем, кто положит животы свои за то, буде они повстанцы множественные либо мстители одинокие. И забудьте все страхи свои в сиим благом возникновении вашем супротив Антихриста и приспешников его.

АДВОКАТ ЛЕНИНА: Вечность предсказуема. Что угодно может случиться в ее чертогах. Кто угодно может ввалиться к вам. Помню каждое слово, которое произносят в таком случае незванные гости, хотя порою и не понимаю, о чем они толкуют и отчего они столь велеречивы. Окружив меня, они болтают целыми столетиями. Неудивительно, что я страдаю бессонницей.

АМЕРИКАНСКИЙ СЕНАТОР: Невзирая на то, что у русских более семидесяти лет не было необходимой политической практики, они сейчас, сломя голову, бросились в заваруху настоящей демократии. Пустившись во все тяжкие, они своими программами ускорения перехода к рыночной экономике обнадёживают нас теперь гораздо больше, чем когда-либо прежде. Огромные и крошечные компании, разбросанные по всей России и заполнившие деловые ниши повсеместно от ресторанов до розничной торговли, ныне поощряются и поддерживаются. Но с русскими мы не собираемся торговать людьми, будь они живые или мёртвые. Мы также не намерены облагодетельствовать нашим гостеприимством какого-то преступника, гангстера – недоброе напоминание об Аль Капоне и его эпохе. Вам известно, что фонды большевиков образовались в результате преступных деяний, в основном, ограблений, эвфемистически называвшихся «экспроприациями?» Большевики совершали налёты на почты, железнодорожные станции, поезда и банки. Ленин лично контролировал это, а нередко и руководил этими ограблениями – из Парижа, где он занимался изготовлением фальшивых денег, выпуская трёхрублёвые банкноты, и из Мюнхена, где сам участвовал в вооружённом нападении. Смерть Ленина нанесла ощутимый удар по кривой роста преступности в Советском Союзе. Ныне же она опять полезла в гору. Организованная преступность в Москве и других городах достигла такого уровня, что «мафия» стала родным словом в русском языке. Ленин и к этому свою руку приложил. Его рука видна во всём, что русские сделали за последние восемьдесят лет. Американцы, соотечественники! Вы хотите стать русскими? Хотите, чтобы ваша страна превратилась в Советский Союз? Слякоть да грязь, воздух, провонявший погаными сигаретами и дезинфицирующими средствами, люди, стоящие в неминуемых очередях, дабы купить то немного, что есть на магазинных прилавках... Такое вы хотите зреть вокруг себя? Пьянчуги, вечно толкущиеся у всех дверей, на каждой станции метро, забулдыги, от которых несёт перегаром и мочой, пьяницы, валяющиеся во всех проходах и на тротуарах или заплетающейся походкой бредущие вдоль улиц – везде пьяницы... Вы этого хотите? Но мы не попадём в коммунистическую западню. Боже благослови Америку и американский образ жизни.

АДВОКАТ ЛЕНИНА: А это – Кафка? Он и смотрит, и улыбается не так, как Кафка. Да он вовсе и не улыбается. И он – не Ленин. Спрашивает меня, говорю ли я по латыни. «В этих широтах любой говорит по латыни, – отвечаю я, улыбаясь во весь рот. Надеюсь, на лице моём – именно радушная улыбка, а не

просто вежливая улыбочка. «Знакомы ли вы с Уильямом Оккамом? – спрашивает он, обратив внимание на мою улыбку от уха до уха. «Лично – нет, – отвечаю я, и улыбка вянет на моих губах. Мне уже скучно. Но еще не до смерти. Мне до вечной жизни надоело, так сказать. Не придавая значения тоске в моих глазах, он начинает бесконечно цитировать: «Ergo ipsa re destructa potest poni ipsa notitia intuitiva, et ita notitia intuitiva secundum se et necessario non plus est existentis quam non existentis»... «Что вы имеете в виду, – спрашиваю я. Зачем я это спрашиваю? «Мы можем обладать интуитивными знаниями о несуществующих вещах и событиях, – отвечает он. – Бог заставляет нас чувствовать то, чего нет. Так что, Революции не было. Я её чувствую, но её не было на самом деле. Не было», – твердит он, кивая головой и притопывая ногой. Я бы охотно воспользовался подобной аргументацией во время судебных разбирательств. «И как вам удалось её почувствовать? – спрашиваю я. – Погибли в концентрационном лагере?» «Моя мать ошибалась, – говорит он в ответ на это. – Революции не было», – и вновь убеждённо кивает и удаляется. А я продолжаю ощущать его присутствие.

ПРИХОЖАНИН ЦЕРКВИ СВ. ИОАННА. ВОИТЕЛЯ В МОСКВЕ: Церковь была переполнена. С хоров в последний раз полились чудесные, радостные пасхальные песнопения. Такие знакомые и привычные уху, и всё же сколь добросовестно и с каким чувством они распевались! «Да восстанет Бог, и расточатся враги Его». Как чётко звучали слова сии! Сколь ясно и значительно! Словно выкованные из металла!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*потенциальному покупателю*): Почему вы хотите приобрести тело Ленина?

ПЕРВЫЙ ПОТЕНЦИАЛЬНЫЙ ПОКУПАТЕЛЬ: Я коллекционирую скульптуры. Ленин – самая знаменитая скульптура в мире.

АДВОКАТ ЛЕНИНА: Так ли заботлив и милостив Бог в жизни, как в песнопениях моей бабушки? Многие обитатели Ада думают иначе и всякий раз, заслышав шаги Бога, захлопывают двери. Я так не делаю, ибо у меня нет никаких дверей. Я отворяю покои богохульников. Предоставляю им возможность радушно принимать Бога у себя. В карманах моих пиджаков и брюк всегда полно самых разных ключей. И отпираю я чужие двери и славлю Бога как можно красноречивее. Так что я – ещё и Божий защитник, в некотором смысле. Никогда неосмотрительно не высказываю вслух сомнений по поводу Его существования или щедрот Его. Искренне разговаривать с собою не смею даже в лесной чаще. Ведь нередко стучаюсь головой о микрофоны, свисающие с рождественских елок, как экзотические плоды.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*следующему потенциальному покупателю*): Почему вы хотите приобрести тело Ленина?

ЧЕТВЁРТЫЙ ПОТЕНЦИАЛЬНЫЙ ПОКУПАТЕЛЬ: Я – директор крупнейшего в Соединённых Штатах музея кино. Нам бы очень хотелось иметь у себя героя эйзенштейновского «Октября». Ведь именно этот фильм сделал из Ленина настоящую кинозвезду.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*следующему потенциальному покупателю*): Почему вы желаете приобрести тело Ленина?

ПЯТЫЙ ПОТЕНЦИАЛЬНЫЙ ПОКУПАТЕЛЬ: Я – убеждённый холостяк. И вечерами мне очень одиноко. К себе я никого не приглашаю, потому что терпеть не могу людские голоса. Люди болтают слишком много. И вертятся всюду. Не выношу и собак с кошками. И птиц.

АДВОКАТ ЛЕНИНА: Как мне объяснить им террор? На прошлом суде я говорил, что террор был прямым следствием интервенции войск Антанты, угрожавшей не только большевикам, но и всей России. И я подчёркивал, что сразу после Революции террора не было. Я говорил, что против политических оппонентов тогда не применялось никакого насилия. К тому времени они уже были мертвы и похоронены. В земле. В конце ноября 1917 года был отменён смертный приговор, отмечал я. Убивать было некого. На московских улицах было пусто. Помню, как по ним носились бездомные псы. Коммунистический террор начался, должно быть, в первый день Творенья, ещё до того, как Бог произнёс «Да будет свет». Он никогда не говорил такого. Богу не удалось произнести «Да будет свет». Коммунисты арестовали Его на даче и пригрозили револьвером. Сам Адам был коммунистом и ленинским апостолом. Тут неподалеку Ева частенько собирает хворост. Вчера я попросил одного старого коммуниста помочь ей. «Мадам, – сказал я, – в Советском Союзе вам не следует бояться человека с ружьем». Еще один свидетель защиты.

Как мне во тьме найти Бога? На прошлой неделе я видел Факелы. Они освещали мне тропу. Не раз я спотыкался о древесный корень или налетал на колонну. Почему бы сегодня не молвить Богу «Свет?» Или он запомнил сие слово? Мне Ему напомнить? Как? Бог по-русски говорит? Жаль, нету спичек. Никогда не курил, а зря.

Возможно, ещё слишком рано для света. Я клялся проснуться сегодня пораньше. Или пробудился опять вчера? Но вчера я видел факелы. Не ослеп ли? Недавно Сталин ослеп. Быть может, я – Иосиф Сталин? Таково моё новое перерождение, последнее прибежище моей души? Пути душ людских неисповедимы. Цветы не ведают, в какую вазу попадут, какую комнату украсят.

Под покровом этих душ орудуют демоны, особенно те, что обитали в них при жизни и направляли их к тому уделу, который, в конце концов, и осуществился. Ибо вряд ли есть на свете человек, ни разу не пригревший в лоне своём демона. В лоне своём. Станные слова. И в меня вселился демон? Бывает, не узнаю – собственных слов. Устами моими глаголет некто другой. Неужели я – глас Сатаны? Пророк Сатаны? И рот мой сам по себе отверзается и не способен я закрыть его? Челюсти и длани мои совсем ослабели, не могу сладить с моим ртом.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*следующему потенциальному покупателю*): Вы почему хотите приобрести тело Ленина?

ВОСЬМОЙ ПОТЕНЦИАЛЬНЫЙ ПОКУПАТЕЛЬ: Я – профессор анатомии. Своим студентам я разъясняю особенности различных заболеваний: цирроз печени, рака простаты. Я нередко на глазах у них препарирую мертвецов, чтобы

продемонстрировать верность моих теоретических положений. И в мире нет ничего, что могло бы сравниться с этой мумией, с этой неподражаемой иллюстрацией коммунистической болезни.

АДВОКАТ ЛЕНИНА: Опять Ленин. Я надеялся, что уже избавился от него. Он машет рукой у меня перед глазами, словно я ослеп, а потом тащит к какому-то труп, припрятанному в огромной ванной комнате. Кого же он убил? Бога? Сатану? Заурядного русского? А я должен оправдать ещё и это убийство? Склоняюсь над трупом, не прикасаясь к нему. Лицо мне кажется знакомым. Или он убил одного из моих родственников? «Идет Гражданская война, — говорит Ленин, хватая меня за подбородок. — Я вынужден был это сделать». Мы выволакиваем труп в соседний сад и хороним его под розовым кустом. А Бог видит это? Мне же надлежит защищать Ленина от его обвинителей. Потому я предпочитаю хоронить его жертвы, прятать их в земных глубинах. У меня уже нет никаких аргументов. Моим словам не спасти его жизнь. К счастью, у меня есть лопата. К счастью, земля мягка и податлива.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*следующему потенциальному покупателю*): Почему вы хотите приобрести тело Ленина?

ДЕСЯТЫЙ ПОТЕНЦИАЛЬНЫЙ ПОКУПАТЕЛЬ: Мне было бы приятно делить кров с человеком, который считал, что человечество может быть счастливо.

АДВОКАТ ЛЕНИНА: Земля все понимает. Я часто всем телом прижимаюсь к ней и обнимаю ее, как влюбленный. И ласково целую ее, как сына или дочь. Хорошо бы меня похоронили в лоне ее недр. Навеки. Земля — мать моя, но я не желаю быть заново рожденным. Пожалуйста, без воскрешения. Приберегите этот ритуал для правоверных. А меня просто похороните, и ступайте прочь. Не возвращайтесь. Никогда. Сначала заройте меня, а потом уходите. Не забудьте зарыть меня. Я не могу покойно спать поверх земли. А на земной ли я поверхности? Нашим представлениям об Аде не больше ли подходит Юпитер? Юпитер или Сатурн или Плутон. Но это, по-видимому, не Луна. Мне знакомы лунные пейзажи. Я попрошу их забрать меня отсюда. Не хочу быть похороненным на Плутоне. Попрошу отправить меня на Землю. Разве я не могу быть похоронен там, где был рожден и гоним? Разве я не заслужил это?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*следующему потенциальному покупателю*): Вы почему хотите приобрести тело Ленина?

ОДИННАДЦАТЫЙ ПОТЕНЦИАЛЬНЫЙ ПОКУПАТЕЛЬ: Мы намерены на нем испытать наш новый препарат, способствующий регрессирующему восстановлению истины. Очень много его писем было уничтожено. Было сожжено много компрометирующих документов. И слишком много свидетелей было ликвидировано.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*следующему потенциальному покупателю*): Вы почему хотите приобрести тело Ленина?

ДВЕНАДЦАТЫЙ ПОТЕНЦИАЛЬНЫЙ ПОКУПАТЕЛЬ: Я нахожу его красивым. Ведь жестокость красива.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*следующему потенциальному покупателю*): Вы почему хотите приобрести тело Ленина?

ТРИНАДЦАТЫЙ ПОТЕНЦИАЛЬНЫЙ ПОКУПАТЕЛЬ: Волоски с его бородки должны обладать чудодейственной силой. Как рог носорога. Я буду продавать их по одному. И многие исцеляться.

АДВОКАТ ЛЕНИНА: На следующем судебном заседании я, пожалуй, воспользуюсь Предопределением, то есть учением о Предопределении. Лейбниц – идеальный свидетель защиты. Ведь Ленин и его убийства были вплетены в самую ткань Вселенной в первый день Творенья. Разумеется, Сатаной. Бог вплетает, цветы в пряди волос наших наложниц, а Сатана – убийства в полотно истории. Вот о чём я скажу на следующем судебном заседании. Ленина надо было казнить в первый же день Творенья. Но ему было позволено родиться. А теперь – поздно. Почему должны мы казнить людей в последний день Творенья; день, когда разверстнется гибельная бездна, ключи от коей у Аваддона?

ТРОЦКИЙ: Мы должны судить его открытым судом. Общественный обвинитель развернёт пред нами всю панораму его жизни и деяний: крестьянская политика, национальная политика, культурная политика, две войны... Судебные заседания будут передаваться на весь мир по радио и телевидению.

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ: В 1918 году вы стояли за показательный процесс над царём и формулировали свои предложения в тех же самых выражениях. Вы, что, застряли навсегда в лифте времени? Или перестроились?

ЧИНОВНИК (строча записку): Друзья не дремлют и надеются, что долгожданный час настал. А восстание наших коммунистов грозит Ельцину теперь весьма серьёзно. Мы заняли узлы телефонной связи, главтелеграф, узловое железнодорожные станции и все мосты. Армия ельцинистов сопротивляется вяло. Но бдите и будьте начеку по отношению к любым перемещениям любых внешних сил, надейтесь и ждите. А превыше всего, будьте благоразумны! Ведь ельцинское правительство пред тем, как потерпит сокрушительное поражение, уготовит вам настоящую жуть. Будьте готовы встретить такое в любой час дня и ночи. Делайте эскизные наброски любого холла, где проходит какой-либо аукцион, и не впадайте б сплин. Отныне вам лучше б не спать вообще от двух до трёх пополуночи. На поставленные вопросы отвечайте кратко, но обстоятельно, и помните, что в ваших ответах должна содержаться исчерпывающая информация о здании, где вы проживаете. Где расположено ваше ложе? Спите ли в вашем саркофаге? Не спите! Нам необходима ваша информация. Мы здесь, мы рядом с вашими новыми жилищами. Если откроете окно и выгляните наружу, то увидите нас, стоящими на противоположной стороне улицы. Не открывайте окно! Они будут стрелять и убьют вас. Ваш ответ передайте через солдата, что убирает у вас в комнате. Это наш связной. А как он у вас там убирает? Имеются у вас жалобы?

Один из тех, кто готов жизнь положить за вас. Офицер КГБ.

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ (Ленину): Да не читайте вы эту галиматью. Чиновник сей, писал подобное же письмо и царю 20-го июня 1918 года. Большевики чуть было не преуспели в осуществлении операции мнимого спасения, что могла предоставить им неоценимый предлог для расстрела Его Императорского Величества.

ЖУРНАЛИСТ (делая наброски статьи): И заговор был раскрыт. Цель его состояла в том, чтобы вырвать деспота из лап нашей Ассоциации Торговцев с помощью вооружённых сил. В виду сего факта Президиум Московского Областного Суда приговорил труп Ленина к расстрелу. Приговор приведён в исполнение 16-го июля.

КОСТЯ: Он, в самом деле, должен неукоснительно перенести все страдания всех его жертв?

АДВОКАТ ЛЕНИНА: Кроме того, маркиз де Сад оправдывает убийства и, следовательно, убийц. Я не стану упоминать его имя на суде, но не могу не думать о связи этого индивидуума с Лениным и его революцией. Читал ли Ленин маркиза де Сада? Кто-то сказал, что Ленин вовсе не был садистом. А кем он был, мазохистом? Только мазохист способен выдержать то, что ему приходится терпеть здесь, в Потустороннем мире. Или надеялся, что после смерти не будет никакого суда? Или так верил в силу моего красноречия, что стал безответственным и жестоким? Надеялся, что я спасу его от виселицы? В Потустороннем мире много виселиц. Я их нередко принимаю за деревья, но тела, свисающие с них и болтающиеся, как забулдыги на закатном ветру, убеждают в обратном. И куда бы не надобно мне было сходить или сбегать, я всюду вынужден таскать с собою лестницу. Приставив её к виселице, я взбираюсь наверх и развязываю все узлы. Я – адвокат, и профессиональный долг защитника диктует мое поведение. Укладываю тела на траву, и они начинают шевелиться и дышать. Или я заблуждаюсь? Трава черна. Тела черны, обуглены. Я то же шевелится? Ветер? Кто гонит по миру сей ветер? Шелли? Я видел Шелли на прошлой неделе. Он жене своей на день рождения подарил японский веер. А она подарила ему электрический вентилятор. Рождественский презент. Быть может, Ленин – Франкенштейн?

ЛЕНИН: Я прочитал письмо этого чиновника и ответил ему. Я предоставил ему всю информацию, о которой он запрашивал. Я написал ему, что все окна у нас заперты, надёжно заделаны замазкой, покрашены белилами, и что я не могу открыть ни одно из них. 22-го июня какие-то рабочие проверили окна в моей спальне, а на следующий день, к удивлению моему и радости, одну из вторых рам сняли и приоткрыли фрамугу. А свежий воздух мне необходим. Я глубоко вздохнул и улыбнулся. И увидел отображение моей улыбки в овальном зеркале. Улыбка меня весьма порадовала, подбодрила. Несколько позже я получил ещё письмо, где меня призывали не падать духом. Автор, этот самый чиновник, обещал к 30-му июня прислать мне детальный план всех операций. «Ждите сигнала», – писал он. Какого сигнала? Кто-то постучит в дверь? Или по крыше? Раздастся пьяное пение? Свист? Или звук бегущей воды? Скрип половиц? Мяуканье кошки? Той ночью я совсем не спал. Казалось, любой звук мог быть тем сигналом. «Как только вы услышите сигнал, – писал он, – забаррикадируйте ту дверь, что ведёт в зал, и спускайтесь через открытое окно по верёвке, которую солдат привяжет к вашей кровати». Я ожидал, что солдат вот-вот придёт. Но никто не приходил. Под окном мяукала кошка. Ждать при такой неопределённости было просто мукой. Часовому, топчущемуся под моим окном

было наказано следить за моими движениями. Потом ещё одну беспокойную ночь я провёл, будучи одетым и полностью готовым. Но и на сей раз ничего не случилось. Неделю спустя меня неожиданно разбудили какие-то люди, приказали одеться и следовать за ними. Я попросил предъявить мне их документы. Они пригрозили применением силы. Я оделся, и меня вытолкали из комнаты. Затем, пройдя по коридору, мы остановились у какой-то открытой двери. Из неё был виден автомобиль. Меня затолкали в него, и мы поехали. Где-то за городом машина вильнула в лесок и остановилась. Мне приказали выйти. Я повиновался и мне выстрелили в спину.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*следующему потенциальному покупателю*): Вы почему желаете приобрести тело Ленина?

ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ ПОТЕНЦИАЛЬНЫЙ ПОКУПАТЕЛЬ: Мы установим его в витрине нашего похоронного бюро. И при виде так хорошо сохранившегося трупа у наших клиентов появится искушение ускорить ход своих болезней. И станут думать, что и они бессмертны, что пребывание в Потустороннем мире гораздо более комфортно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*следующему потенциальному покупателю*): Вы почему хотите приобрести тело Ленина?

ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ ПОТЕНЦИАЛЬНЫЙ ПОКУПАТЕЛЬ: Я захороню его. Я – Антигона.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*следующему потенциальному покупателю*): Вы почему хотите приобрести тело Ленина?

ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ ПОТЕНЦИАЛЬНЫЙ ПОКУПАТЕЛЬ: Потому что я коллекционирую революционеров.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*следующему потенциальному покупателю*): Вы почему хотите приобрести тело Ленина?

ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ ПОТЕНЦИАЛЬНЫЙ ПОКУПАТЕЛЬ: Потому что я коллекционирую мучеников.

АДВОКАТ ЛЕНИНА: Ленин нужен всем. Даже мне, иначе я потеряю работу. Он может способствовать моему спасению или, по меньшей мере, моему окончательному и безвозвратному захоронению на Ваганьковском кладбище рядом с могилами моих родителей. И Керенскому он нужен, дабы отвлечь угрозу монархической контрреволюции. «А если большевики попытаются совершить военный переворот – думает он – я сокрушу их раз и навсегда – Благодаря их милитаристским притязаниям я и докажу всем, что я – не большевик». Так он думает. Ему нужен Ленин, чтоб доказать, что Керенский – не Ленин. Керенский разъезжает повсюду на американском автомобиле. То и дело меня подвозит, и мы катим сквозь черно-белые пейзажи. Он хочет, чтобы я защищал его перед историками. «Они прокалывают мне шины, – жалуется он. – Революций в России много. В следующей победа будет за мной». Он так полагает. А Ленин гулко хохочет в лесу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*следующему потенциальному покупателю*): Вы почему намерены приобрести тело Ленина?

СОРОКОВОЙ ПОТЕНЦИАЛЬНЫЙ ПОКУПАТЕЛЬ: Такая прелесть! Такой чудный запах! Когда Св. Николая де Барии уложили в мраморную гробницу, то из чела его забил источник благовонного масла, оказавшегося целительным для многих страждущих. Взгляните же на масло в этом саркофаге! Целое озеро благовонного масла!

АДВОКАТ ЛЕНИНА: Я был адвокатом. Защищал многих, кого потом все же приговаривали к смерти. Помню говаривал: «Хотелось бы защищать моего клиента, но его преступление настолько очевидно и ужасно, что я бы с большей охотой выступал в качестве свидетеля обвинения». Многожды это повторил, но меня не приговорили к смерти. Снова я в Москве, в городе, где родился, умер и канул в вечность. Улицы пустынные и грязны. Отовсюду слышатся выстрелы.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (следующему потенциальному покупателю): Вы почему хотите приобрести тело Ленина?

ПЯТЬДЕСЯТ ПЕРВЫЙ ПОТЕНЦИАЛЬНЫЙ ПОКУПАТЕЛЬ: Сестра Франческа обнаружила крест в сердце сестры Кьяры де Монтефалько. Ее сердце было больше обычного. Оно было больше головы младенца. «Иисуса Христа распяли в сердце моем», – нередко говаривала она. А мне интересно узнать, что скрывается в сердце у Ленина.

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ: Наверное, серп и молот. Или просто нож кухонный.

ПЯТЬДЕСЯТ ПЕРВЫЙ ПОТЕНЦИАЛЬНЫЙ ПОКУПАТЕЛЬ: Сестра Франческа нашла еще и хлыст, которым били Иисуса Христа его мучители.

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ: И у Ленина в толстой кишке тоже должен быть хлыст.

ПЯТЬДЕСЯТ ПЕРВЫЙ ПОТЕНЦИАЛЬНЫЙ ПОКУПАТЕЛЬ: Еще сестра Франческа нашла в сердце терновой венец, три гвоздя, копье...

ПРАВОСЛАВНЫЙ СВЯЩЕНИК: И мы глубоко и молитвенно верим в то, что придет время, когда Всемилостивый Господь вернет Свою благодать Русскому народу. И тогда воскреснет Русь Святая и всенародно прославит своего Царя Мученика и все то, неисчислимое множество верных сынов и дочерей России, которые отдали свою жизнь за непоколебимую верность Христу и Его Церкви. Народ знает и ясно видит, кто истинный пастырь, и кто волк в овечьей шкуре, и, поэтому, бережет своих истинных пастырей и помогает им. Когда совершится, по Божьей милости, избавление Родины, то озарится пасхальной радостью вся Родная Земля. Снова будет Помазанник Божий, Царь – подлинный отец своего народа. И снова, неразрывно с церковным благословением и в полном послушании правилам церковным и с соблюдением Божия Закона, будет строить свою жизнь наша Страна.

АДВОКАТ ЛЕНИНА: На площади у Петровских Ворот, ярко освещенной прожекторами, всегда дежурит отряд советских солдат, готовых во всеоружии встретить жертвы великой тюрьмы. Время попусту не тратится. Тех, кто сам не явился к месту своей казни, отлавливают и волокут сюда. Несколько матросов привычно управляют с расстрелом. Они тут добровольно: не могут спокойно спать, пока не пристрелят кого-нибудь. И я не могу спать. Из-за галлюцинаций, наваждений среди бела дня, ночных кошмаров. Слышу голоса, наяву вижу площадь Петровских Ворот, прожектора, солдат. Я никого никогда не

убивал. Всегда всех защищал. Тех, кого я защищал, убили. Мне было приказано не мешать машине правосудия.

Кто-то живёт здесь рядом. Но я не знаю кто. Расстрелянный преступник? Уверен, что это мужчина; будь это женщина, я с нею бы уже завёл знакомство. Я бы её нюхом уловил. Чувствую, это – мужчина. От мужчин другой дух. Сводится ли все творение к запахам и звукам? Порою слышу его шаги. Куда направляются? Ко мне. Всё ближе и ближе. Из любопытства я бы уже открыл дверь, если бы хоть единая дверь была в округе. Убьёт, отомстив за себя неповинному обывателю? Я же не виноват, что его семью не известили о предстоящей казни. Семье не сообщили и о его похоронах, если таковые вообще имели место. Какова моя вина? Я могу теперь всё передать его семье, если ему угодно. Письмом или по телефону. Какая разница? И его семья, скорее всего, тоже была расстреляна, только в другом тюремном дворе. А его оповестили об их казни?

Палач выводил приговорённого нагим в тюремный двор и приказывал лечь на землю. Убивал выстрелом в затылок. Мёртвые не имут срама за наготу свою.

Когда расстреливали много, в тюремных дворах трупы лежали вповалку – одни на других. Но в те дни я ещё не был адвокатом. Они и не нуждались в адвокатах. Почему меня не пристрелили в затылок? Разве я виноват, что меня не расстреляли? У них было ходячее выражение: «Лучше расстрелять десяток невиновных, чем отпустить одного виновного». Наверное, я был двенадцатым в их списках.

Мне приказали быть адвокатом Ленина, и этот приказ пока не отменён. Поэтому я обязан защищать его наилучшим образом. Защищая Ленина, я защищаю себя. От гнева Божьего. Но больше я не стану защищаться. Напрасная трата времени. Его буду защищать. Вместо того, чтобы говорить: – посторонний обыватель скажу, что Ленин является таковым. Он понятия не имел о том, что происходит в подвалах Лубянки. Или на площадях и в тюремных дворах. В парках и садах. В лесах, на берегах. Повторяю, Ленин не знал ничего. И приложу все силы, чтобы доказать это. Чем весомее будут мои доказательства, тем скорее попаду в Рай.

Где живёт Ленин? Надо переговорить с ним. Не могу принимать решение о методе его защиты без его участия и советов. Вчера докучал мне, бежал рядом, как выдрессированная собака. Может статься, что Ленин в новой инкарнации – мой пёс! Я пинал его и пару раз по рёбрам хлестнул. Ничего подобного бы не сделал, если бы знал наверняка, что он мой пёс. Вчера мне не был нужен. Имею в виду Ленина, а не пса. Сегодня нужен. Где он сейчас? Обиделся и переселился в другую зону Потусторонки? Нашёл себе другого адвоката?

Он не может быть далеко от тех мест, где прозябаю. Не знаю, где расположена его тюрьма, но уверен, что она неподалёку от моей тюрьмы. От моей тюрьмы все недалеко, кроме Бога.

Час назад я углядел жену Ленина. В полутьме мне удалось заметить её лицо, и я прибавил шаг в надежде получить от нее необходимую информацию. Я чуть не кинулся к ней с вопросами о муже. «Где он? Почему вы оставили его в

одиночестве?» Но вдруг увидел, что она не в одиночестве: идёт под руку с живым мужчиной; и я, растерявшись и смутившись, повернул обратно. «Как же мне быть?» – спросил я себя. И ответил на вопрос, спрятавшись за ствол дуба. Решил последить за ними и разгадать тайну их отношений. Возможно, для других эти отношения не являются тайной. Быть может, все в Потустороннем мире перешёптываются об их отношениях. Лишь мне ничего не известно. Как адвокат Ленина я обязан знать о любой подобной интрижке. Если это любовник, то Ленин, скорее всего, убьёт его. Не из ревности, а потому только, что любовник – человеческое существо. Ленин же людей терпеть не может, ни живых, ни мёртвых. Он их убивает долой с глаз своих – либо убивая, либо уничтожая ещё каким-нибудь образом. Думаю, на сей раз нетрудно будет вызволить Ленина из петли. Убийство из ревности – «crime passionnel», как говорят французы. И я принялся репетировать свою речь:

«С того момента, когда мой клиент впервые увидел свою будущую жену в Мавзолее, он вёл себя по отношению к ней очень преданно. С тех пор он ни разу не взглянул, ни на одну из наших местных проституток и не обращал даже внимания на порнографические картинки, расклеенные у него в ванной. Его не волновала уже и фотография его прежней супруги. Надежды Крупской. А ведь раньше, в особенности, когда соседи непристойно стонали и выли за стеной, скрепя пружинами кровати, он бережно брал ту фотографию и целовал ее. Клиент мой ревнив. Я это и не собираюсь отрицать. Я тоже ревнив. С какой стати делить с другими то, что принадлежит только мне? Разве вы стали бы делиться? Почему это мы должны допускать, чтобы наши любовницы желали и обхаживали других мужчин? Это было бы какое-то нравственное извращение, не так ли? Мы же – нормальные мертвецы, разумные и достойные».

Затем я повернулся к его жене и обращаюсь к ней в присутствии присяжных. «Вы не против, если я задам вам вопрос личного характера? – спрошу я. По-моему, все вопросы личного характера. – Почему вас влечет к другим мужчинам? Или не отдаете себе отчета за кем вы замужем? Почему разгуливаете под ручку с чужаком, с иностранцем? Он, что привлекательнее или, как теперь принято выражаться, сексуальнее? Вне сомнений, он моложе. Живой, к тому же. У него ни на лице, ни на животе нет ни морщин, ни складок. Но он никогда не станет ни Лениным, ни Сталиным. Никогда не построит первое в мире социалистическое государство. Никогда никого не убьет. Он – так себе, обыватель, серая мышь. Случайный залетный, серийного производства. Невинный свидетель. Все свое земное существование он проведет на углу какой-нибудь захолустной улочки, пассивно наблюдая за мельчайшими частицами Времени, он следа своей личности не оставит в нем. Да личность и нет у него. Его единственное достижение – в том, что он еще жив. И никакая хворь его не берет». Что есть жизнь, уважаемые присяжные? Преходящее состояние, которое – в необозримом множестве стихов – уподобляется букету роз, увядающих в театральной уборной какой-нибудь прославленной актрисы? Я знал многих актрис. Вся ванная была обклеена их фотографиями. Любили розы. Им нравилось, как я их расставлял по театральной уборной. Как могилы, выглядели эти уборные!

Ленина нигде не найти. Если бы его похоронили, я бы разрыл могилу и вытащил его оттуда, чтобы снова спасти от виселицы, электрического стула или расстрела на площади у Петровских ворот. Но он гуляет где-то на свободе, как говорят у нас в Потусторонке, а у меня нет времени дожидаться гробокопателей.

Поэтому я следую прямо по пятам его жены в надежде, что она приведёт меня к его лачуге. Но она не одна и посему направляется в ближайший лесочек и там, донага разоблачившись, ложится, дабы любовник смог воспользоваться её щедротами. Он приступает, и она начинает так стонать и охать, что приводит в действие все акустические возможности Ада. Но Ленин не является на место преступления. Быть может, не узнал голос собственной жены? Ведь наверняка его услышал. Но почему-то не узнал. Возможно, опять вопит или строчит очередной шедевр. Или топает ножкой.

Где же он? Только имя его витает повсюду, в моей красной пустыне. Я выкрикиваю это имя громко, чтоб он меня мог услышать – да и Богу доказать заодно, что я не позабыл о долге. Кричу имя Бога, дабы Он не подумал, я забыл о Нём или милости Его. А то ли имя кричу? Сколько имён у Бога? Сколько раз Он был крещён? Каббалисты предостерегали живых о сокрушительной силе священного имени Бога, но обитателям Ада терять нечего, как и рабочим или заключённым. Нам нечего терять, кроме цепей. А у меня нет даже и цепей. Я без помехи могу двигать руками и ногами. Иду куда хочу. Куда? Зачем? За Лениным или за Библией. Не моя вина, что нету Библии в Аду. Зачем такая цензура? Сдаётся, Бог демократичней Сатаны. В Библии Ад описывается неоднократно. К примеру: «И ввергнут их в печь огненную; там будет плач и скрежет зубов!» Жена Ленина стенала, но не плакала. Кроме того, поблизости не было никакого огня. Здесь так холодно, что я всё бы отдал – только посидеть бы пару часов у огня в моём земном жилище. Всё равно, Бог намного демократичней и терпимей. Не вычеркнул ведь его имя из Библии. Я имею в виду имя Сатаны. А сколько имён у него? Сатана, Дьявол, Люцифер. И так далее и тому подобно

Более того, Бог и Ленина не вычеркнул из Творенья. И продолжает терпеть его имя в земном пределе. И тело, соответствующее имени тому, хотя и приблизительно. Прекрасный урок демократии.

Должен ли я защищать это имя перед историками и обычными гражданами России? Ленин. Ещё раз крикнуть? На всякий случай. Ленин! Имя его лишь часть его сущности. Моя теперешняя защита освободит ли меня из тисков Сатаны? Сомневаюсь. Чтоб свое тело вызволить отсюда, мне нужно тело Ленина.

В прошлое воскресенье я написал ему письмо.

Хорошо бы побеседовать нынче вечером. Давайте немного потолкуем. Сначала пообедаем вместе. Я ведь до смерти проголодался. Обед при свечах. Вы любите гусиную печёнку и устриц? Если не придёте в течение двух часов, то один разделаюсь с ними.

Почему же не пришли? Обиделись и уехали в Швейцарию? Я наподдал вам ногой, потому что принял вас за свою собаку. Я её очень люблю. Но собакам надо периодически поддавать, иначе перестают слушать хозяев. Я вам не хозяин. Бог вам хозяин. Я вам друг. Намерен помочь вам. Не полагайтесь на Бога. Он – общественный обвинитель. Не рассказывайте ему ничего о ваших предполагаемых преступлениях. Мы будем отстаивать версию «не виновен». Часто ли Бог навещает вашу лачугу? Поведайте Ему о моих страданиях. Но не поддавайтесь запугиваниям!

Не пришёл. Ни в понедельник, ни во вторник. Ни облегченья, ни спасенья. Никто даже не попытался похоронить меня. Я же не Ленин. Почему же не хороните меня?

Один раз меня уже похоронили. Ведь мёртвые спят в своих гробах. Почему же я не могу спать? Почему звёзды постоянно висят у меня над головой? Они – микрофоны?

Бог тоже не пришёл. Но Бог ведь не гробокопатель? А кто Он? умыкатель трупов? Он является на наши кладбища и вытаскивает нас оттуда, возвращая к жизни. Первый такой подвиг Он совершил много лет назад. Тот человек, по имени Лазарь, был просто подопытным кроликом. Теперь целая армия Лазарей бродит по земле, то и дело спотыкаясь о Время. Если бы не Бог, я бы спал себе и видел сны. Если бы не Ленин, не сделался бы советским адвокатом. Потом я снова взялся за своё письмо.

У меня есть книга для вас. Не для Сатаны, не для Бога. Для вас, Ленин. Ваше ли это имя или вы опять переменили его? Взяли новый псевдоним? Бойтесь, что Бог найдёт вас и станет пытаться в Аду? Неужели думаете, что Богу нужно ваше имя, чтоб обнаружить вас и изловить? Думаете, Он пользуется адресными справочниками?

У меня для вас книга. Не справочник. Она называется «Положение рабочего класса в Англии»! Хотите почитать? Тогда приходите. В моих дебрях найдутся и другие книги. «Судьба капитализма в России», «О пореформенной экономике обществам». Будете в моих кустах изучать теоретические аспекты крестьянской рачительности и бережливости. Здесь на лугах и полях проверите свои выводы на практике, соприкоснувшись непосредственно с жизнью крестьян, беседуя с ними. А я буду слушать и записывать всё. Эти записи могут мне понадобиться в предстоящих судах. Приходите, навестите меня! Обещаю рассказать вам кое-что о вашей супруге, о том, как она проводит досуг вне дома. Я собираю всю доступную мне информацию о её поведении в соседних перелесках. Думаете, она гуляет там одна? Полагаете, прогуливается со мной, беседуя о вас и ваших успехах? Думаете, с какой-нибудь монашкой ищет моховички, боровички?

Поторопитесь! Вы избавите меня от бремени жизни и заодно подкатите меня к столу. Вы же сильный! Надо было мне колёса смазать несколько лет тому

назад. Считалось, что смогу добраться до самого Рая на этой старой проржавевшей каталке. Невзирая на коряги и руины?

Неужели мне дали ленинскую каталку? Но нет письменного стола. Или его унесло порывом ветра? И тем же ветром угнало самого Ленина к рубежам Потустороннего мира? Куда мне не добраться? Или то был другой ветер, другие силы, другой дьявол? Или Ленин, наконец, умер и завещал мне свою каталку вместе с нищетой? Как же я без этих судов над Лениным вызволю из рабства свою душу? Труп же не избавляют от смерти. Его избавляют от жизни.

РУССКИЙ ПОЭТ:

Я лежу на кровати, и свет
Мне глаза открывает. Вижу я
Время, не более и не менее:
Страдания, спасения,
Ненависть и любви воскресение...
Всё, ничто.

Листок бумаги
Приглашает на неподвижный танец,
На позу проволочного плясуна.

Время замирает
И движется вновь — внутри стиха.
Пространство измеряется
Промежутком между стансами.

Не моя вина,
Что стихи мои плохо кончаются. Я не пророк
И не ясновидец. Но у меня,
Как и у всякого земножителя, есть представление
О будущем — о светопредставлении
Нас ожидающем. Будем надеяться,
Что я неправ: трудно
Выносить дурные предчувствия.

С сегодняшнего дня
Буду останавливаться на полдороге
Стихотворения и тревоги.
Пусть мир процветает
Благодаря моему молчанию.

ПРИЛОЖЕНИЕ ПЕРВОЕ

Не выделяю я и этого дня из череды всех дней, что открываются пред мною и замыкаются за мною, пока бреду своим путём тернистым ко спасенью. Они столь одинаковы, что я порой не различаю, как день-деньской перетекает в своё ночное продолжение или, напротив, как тьма ночная уступает место свету. Нередко путаю я и недели с сутками, секунду я способен посчитать той, и всё такое и подобное тому. Это выражение – весьма распространено в Потустороннем этом мире, в пределах Вечности Великой. И всё такое и подобное тому. Никто не говорит просто «так далее». Оно ведь тянется гораздо дольше: «Всё такое и подобное тому». Пожалуй, Вечность вся в нем заключена, во всем таком, тому подобном». Вся наша вечность без остатка. А эти смотрят всё свой бесконечный телесериал. Сталин да Берия. Мексиканская мыльная опера. Не выношу запах наших болот.

Не выделил бы сегодняшний день из череды дней и ночей, что открываются и закрываются пока бреду вдоль своего пути. Они настолько похожи друг на друга, что частенько путаю день с ночью и наоборот. Таким же образом смешиваю дни с неделями, минуты с секундами и так далее и тому подобное. Это выражение не устареет в потустороннем мире, в пределах Вечности. «И так далее и тому подобное». Лучше, потому что длиннее. И так далее и тому подобное. Будто вся Вечность в нем заключена, Вечность во всем ее величии.

Вдоль моего пути повсюду телевизоры. Они свисают с рождественских елок, мерцают из-за кустов, что хлещут меня по лодыжкам и икрам, дабы напомнить мне о родине. Они совершенно одинаковые и бесконечно повторяют один и тот же Французский фильм. Какой-то тип все сидит в баре и пристает к бармену с одним и тем же вопросом: «Зачем я здесь?» Он пьет коньяк и смотрит то на бармена, то на оператора. А я не пью. Здесь в Потустороннем мире пьет только Ленин и, когда вылезает из своего саркофага и пытается пройти по своей тропинке, то шатается, будто береза под свирепыми порывами ветра. Однажды, еще в Санкт-Петербурге, он притворился пьяным, чтобы улизнуть от двух жандармов. И вот с тех пор глушит водку и клянет своих жен. Жены приходят и уходят, а его проклятья остаются. Меня он тоже проклинаяет. А я, как был, так и остаюсь, несмотря на все мои самоубийства.

Думаю, я – в Аду, и люди, что встречаются мне в этих болотах и дебрях, лишь подтверждают это предположение. Но некоторые из них ещё надеются, что мы – в Раю или, по крайней мере, в Чистилище, виды которых им, якобы, хорошо знакомы по открыткам и фотографиям. В их голосах нет никакой уверенности, да и кашляют они так надсадно, что я никогда не решусь высказаться вслух об их заблуждениях.

Что я здесь делаю? Кто я такой? Что я такое? Некоторые утверждают, что я душа Ленина. Мне все равно. Бреду в сторону Бога, в его страну. Но Бог весьма далеко, а Ленин близко, близко. Почему я не душа Бога, Его далеко душа? Его близкая душа.

Другие говорят, что я адвокат Ленина. Возможно не сыскать лучшего адвоката, чем душа, своя собственная душа – при условии, что она спасена. А я-то спасен? Душа – женского рода. Я – женщина? Или гермафродит?

В четырех стенах Вечности пространство подобно своенравной женщине. Оно то расширяется, то сжимается, увядает перед моим смущенным взором, и сочится сквозь щели стен. Иногда мне кажется, что вся Россия уместилась на моей ладони, но тут же все исчезает и я, совершенно нагой, стою на пустыре.

Что знаю я о России? Кто о ней что знает? Она загадочна, как сфинкс, и может в любой момент наброситься на вас, обернувшись тигром или простым волком. Русским волком. Таков приговор Запада. Я думаю, что Россия – это кутёнок, мечтающий стать настоящим щенком. Любимым Божьим щенком. Но пространство расширяется куда-то не туда, и расстояние меж Богом и Россией растёт с бешеной скоростью. И многие люди незаконно вторгаются в этот прогал. Ленин – из их числа.

Я тоже мечтаю свернуться клубочком на коленях у Бога, и полагаю, что иду в нужном для этого направлении. Вчера я двинулся было в противоположную сторону и ничего там не обнаружил, кроме трупа в траве. По-моему, это был не Бог. А вдруг это Он – убит аппаратчиками Сатаны во время традиционного визита в Ад? Ницше, воспользовавшись этой неопределённостью, провозгласил, что Бога больше нет. И усевшись у трупа, завывал «Бог умер, Бог умер». А потом заплакал. Я тоже заплакал. Думал о России, о тех кто там живет. Дети моих детей. Тихо умирают в Москве, рядом с Пушкинской площадью. Если б я мог послать им хоть несколько долларов...

Я прикоснулся к трупу и даже погладил его по лицу. Ведь моши даруют благо паломникам и даже случайным путникам. Я просто путник, но застыл на месте, рискуя опоздать на аудиенцию к Богу, и склонился над трупом, который мог оказаться останками преступника, диктатора. Это была ошибка? Понапрасну тратил силы и время? Какая мне будет награда за мои старания и интуицию? Ясно лишь, что опаздываю на аудиенцию. Завтра отправлюсь в путь пораньше, чем обычно. И пойду в том же направлении. Быть может, набреду на другой труп.

А что, если Бог обитает на Плутоне или Сатурне? Я побрел бы и на Сатурн – лишь бы узреть Его и обсудить с Ним проблемы жизни и смерти. Могу я шествовать по воздуху? Передвигаюсь по радугам, кометам и тому подобному. Они – магистрали Вселенной. Многие гоняют по ним, отчаянно сигналиа и бранясь, когда на пути попадает зазевавшийся пешеход. Зачем я завещал жене машину? Думал, что после смерти не бывает жизни? Всегда любил радугу и, завидев ее за окном, обязательно выходил из дома, чтобы понаслаждаться ее сиянием на свежем воздухе под аккомпанемент птиц. Неужели когда-то воображал, что радуга – всего лишь украшение, ни с чем не связанный небесный орнамент? Это пуповина, связующая нас с самим Создателем.

Теперь только три цвета окружают меня и они не зависят ни от погоды, ни от Времени. Пространство подле моих ног всегда черно; небо, манящее душу,

всегда серо; а кровь красна. Почему радуги сняли свои веселые наряды? У них траур? Кого еще прикончит Ленин нынче днем?

Как мне во тьме найти Бога? На прошлой неделе я видел факелы. Они освещали мне тропу. Не раз я спотыкался о древесный корень или налетал на колонну. Почему бы сегодня не молвить Богу «Свет»? Или он запомнил мое слово? Мне Ему напомнить? Как? Бог по-русски говорит? Жаль, нету спичек. Никогда не курил, а зря.

Возможно, еще слишком рано для света. Я клялся проснуться сегодня пораньше. Или пробудиться опять вчера? Но вчера я видел факелы. Не ослеп ли? Недавно Стали ослеп. Быть может, я – Иосиф Сталин? Такого мое новое перерождение, последнее прибежище моей души? Пути душ людских неисповедимы. Цветы не ведают, в какую вазу попадут, какую комнату украсят.

Под покровом этих душ орудуют демоны, особенно те, что обитали в них при жизни и направляли их к тому уделу, который, в конце концов, и осуществился. Ибо вряд ли есть на свете человек, ни разу не пригревший в лоне своем демона. В лоне своем. Станные слова. И в меня вселился демон? Бывает, не узнаю собственных слов. Устами моими глаголет некто другой. Неужели я – глас Сатаны? Пророк Сатаны? И рот мой сам по себе отверзается и не способен я закрыть его? Челюсти и длани мои совсем ослабели, не могу сладить с моим ртом.

Никуда до сих пор не пришел. С таким же успехом мог бы сидеть на каком-нибудь пне и сутки на пролет молить архангелов спеть мне мелодичную колыбельную. Хоть бы Ленин не хохотал столь часто. Его хохот и проклятья заглушают мои молитвы.

Бог меня не слышит. Протянуть бы Ему руку и ощутить бы в своих пальцах Его персты. Моя трепетная, теплая ладонь поведала б Ему о моей любви гораздо красноречивей, чем все мои молитвы и послания. Хоть одно из этих посланий получил Он? Или их перехватила тайная полиция и исковеркали цензоры?

Постоянно сталкивались с какими-то помехами и препятствиями. Чернила засыхают прежде, чем успеваю нацарапать свое имя внизу последней страницы. Бог не знает, чьи письма получает Он в своем небесном чертоге. Сколько людей уже перевели в рай благодаря моим лингвистическим стараниям?

Количество произнесенных и написанных слов столь велико, что мы едва ли можем вздохнуть полной грудью. А уж гулять по улицам совсем не возможно. Ведь самый воздух увешан весь, загроможден словами. Он от словес стал непроницаемым. И гуляя, мы пробираемся сквозь джунгли слов. Они густы и студенисто-липкие. Слова, слова, слова. Иные из них похожи на те предметы, что собой обозначают. И эти словообразные фигуры напоминают мне модернистские стихи, читанные мною в юности. Я был когда то молодым. А в Вечности всегда ты стар. Старики болтают без умолку. Изю дня в день бормочут и бормочут свои просьбы, мысли. И бессонницей страдают. Слова, слова, слова. Но они – основа, престол молитв. Даже безмолвные молитвы кишат словами.

Что мне делать? Демоны наотрез отказываются давать мне телефон и адрес Бога. Вблизи бы Бог услышал и понял меня. Увы, я не могу извлечь всю выгоду

из своего голоса, а он у меня, наверное, привлекателен, ибо стоит только кликнуть моего тибетского терьера, как он тут же выявляется, виляя хвостом. А вот Ленин мне не нужен. Но он тоже является, даже когда ничего не слышит. И собака моя больше не приходит. Живёт, наверное, где-нибудь в Раю. В том же самом Раю? Неужто все домашние животные обитают в Раю? Зависит ли посмертная их участь от прижизненного поведения их хозяев? Собака Ленина жила бы в Раю? Или мы заражаем своей скверной наших любимых братьев меньших?

Звучит ли мой голос и до сих пор красиво и убедительно? Или дело в акустике? В Аду повсюду раздаются громкие вопли и проклятья, независимо от силы источника звука и расстояния до него. Быть может, и мне попытаться привлечь внимание Бога, выкрикивая Ему проклятья? У меня полно времени, чтобы потом вымолить у Него прощение. Пред нами вечность. Главное – заставить Его выслушать меня.

Конечно, я – в весьма невыгодном положении, ибо почти ничего не знаю о характере Бога. Бабушка в своих песнях всегда уверяла, что Бог – добрый, великодушный. Он всё понимает и всё прощает. И Он – совершенно восхитительный, – шептала она, склонившись над моей кроватью. Она хотела, чтобы я представлял себе Его в человеческом облике. Думала, что в таком виде полюблю Его сильнее.

Однажды увидел в каком-то журнале фотографию Бога, и Его величие так поразило меня, что я тут же влюбился в Него всей душой. Тогда впервые в жизни меня посетило чувство духовной любви и дух мой, так сказать, вознёсся. Спустя несколько дней бабушка объяснила мне, что это была фотография известного актёра, исполнявшего роль Бога в какой-то драме. Я был несколько разочарован. Но Бога продолжал любить вопреки разочарованию, которое само по себе всецело перешло в ненависть к тому актёру. С тех пор я всё время и думаю о Боге. За что я попал в Ад? За то, что был адвокатом в Советском Союзе?

Ту фотографию вместе с кипой старых, бережно хранимых мною журналов, выбросила наша слишком усердная и несколько туповатая горничная. Но Бог остался в моём сердце. Когда я был маленьким, Он часто, закинув ногу на ногу и скрестив руки на груди, сидел на тумбочке, стоявшей у моей кровати. Иногда Он склонялся надо мной и взором проникал в мой сон.

Я – русский и потому не мыслю жизни без Бога. Ни искусство, ни пища никогда Его мне не заменят. Через всю историю Русского государства, начиная от крещения Руси при князе Владимире до XX века, яркой чертой проходит любовь русского народа к Богу, любовь к созданию светлых Божьих храмов. Как звёздочки сияют на небе, так и по всем просторам необъятной русской земли своими золотыми куполами сияли намоленные Божьи храмы. В них начиналась жизнь каждого русского человека, в них же и заканчивалась она.

Бог сейчас меня слышит? Где микрофоны Его? Или они воспринимают только богохульства мои?

Разве я когда-нибудь в жизни богохульствовал? На памяти у меня множество ужасающих деяний русских антихристов. И таковых было много, не

только Ленин, Дзержинский и Сталин. Бессмысленное, варварское, нелепое разрушение церквей – этих самых дорогих русскому сердцу святынь – невозможно понять. За, полстолетия правления атеистов сотни, тысячи церквей, возведённых во имя Бога, где люди, веками творили молитвы, погибли безвозвратно. Разве я принимал участие в их разрушении?

Как свежий воздух с гор поражает духоту долин, так и христианская церковь, основанная на Руси князем Владимиром, поразила языческие формы жизни наших предков, смягчила грубую силу, господствовавшую в то время, положила конец многоженству, рабству и беззаконию. Вместе со светом христианского учения пришли грамотность, основы законности, морали, нравственности, постепенное смягчение нравов. Свет неустанно рассеивал тьму.

Что за слова произношу я? Эти мысли я изложил бы иными словами – Я трепещу пред мощью Бога и преклоняю колена мои даже пред величественной тенью Его.

Что надлежит мне сейчас сказать? В настоящий момент? Почему Бог не помогает мне говорить? Почему не поможет мне думать? Почему не смешивает ингредиенты мыслей в моей голове до тех пор пока не сложатся в достойную быть высказанной речь? Если нет у меня потенциальных мыслей, то сложи их в Господи в мозг! Не слишком много, прошу тебя! Я так устал. Признать себя виновным? Что я должен делать в сию минуту?

Помню одну из бабушкиных песен:

Бог старушкам помогает:

Щедро их освобождает

От годков тягучих

Да от слез горючих.

Я всеми забыт и всего лишен. Даже Ленин меня покинул. И мой пес. Почему Богу не жаль меня? Почему Ему было жаль мою бабушку? Потому что верила в Него или просто старухой. Я – тоже старуха, в некотором смысле. Ее окружали дети и внуки. И у нее было три собачки. И все они на кровати спали с ней. Во сне она храпела. Я храпеть могу, но сна лишен. По Божьему повелению. Она почти все время спала. А, пробудившись, толковала мне о Боге. Слушал ее рассказы, песни. А мог бы играть с другими детьми. На улице или дома. В футбол или в шахматы. А я стоял у бабушкиного кресла-качалки и слушал ее повести о жизни Бога и Его великодушии. Разве этого мало? До сих пор не умею в шахматы играть.

Движение стало просто ужасным. Носятся, как одержимые. Керенский, Берия, грузовики. Все. И велосипедисты. Где же Ленин? Может быть, его задавили? Или просто телевизор смотрит? Но нынче вечером по основному каналу – ничего. И у нас в зоне нет ни кабельного телевидения, ни видеокассет. Несколько кассет есть, правда, в магазине на главной улице, но мы не имеем права в него входить. При входе там стоят часовые с пистолетами в карманах.

В Аду покупками могут заниматься только иностранцы. Доллары имеются лишь у обитателей Рая.

Сегодня вечером повяжу любимый галстук. Где мое любимое зеркало? Я утром чистил зубы? Вчера причесывал? Все делаю раз в неделю, раз в вечность. Красив. И без галстука. Очень красив. Не надо зеркала, чтобы убедиться, как я красив и добр. Весьма великодушен. Как Бог. Он, наконец-то, придет? Но женщины галстуки не носят. А гермафродиты?

Когда Бог придет? Быть может, заблудился у меня в столовой? Здесь кто-нибудь есть? Где Ты? Почему я ощущаю присутствие Бога? Я всегда его чувствую. Быть может, Ты живешь здесь, а я о том не ведаю. Могу случайно ушибить Тебя колесами каталки. Они такие большие и тяжелые.

Еще одна ночь. Никто не смотрит на меня. Кто-то прикасается к моему лицу, к груди. Мне ведь нечего стыдиться самого себя? Сколько лет прошло. Сколько дней, ночей и утр. В следующий вторник надо будет вымыть руки. Потому что в среду придет Бог.

У Бога есть сердце? Он гуманен?

Господи, позвони раза три. И если я не отворю дверь, постучи в неё посильнее. Ты же сильный. Ты гонишь ветры, движешь звёзды. Ты говорил о своей силе в книге Иова. Упоминал левиафанов. Ты их перемещал. Почему меня не переместишь? Разве я тяжелее левиафанов? Себя-то можешь сдвинуть? Тогда приди и позвони мне в дверь!

Если не услышу, кинь камень в моё окно. Бульжник. Клянусь, я услышу! Я так много слышал в жизни. К тому же, музыку люблю. Тебе нравится Вагнер? В частности, «Гибель Богов?» Я Тебе спою финальную арию Брунгильды. У меня тут прекрасный рояль. Недалеко от постели. У меня недалеко от постели всё, кроме Тебя. Я не смогу отворить дверь.

Ещё одна вечность. Ещё одна трясина. Ещё одна лестница. Что я здесь делаю? Всё помню. И лестницы и болота. Много их было. И каталки. И Бога. И долг свой. Должен говорить всю жизнь до последнего дня. И всю смерть. Пока меня не похоронят. В лоне земли. Навсегда. Одного захоронения мало. Одна смерть dokonать не может. Даже Ленину нас не убить. Даже Богу не под силу уберечь нас от Вечности.

Не хочу, чтоб Он меня узрел в подобном виде. Не приходи, Господи! Поговори со мною. Ты же можешь из сумрачной дали наставлять рабов Твоих. Издалека пошли мне кассету, ежели Тебе угодно. У меня должен быть Walkman под подушкой. Беда лишь в том, что у меня нет подушки. А постель есть? Я лежу? Или стою? Или летаю? Левиафаны летают или ползают?

Кто здесь? Я сам с собою говорю?

Я слышу Тебя, хоть и плохо. Слышу шаги Твои, дыхание Твое. Почему дышишь? Ты – тоже живой? Не можешь умереть навсегда? Страдаешь? Расскажи мне все. Говори погромче! Я туг на ухо.

ПРИЛОЖЕНИЕ ВТОРОЕ

Окна есть не что иное
Как приглашение, которое
Мы частенько отвергаем
Потому что не летаем,
Потому что обвиняем
Мир иной во всяких пакостях.

Тем не менее, наша жизнь
Может стать невыносимой
И окно вдруг открывается
Само собой.

Принимаем ли приглашение,
Отвергаем души прошение –
Не избежать судьбы.
После смерти
Нас ждут не иные миры
А распахнутые окна.

Сколько окон в моей вселенной? Я выпрыгиваю из них и падаю на толстые матрасы. Тоска никогда не умрет, несмотря на все ее прыжки и самоубийства. Она до сих пор все кланяется зрителям.

Почему не можешь покарать меня? Почему не придумаешь должной кары? Ты менее изобретателен, чем большевики. Твои возмездия не соответствуют моим преступлениям. Мой роман называется «Преступление». Или «Преступления». Я – Ленин. Или пол-Достоевского.

Я – Ленин. Половина. Двойной. Двойной Ленин, пожалуйста! Я – напиток, коктейль? Они выпивают меня и валятся с ног.

Ещё я – поэт. Pendant mes moments perdus. Просто доказал вам, что знаю французский. Вам нужны доказательства? Думаете, с иностранцами сотрудничаю? Думаете, я – шпион? А вы кто? Зачем вы следите за мной? Что вы танцуете вокруг меня? Хотите меня слопать? Пожалуйста, не надо! Я несъедобен. И пить меня нельзя. Стервятники меня не клюют. Шакалы меня не лакают. И мне ничего не остается, как самому пожрать плоть свою и выпить кровь. Что я и делаю. По вечерам. Когда нечего делать. Не понимаю, почему они считают меня невкусным. Я сам себя поедаю, и сам из себя вырастаю. Не могу умереть. По крайней мере, от голода.

Я говорю, говорю, выговариваюсь, надеюсь опустошить себя и умереть от пустоты. Где-то в глубине желудка еще остались слова. Всегда есть слова в желудке и в кишках. А кишки бесконечны. Слова мои вечны.

И те слова мои наступают, насаждают на меня и принимаются щекотать и колоть. Острые, как бритвы. И режут меня на кусочки. Перерезают глотку. В ванне полно моей крови. И тела мои валяются в ванне друг на друге. Слова шныряют, плавая в крови, и погружаются в пещеры моих тел.

Что Чжуан-цзы говорил мне прошлой ночью? Капканы делают для ловли зайцев, но когда поймают зайца, то о капкане забывают. Слова служат для выражения мыслей, но когда идея понята, о словах забывают. Я бы все на свете отдал, чтоб побеседовал с тем, кто позабыл о словах. Вот что он сказал мне в ванной.

Увы, я не забыл о своих словах. Забыл свои идеи. Не забыл о капканах. Все ловлю зайцев. У меня дома их миллионы. Грудами валяются на письменном столе.

Не хнычьте, товарищи, мы непременно победим, потому что, правда за нами. Все другие, кто б они ни были, не правы. Поэтому они потерпят поражение. И побеждены они, кто б они ни были. Кто б ни были мы. Они побеждены, но не хнычут о поражении, поэтому мы ещё раз победим их. Они опять не скулят, несмотря на нашу победу. Но кто-то должен скулить. Поэтому завоем мы. Кто бы мы ни были. В мире слишком тихо без воя. Вселенная пуста без слёз. Фалес утверждает, что слёзы были той изначальной субстанцией, из коей всё создано. Земля покоится на слезах, говорит он. И плач – в основе всей музыки. Поэтому я и люблю Шостаковича.

Жена изменяет мне каждый день. Уходит куда-то и там раздевается. Какой-то прохожий держит её в объятьях. Они удаляются в лесок. Или занимаются этим в моей комнате. Будто на заводе работают. Не могу не восхищаться ровным ритмом их движений. Выпуск стали невероятно бы увеличился, если б мне удалось их сексуальную энергию направить в промышленное производство.

Что здесь делают эти люди? «Мы освободились, вышли из-под влияния трусливых предателей-либералов!» – кричат они. Прекрасно. «Что дальше? Вы кто?» – спрашиваю я. «Мы взяли в свои руки руководящую роль в демократической революции!» – кричат они. «Я знаю для чего вы здесь! – кричу я. – Вы высоко поднимите моё тело и понесёте его на плечах до самого Санкт-Петербурга!» – «Верно!» – орут они. «Не надо! – кричу я – У меня головокружение!» «У тебя сифилис, а не головокружение! – орут они. – Мы

возвели новую Вавилонскую башню, ты по ней взберёшься и водрузишь на флюгере знамя!» – «Не могу! – кричу я. – Ещё на полпути всё кругом пойдёт!» «Ты должен!» – требуют они. Итак, я беру знамя и послушно карабкаюсь вверх. Женщины машут платочками и громкое «ура» несётся вдоль улиц. Но вдруг толпа издаёт вопль ужаса, и я лечу вниз.

Опять революция. А я-то думал, что навсегда избавлен от подобного. Где теперь моя душа? В руках большевиков? Попал в лапы к ним? Сталин гладит меня по щеке и поёт мне колыбельную. Я умираю, и он кладёт меня в Мавзолей. Люди из народа склоняются над моим лицом и целуют меня в губы. От них исходит плотный и скользкий, как студень, водочный дух. Мои жёны запрыгивают им на спины, и те, как лошади с всадниками, начинают галопом скакать вокруг меня. И мой отец в этих скачках уже предлагает пари на тридцать тысяч долларов. А кони несутся быстрее и быстрее. Сталин из кармана вынимает кнут. Размахивает им над головой. Кони отрываются от мраморного пола и пускаются в полёт. И вспоминаю, что я – поэт.

Не могу больше писать стихи. А что могу? Прошлой ночью сочинил анонимное письмо. Отослал самому себе. «Жена изменяет Вам», – написал я. И подробнейшим образом обрисовал её измены. Подписался: «Ваш благожелатель». Письмо я получил. Читаю его. Рву. Не верю этому благожелателю. Никому не верю. Зачем жене изменять мне? Я – идеальный муж. Я же превосхожу всех в умении определить главное звено в цепи задач, стоящих перед Партией.

Написал ещё одно письмо. Начальнику Полицейского Управления. Ленина видели в обществе политически неблагонадёжных личностей. Против некоторых из них возбуждено следствие по подозрению в антигосударственной деятельности. Так я написал. И поставил подпись: «Ваш лучший информатор». Ленин – опасная личность.

Выслеживаю сам себя. Открываю потайной люк, сбегая в подпол по приставной лестнице, припадаю к стене и прислушиваюсь к своим шагам, что пытаются догнать меня. Шаги слышны уже на ступенях, и я вновь пускаюсь наутёк. Слышу свой голос. «Стой!» – кричу я. Но не останавливаюсь. «Стой! Стой! Стой!» – раздаётся под сводами подвала. И вот схватил себя за руку. Но я не останавливаюсь. Вырываю руку из своей руки и бегу дальше.

Бегу всё дальше и дальше. В потоках моего дыхания пространство парит, как воздушный змей.

Разгоняю тьму, поводя – одним вверх, другим вниз – канделябрами, зажатыми в каждой руке.

Только на этом пути пролетариат сможет освободиться от своей зависимости от шовинистической буржуазии и более или менее скоро в той или иной форме предпринять решительные шаги к настоящей свободе наций и к социализму.

В голове моей так много старых слов! Очень старых. У них полно морщин и волосы седые. Я извлекаю их из головы и складываю на лежанку. Они съёживаются и усыхают прямо у меня на глазах. Сжимаются до размеров нафталиновых шариков.

Слова мои душит кашель. Они больны. Скелет с хлыстом, вихляющийся скелет, испачканный землёй. Он щёлкает хлыстом, и они начинают маршировать строем. Мои слова. Приёмные дети мои.

Монополистический капитализм. Паразитический и загнивающий капитализм. Отмирающий капитализм.

Опять пытаюсь мысленно настроиться на проблему религиозного личного спасения, ибо она непременно возникнет ввиду моего неминуемого самоубийства.

Случалось, я уже нес свой разум ко всяческим событиям и тестам. Помню, держал его на ладонях и покачивал, будто баюкая новорожденное дитя.

Допустим, предстоит новое рождение... когда время придёт... Зачем откладывать подобный переход до какого-то более счастливого момента?... Ничего подобного нет... ни во времени, ни вне времени... ни в мире людей, ни в мире гнущихся уступчивых часов Сальвадора Дали...

Почему не погасить все звёзды и положить тем конец непереносимому созерцанию предстоящих бедствий?

Где моя жена? Одежда её здесь, у меня на постели. А её в постели нет. Это — моя постель? Чья это постель? Сталина? Что он делает на моём ложе? Разве его не убрали из Мавзолея?

В общем, несмотря на множество уступок, это, в конце концов, шаг к разрыву с социал-шовинистами.

Социал-шовинисты стоят в середине зала, и я уйду от них, пока не стукнусь о стену.

Помню, как взбирался на свою Вавилонскую башню по лестнице Иакова, которая сама собою торжественно разворачивалась, как свиток.

Стараюсь забыть о себе, приглядываясь к другим людям. Дело в том, что узнаю себя в других. Они не что иное, как зеркала в человеческом облике. Мы вместе гуляем вокруг Мавзолея. Иногда я перестаю ходить, и тогда они меня уносят.

Вошел в бар и заказал Зелье Забвения. Осушив бокал, я покинул бар и тут же оказался перед Зеркалом Ужасных, установленном при дворе первого царя Ямы. В этом зеркале увидел все сотворенные мной преступления.

Не узнаю свой голос. Голос, что я слышу, притворяется моим. Он не мой. Он исходит извне, а я не извне. Я – внутри.

Последний квартет Шостаковича – длинный, мрачный тоннель. В нём спёртый воздух, а земля сочится, как раздавленное мясо. Кроме того, он напоминает мне фильм Тарковского «Сталкер», в котором несколько человек, поскользываясь и шатаясь, пробираются сквозь хлюпающую грязь безлюдной земли.

Моя мать, должно быть, теперь уже мертва. Раньше часто приходила. Спала на моей постели. Я укрывал её одеялами. Штук пять одеял наваливал на неё. Плотнo укутывал, она задыхалась. Задыхнулась от моих стараний? Я слышал вскрики, много раз. Придушенные вскрики. Откуда они исходили? Не знаю. Я сам вскрикиваю. Кричу около пяти утра.

Он, на самом деле, мой адвокат? Уверяет, что да. Мне не нужны адвокаты. Мне нужны палачи. На этой стадии вечности. У меня в комодe есть пара топоров. Сам я не умею с ними обращаться. А он парализован. Говорит, но не двигается. Лучше бы он был немой, но проворный.

Ты меня любишь? Почему не отвечаешь? Эротика тут не имеет значения. У нас и без нее много общего. Духовная близость. Die Wahlverwandtschaften. Я любил тебя, когда была жива. И скелет твой люблю. У тебя элегантный скелет. А где ты накупила эти наряды? Доллары, доллары, доллары. Давай выйдем, пройдемся, посидим на пенке. Пригласим моего адвоката к обеду. Он обещал убить меня завтра утром.

Мир стал теперь лучше? Без меня? Деньги, деньги, деньги. Они и вселенную оценивают только в денежном выражении. На сей раз я не виноват. Напротив. Такие глупые. Даже я намного умнее. Грядущее – глупо. Прошлое – мудро. Всё бесполезно. Всё безнадежно.

Могильное спокойствие в мире не должно нас вводить в заблуждение. Земля беременна революцией. Лишения, вызванные ростом цен на все товары, повсеместно порождают революционный дух; правящие классы, буржуазия со своими слугами, правительства – все углубляются в какой-то тупиковый проход, из коего им никогда не выбраться самим, без потрясающих переворотов.

У черепа моего порхает история. Я не двигаюсь, а она ходит кругами над мои черепом. Рисует на потолке порочные, бесконечные, замкнутые круги. Как мотылек, притягиваемый светом. Все всегда тянутся к свету.

Почему я не могу жить нормально? Естественно? Как китаец? Чтобы говорить совершенно, я должен изгнать слова. Чтобы действовать совершенно, я должен пребывать в неподвижности. И все будет происходить вокруг меня.

Я сослал слова на острова, но они вернулись, чтоб издеваться надо мной. Запираю дверь, но они пролезают сквозь замочную скважину. И я не могу пребывать в неподвижности. Начинаю беспокойно ерзать.

Думаете, я всё ещё в краю живых? Ну, значит, в ином краю живых. Так сказать, за границей. Хотя и не в Париже. Не в Швейцарии. Возможно, на другой планете. Ничего общего с Землёй. Не могу здесь летать.

Этот маятник, раскачивающийся вверх-вниз, от жизни к смерти и обратно, создаёт некое подобие жизни.

Во мне полно каких-то дыр. В тело вставлены трубки. Аппарат, похожий на спрута. По этим трубкам вдувается новая душа.

Эта планета – огромная поэма. Плохая. Плохенький русский стишок. Я голоден. Человеческое тело вечно. Человеческая душа тленна. Моя душа погибла в изгнании. Я не присутствовал на её погребении. Не люблю похорон. Не люблю кладбищ. Предпочитаю мавзолеи. Предпочитаю мертвые тела мертвым душам. Кровь предпочитаю свету. Когда убивают душу, из нее исходит луч света.

Когда мои мысли-лучи достигают земной атмосферы, они сталкиваются с молекулами воздуха. Наша печальная, возбужденная, нервная вселенная.

Что-то накатывает... вода... волны... Крысы бегут с тонущего корабля. Я остаюсь. Я не крыса. Кто я, кошка? Что бы мне съесть?

Бог должен быть чувствителен к музыке излучаемой моей скрипкой. Ее рыдания и трепет несут меня по воздуху к Его замку. Быть может, я фрагмент картины Шагала?

Бесконечно растекающиеся мысленные волны должны добраться до последней страницы, до последней строки, до последнего знака, до последнего вздоха.

Какое право имеет Бог пытаться меня до пришествия Страшного Суда? Ему что – все позволено? Нынче ночью я отрекся от всего, за что боролся в 1917 году. Сохранение моей личности больше не имеет значения. Я сказал себе: «На меня не рассчитывай». Я вычел себя из себя.

Не отключайте меня, пожалуйста! Обещаю быть послушным и приветливым. Не трогайте мою пуповину! Зачем вы трогаете мои предохранители?

Клянусь, не буду заниматься подрывной деятельностью против царской власти в России. Обязуюсь доносить на революционеров. Обещаю забыть Маркса и ежедневно читать Шопенгауэра. Клянусь, буду защищать Зимний Дворец от большевиков. Клянусь убить Ленина при первой же возможности. Обязуюсь возместить все убытки, что причинил России. Как? Продавая своё тело. Клянусь не покидать Швейцарию в 1917 году. Обещаю убить родителей до моего рождения во имя уменьшения людских невзгод и страданий. Клянусь верить в Бога. Обязуюсь держаться подальше от Земли и Луны. Обещаю стать поэтом и построить башню из слоновой кости в Алакаевке.

Я – старый завывающий бездомный пёс. Бог сбил меня со следу.

Внезапный взрыв, и я опять там, откуда начинал.

Бог непоколебимо продолжает придерживаться своей неубедительной и показной логики.

Под бой барабанов человечество стройными рядами всё так же марширует к всеобщей могиле. Почему не может оно беззвучно маршировать? Почему движется под барабанный бой? Почему не остановится? Неужели стоит идти так далеко? Что там, на горизонте? Ещё один мавзолей?

Я съел два гриба. Надеюсь, они ядовиты.

Мое тело – сосулька. Свисающая с крыши. И звуки звонкие мои – как в арии Папагено «Ein Mädchen oder Weibchen».

Спотыкаюсь о свои же кости, разбросанные по всему коридору.

Я вырос из моей же мумии. Ведро взрастило ветви мои. И по Мавзолею я широко распластал крону с обильной листвой.

Внезапно пробудившись, я огляделся, пытаюсь понять, что же заставило меня выйти из состояния небытия, к которому так привык при сталинизме – в эпоху глубокого холода. Провел рукой по голове и приободрился, почувствовав знакомый рельеф: за ночь новых шишек не появилось. Стало быть, никто не дубасил меня по черепу ни кулаком, ни палкой. «Видно, не хватает палок», – произнес я про себя.

Итак, меня опять любят и превозносят. Я взглянул на руку, силясь вспомнить кто же погладил меня по волосам всего несколько минут назад. Я сам или кто-то из моих обожателей? Женщина?

Дома хорошо! Уютно. Зачем выходить? Что ожидает меня за дверьми? Все тот же хаос. Мир стар. Теперь и Бог уж стар. Устал рассказывать. Каков его писательский, поэтический дар? Шекспиру в подметки не годится.

Интересно – можно ли все-таки по-настоящему влюбиться? Я имею в виду, в человеческое существо... не ангела или Бога. Я женат?

Чья это одежда? Пахнет восхитительно. Не моя. Не в состоянии ее надеть. Ускользает из рук.

Певцы да спортсмены. Больше никого. Только песни, прыжки, бег, плавание, катание...

Холодно мне. Тело полое. Неделью назад видел одну картину. Называется «Полое тело». Изображено человеческое тело без костей, без жил... По сосудам течет вместо крови вода. И, конечно, кожа прозрачна. Картине больше подошло бы название «Человек-невидимка». На холсте ничего не было. А это был холст? Ни капли краски. А как же я узнал там человеческое тело? Вероятно, по названию. Это было именно «Человеческое тело»? Или же «Человеческая душа»? Нечто невидимое, но... Как бы поточнее выразиться? Осязаемое... Холст был осязаем. А это был холст? Была картина? Я её потрогал, дабы убедиться, что она существует. Была. А сейчас есть? Душа бессмертна.

Всё вечно, если учитывать память. У людей короткая память. Но полагаю, есть же на свете космическая память. Назовите её историей, если угодно. Невидимая история. Но она где-то существует. Возможно, здесь.

Миллионы долларов США регулярно выигрываются в прославленной Вселенской Лотерее Венеры. Вы уже знаете, что людям, выигравшим в Лотерее Венеры, выплачены многие миллиарды долларов, включая и самый большой выигрыш, составивший 100.000.000.000.000.000.000.000.000.000 долларов.

Представьте себе, что бы вы могли сделать и как развлечься на такую сумму. Вам стали бы доступны и RFOWQE, и GUVZXQ, и многие другие удовольствия. Со всей вселенной люди слетаются на Венеру, чтобы принять участие в Лотерее. Вы тоже теперь можете играть в Величайшей Вселенской Лотерее и сорвать куш во много миллиардов долларов.

Чей это голос? Это не имеет значения. Слова имеют значение. Слова.

Ваши подписки пересылаются в пункт курьерской почты, расположенный прямо в кратере Тихо на Луне. Оттуда они незамедлительно отправляются специальным курьерским космическим кораблем на Венеру. Это даёт возможность США в кратчайшие сроки собирать ваши подписки по всей вселенной, из любого её места.

Здесь много магазинов. Прекрасная одежда! Великолепная!

Вселенский Торговый Дом Соединённых Штатов немедленно уведомит вас, когда вы выиграете приз в 100.000.000 долларов или более. В качестве приложения вы получите полный список выигрышных номеров за каждые пять недель и, таким образом, сможете тщательно проверить правильность ваших действий. Приз будет выплачен непосредственно вам конфиденциально и в любом месте вселенной. По окончании вашей подписки вы получите окончательный официальный отчёт о ваших выигрышах.

Сегодня я купил себе галстук.

Купил ещё один галстук.

Купил пальто из кашемира. И кашемировый пиджак.

125.000.000 сотрудников компаний объединения ZUKLR Holding Group трудятся по всей Вселенной. Мы летаем только на EZAOU.

Наших высококвалифицированных сотрудников — как мужчин, так и женщин — мы считаем самыми дорогими нашими ресурсами, кои и обеспечивают наилучшие результаты нашим инвесторам и партнёрам по бизнесу. Ежедневно, ежечасно, ежесекундно.

В конечном итоге, принимая решение о том, где именно ваши вклады будут лучше всего работать на вас, семь раз отмерьте — с нашей помощью. А потом уж режьте!

ZUKLR Holding является всемирным лидером среди групп, занимающихся финансированием с сопутствующими услугами. Наш главный офис на Юпитере совместно с нашими компаниями, присутствующими на всех наиболее значительных рынках Вселенной, предлагает инвесторам наилучшие из возможных опционов.

Нельзя же хранить деньги в сапогах!

Зачем же прятать деньги под половицей в спальне? Или вы заботитесь о повышении жизненного уровня мышей и крыс?

Специальные цены по уикэндам. Широкий выбор великолепных персональных космических кораблей. От весьма скромного до совершенно роскошного. Так что, в любом случае – если вам приспичит удрать от неверной жены или, наоборот, примчаться к верной супруге, звоните нам. Или обратитесь за разъяснениями к вашему транспортному агенту.

Последовав совету, я обратился к своему транспортному агенту. Покидая его офис, нёс в руках и на голове кипы проспектов. И вскоре начал ронять их. Какой-то уличный пострел схватил проспект по Андромеде и был таков.

Если вы последнее время внимательно присматривались ко всему, то знаете, что на один чемодан вы запросто можете истратить целых 5000 долларов. Фурито за такую цену готово предложить вам полный набор из четырёх предметов, в которых есть всё, что вам необходимо. Хотите захватить с собой жену? Просто упакуйте её в самый большой из чемоданов «YUGZ»! Она верна вам? Неверна? Тем более, её надо взять с собой!

Вкус успеха и исступленного восторга с 2395 года.

Вкус любви со дня Сотворения Мира.

Новейшее зелье колдуньи – снимает излишнюю половую чувствительность и помогает избежать преждевременного выброса семени. Более 1200 различных применений.

После полёта расслабьтесь, позвольте сделать вам профессиональный массаж в интимной обстановке вашего гостиничного номера, квартиры или дома. Наши массажистки с Венеры.

Я приказал ей раздеться и бросил её на кровать. Потом привязал её ремнями ко всем кроватным ножкам так, что она, лёжа на спине, широко распростёрлась, и было видно всё. Она была беспомощна, и я стал пытаться её. Порол её, резал и наблюдал, как её тело становится прозрачным. Убил её, затем воскресил, потом лобзал её раны. Но отказался поиметь. Мои подчинённые входили друг за другом и по очереди имели её.

Спокойная музыка. Дружеская атмосфера. Сауна. Терапия Млечного Пути.

Непринуждённые лекции о новейшей технологии пересадки волос каждый вечер в 6.30 можно прослушать по номеру 78603-4129758673423064734. Запись на плёнке исключает какое бы то ни было смущение тех мужчин, которые желают знать, как перераспределить их же волосы, дабы скрыть присущую им лысину. Можете звонить из своего дома. Говорить не надо – просто слушайте.

Я люблю её!

Звёздно-пылевой удлинитель. Как утверждает ведущий сексолог, это единственное испытанное электронное устройство, способное с успехом увеличивать мужской половой орган.

Завтра мы приглашены на обед.

Послезавтра должны навестить её дедушку.

Она – моя русалочка!

Не умею нырять.

Не умею плавать.

Кто там щебечет? Мой маленький жаворонок резвится?

KUBRDF. В наших новых часах воплощена чистейшая вдохновенная элегантность Сатурна. У вас есть кровать? Должна быть. Иначе вам нас не услышать. Наши потенциальные покупатели прислушиваются к нашему бархатистому голосу, лёжа в постели, и потому часто путают нас со своими сладкими сновидениями. Вы всегда во сне видели такие часы, не отпирайтесь! Почему бы тогда вам их не купить? У вас есть кровать и теперь вам нужны наши часы, чтобы знать как долго вы пребываете в постели. Вы же не должны лежать там вечно. Есть и другие удовольствия. Жизнь ваша – сладкий сон, но вы можете видеть этот сон везде: на Сатурне, на Андромеде, на Луне. И наши часы помогут вам в этом. Они уведомят вас сколь долги ваши наслаждения. Вам знакомо французское выражение «faire durer le plaisir»? Вы знаете французский? Даже Ленин знал кое-что по-французски.

Так что, возьмите ваши старые часы и раздавите их каблуком – отправьте их к чертям собачьим – и приходите к нам в магазин. Наши часы оформлены в лучших традициях искусных ювелиров. Эти шедевры в корпусах из чистого золота могут измерить всю вашу Вечность. Они подобны сну, но одновременно современны. Зримая и музыкальная дань метафизике Времени.

Это мой дом? Я купил его в прошлом веке. Купил? Откуда мне известно, что это мой дом? Узнаю его? Мебель мне знакома? Откуда взялась эта ваза? А кресло? Это – кресло-качалка? Или люлька?

*Спи в кроватке,
Спи, мой сладкий.
Ты к подушке
Прижми ушко –
Болтовне ты не внимай –
Слова лживы. Баю-бай.*

Это моя кровать. Когда купил её? Когда спал в ней?
Когда видел на ней сны? Что мне снилось? Неважно. Неважно.

А эти стены мне знакомы? Стены всюду одинаковы.

А там – моё окно. Моё окно? Похоже, моё.